

СХ/6

охота

и охотничье хозяйство

2

1999

На первой странице обложки:
Рысь — обитатель дремучих лесов с
густым подлеском и буреломом. Же-
ланый, но крайне редкий трофей охот-
ника.

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
В разгар зимы многие звери и птицы
испытывают солевое голодание.
Соль для лосей.

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
Вот оно — таежное царство.
Пойду белковать и срублю себе еще
избенку — говорит Тимофей Агеевич,
справив свою 78 осень.

К фотоочерку А. Савченко «Таежная
цивилизация»

ПОДКОРМКА КОСУЛИ: НУЖНЫ КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

А. ДАНИЛКИН,
доктор биологических наук,
Институт проблем экологии и эволюции
им. А. Н. Северцова Российской
академии наук
В. ОСТАНИН,
член Центрального правления
Росохотрыболовсоюза
В. СТРЕКАЛОВСКИХ,
председатель Каргапольского
общества охотников и рыболовов

Суровые и многоснежные зимы с настами, которые нередки в России, как известно, не благоприятствуют жизни диких копытных. Бедствующие звери в поисках корма выходят на дороги, к стогам сена, фермам и деревням, где часто вместо помощи получают картечь или становятся жертвами собак. Без подкормки и охраны от хищников и браконьеров все усилия по увеличению или сохранению поголовья копытных напрасны — первая же экстремальная зима значительно уменьшит их численность.

Подкормка косуль, в отличие от других копытных, наиболее проблематична. Их основной зимний корм в природе — концевые части побегов деревьев и кустарников, вечнозеленые кустарнички, подснежные части травянистых растений или зеленые растения, содержащие максимальное количество воды. Когда веточный или подснежный корм становится недоступным для зверей, они вынуждены поедать сухой малокалорийный корм (сено, солому, веники) и нередко погибают с наполненными желудками поблизости от подкормочных площадок и стожков сена или соломы.

Одна из основных причин гибели — обезвоживание истощенного организма. Снег, который животные хватают после поедания сухого корма, нужно растопить и нагреть до температуры тела, на что тратится значительная энергия, которой и так недостаточно при бедных протеином кормах (см. «Охота и охотничье хозяйство», № 4, 1996).

Традиционная система выкладки сухих веников, лесного и лугового злакового сена неэффективна и губительна для косуль. Более того, подкормка копытных в большинстве охотничьих

хозяйств превратилась в имитацию деятельности — егеря, повесившие несколько сухих веников или пучков сена на жердь или под навес или заполнив сухим сеном кормушку, отчитываются о готовности «подкормочного комплекса», проверяющие из Охотдепартамента или Госкомприроды аккуратно пересчитывают веники и ставят галочку. Многим невдомек, что масса корма с одного веника — в среднем около 100 г. Одному животному в день требуется минимум 4 веника, или 400 на 100 зимних дней подкормки. На 100 зверей на зиму необходимо заготовить около 40 000 веников! В части кормушек сгнившее сено или пожелтевшие веники, которые звери не едят ни при каких обстоятельствах, не меняются годами. В отдельных охотничьих хозяйствах после осенней проверки бережливые «хранители» Природы аккуратно изымают из кормушек соль и веники и увозят на базу — до следующей проверки. Но еще больший вред приносит деятельные руководители охотхозяйств, принуждающие охотников в порядке трудоустройства взять десятки тысяч лиственных веников. При этом на больших площадях вырубается кустарник и уничтожается столь необходимый животным естественный корм.

И попробуй не заготовь веников или сена — под этим предлогом чиновники Охотдепартамента могут отобрать охотничью угодья.

Качественный, высококалорийный и влажный корм необходим косулям не только зимой, но и осенью для образования жирового резерва, а также ранней весной в период донашивания детенышей самками и во время роста рогов у самцов. В принципе такой корм в редкие «сиротские» зимы звери находят на не убранных вовремя сельскохозяйственных полях и на озимых. К концу зимы они наиболее охотно поедают сохранившие под снегом влагу «шляпки» подсолнечника, а также початки кукурузы, которые находят по запаху и выкапывают из-под снега. Злаки (костер, тимopheевка и др.) практически непригодны для питания. Эти культуры малопитательны и содержат минимальное количество воды.

Казалось бы, на плантациях озимых, подсолнечника, рапса, козлятника, эспарцета, вики, гороха, кукурузы, топинамбура и других рекомендуемых культур при их огромной биомассе зимой могут прокормиться сотни и тысячи косуль, которые скапливаются здесь с осени. Однако нередко уже с ноября — декабря оставшийся на полях подснежный корм недоступен копытным из-за наста. Высокоствольные растения при — 15 °С вымерзают,

теряют влагу и также становятся почти непригодными для питания. В экстремальные многоснежные зимы с настом именно на сельскохозяйственных полях происходит массовая гибель сеголеток, которые самостоятельно не в состоянии эффективно добывать корм. Кроме того, с несхоженных полей животные обычно берут не более 1—15 % биомассы, тогда как урожаем, оставленный в копнах, стожках или, что гораздо лучше, — под навесами в лесу, где корм не забивается снегом и в любое время доступен, утилизируется полностью или почти полностью. Поэтому большую часть урожая с полей необходимо скашивать и складировать под навесами. Сухой корм зимой желательнее выкладывать на снег с южной стороны с целью повышения его влажности.

Оптимальный вариант — выращивание многолетних культур. Первый укос производится в период цветения растений, второй (для некоторых культур единственный) — необходим после первых заморозков или уже по первому снегу. Сырую зеленую массу оставляют в небольших кучах или, что лучше, закладывают в крытые хранилища. Зеленая масса гораздо полезнее для косуль, чем сухое сено.

Подсолнечник сеют в наиболее ранние сроки с тем, чтобы получить максимальную массу «шляпок». При позднем посеве зеленые растения утилизируются копытными еще с осени, что тоже неплохо, но зимой на таких полях им есть уже нечего. В районах, где подсолнечник выращивают для получения масла, обмолоченные комбайном «шляпки» собирают в бункеры-накопители и оставляют на поле в кучах. К сожалению, зимой они покрываются плотной коркой снега и не всегда доступны косулям. Поэтому этот корм также лучше с осени завозить под навесы.

Рапс, в отличие от подсолнечника, сеют в максимально поздние сроки с таким расчетом, чтобы в конце октября он еще не достиг стадии цветения. Сочная зеленая масса, скошенная после первых заморозков и складированная в хранилищах, поедается полностью. Однако в отношении внедрения рапса как кормовой культуры нужна осторожность. В Западной Европе зарегистрированы случаи массовой гибели косуль, преимущественно сеголеток, на посевах рапса — ОО. Смерть наступает из-за общего расстройства пищеварения и гемолитической анемии в результате отравления метаболитами алкенил- и индолглюкозинолатов и их производных, в частности аминокислотой S-метилцистеинсульфоксида. У павших зверей наблюда-

охота

и охотничье хозяйство 2 1999

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
● Основан в октябре 1955 г.

ется гастроэнтерит, дегенерация миокарда, гиперемия внутренних органов и мозга, гемосидероз печени, почек и селезенки. Интоксикацию переносят лишь около 15 % животных (Hespeler, 1987; Onderscheke u. a., 1987; Schmid, Schmid, 1992). Наибольшее количество ядовитых веществ содержится в рапсе в феврале и марте (Boag et al, 1991). Специальные исследования в Восточной Германии, напротив, показали, что кормежка копытных на полях рапса-ОО в зимнее время улучшает их состояние (Ahrens u. a., 1990). В экспериментах, проведенных в Великобритании, найдено, что степень гемолитической анемии зависит от доли рапса в рационе. Здоровье козюль может быть подорвано, если, кроме рапса, им недоступны другие корма (Sibbald et al., 1995).

Гибель сибирских козюль, регулярно кормящихся на полях рапса, в сравнительно малоснежные годы не отмечалась. Возможно, они более стойкие к отравлению по сравнению с европейской козюлей. Однако в многоснежные морозные зимы в Курганской области наблюдался значительный отход сеголеток. Тем не менее нельзя однозначно связывать их смертность с пищевым отравлением — в это же время еще более высокой она была на полях озимых и не меньшей — возле стогов сена, соломы и в разных типах леса, т. е. во всех местах концентрации зверей. Почти у всех сеголеток, погибших на полях рапса, желудки были заполнены плотной обезвоженной пищей. Более вероятно, их гибель связана не столько с отравлением, хотя и эту причину не следует исключать, сколько с потреблением ими пересоших на морозе верхушек растений, что приводит к обезвоживанию истощенного организма и расстройству пищеварения из-за невозможности отрывивания, пережевывания и переваривания сухой пищи. Взрослые животные, которые более эффективно раскапывают снег и поедают в основном подснежные влажные части растений, на полях рапса практически не

В многоснежье бедствующие животные выходят в поисках корма на дороги

гибнут. Не регистрировалась смертность козюль и вблизи подкормочных площадок с зеленым рапсом. Следует учесть также и тот факт, что эти копытные используют поля рапса и в качестве укрытий. Большинство сеголеток погибали здесь в дни с низкой температурой (около -30°C) и сильным ветром от переохлаждения — они буквально замерзали на лежках.

Проблема использования для подкормки копытных рапса в любом случае существует. Поэтому крайне необходимы эксперименты с этой культурой, которая со временем может стать одной из основных в сельском хозяйстве России и, следовательно, в зимнем питании животных.

В сухом виде наиболее охотно поедается козюлями люцерна, вика и горох. В самые суровые зимы звери на такой подкормке выглядят упитанными и у всех самцов максимально развиты рога.

Большинство лучших трофеев в Кур-

ганской области получены вблизи полей люцерны. После поедания козлятника животные вынуждены употреблять больше снега, чем при питании другими видами растений, и терять энергию. Однако все эти культуры настолько питательны, что даже потеря части энергии не приводит к истощению зверей, что обычно при употреблении лугового или лесного сена.

Немаловажна себестоимость возделывания рекомендуемых культур. По расчетам, сделанным в Каргапольском районном обществе охотников, возделывание рапса обходится в 5–10 раз дороже других растений. В пересчете на несколько лет наиболее выгодными оказываются многолетние культуры — люцерна и козлятник. По результатам экспериментов, еще не завершенных, мы пришли к предварительному выводу, что для выращивания на собственных полях охотничьих хозяйств наиболее приемлема люцерна.

Необходимый для копытных корм, с гораздо меньшими затратами, можно получить при деловом сотрудничестве с фермами, руководителями и специалистами сельского хозяйства. По договору работники сельского хозяйства оставляют его на полях или завозят в подкормочные комплексы, а охотничье хозяйство выделяет им лицензии на добычу копытных или, как вариант, поставляет мясо.

Итак, в многоснежной России необходим переход на новую систему подкормки копытных. Теоретически она обоснована (Данилкин, 1989, 1996) и уже с успехом апробирована в охотничьих хозяйствах Курганского союза обществ охотников и рыболовов. В современном охотничьем хозяйстве нужны эффективные и дешевые промышленные технологии выращивания и заготовки больших объемов высококалорийных и влажных кормов. Ориентир — на подкормочные комплексы: кормовые поля, крытые хранилища с запасами сухого или сырого корма с этих полей и солонцы, лучше глиноземные, рядом с ними. Хранилища кормов должны сравнительно равномерно распределяться по всему хозяйству — минимум одно на 1000 га. В местах осенних концентраций зверей необходимо предусматривать возможность дополнительной выкладки корма. При обильной и качественной подкормке животные не уйдут из охотничьего хозяйства, будут в гораздо большей сохранности, уменьшится зимняя смертность, сократится ущерб лесному хозяйству.

При питании сухим малокалорийным кормом (злаковым сеном, соломой, вениками) косули нередко погибают с напольными жёлудками поблизости от подкормочных площадок и стожков сена или соломы

Имитация подкормки копытных — типичное явление в охотничьем хозяйстве

Сырой (скошенный после заморозков) корм предпочтительнее, чем сухой

М. БЛЮМ

На отечественном рынке оружия появился еще один самозарядный карабин под патрон 7,62×51 (аналог американского патрона «Винчестер 308»), изготовителем которого является вятско-полянский завод «Молот». Впервые этот образец появился на оружейных выставках в 1997 г., а осенью 1998 г. этот карабин должны начать серийно выпускать для продажи.

Внешне этот карабин перестал быть похожим на свой прототип — ручной пулемет Калашникова. Вместо отдельных приклада и цевья он имеет единое ложе, что привело к необходимости замены всем известного громоздкого рычага предохранителя на кнопочный. Такая конструкция ложи улучшает удобство прицеливания, так как позволяет при необходимости расположить левую руку ближе к затвору.

Прицельная линия открытого прицела уменьшена примерно на одну треть, но зато теперь на конце ствола нет такой высокой мушки, которая на охоте цеплялась бы за ветки или сучки. До 100 м такое уменьшение прицельной линии мало отразится на точности стрельбы, а дальше стрелять лучше с оптическим прицелом, который можно установить на карабине. Правда, открытый прицел имеет два фиксированных положения для стрельбы на 100 и 300 м, но все же стрелять на 300 м лучше с пристрелянной оптикой. Основание целика имеет боковые выступы, которые являются направляющими, типа «ласточкин хвост», и служат креплениями для установки кронштейна оптического прицела, мушка имеет боковые выступы, которые защищают ее от ударов.

Общая длина карабина составляет 1040 мм.

Наружная поверхность ствола, длина которого равна 550 мм, имеет продольные ребра, которые увеличивают его жесткость, что ведет к снижению вибраций при выстреле и, как следст-

вие, к значительному увеличению кучности боя. Это первый отечественный карабин, который имеет ребристый ствол, хотя за рубежом такая конструкция довольно сильно распространена. Ведь ребра не только увеличивают продольную прочность ствола, но и снижают его вес. Именно поэтому новый карабин легче своих предшественников на 400 г и весит всего 3,6 кг. В околoduльной части ствола имеются наклонные по отношению к оси канала ствола отверстия, которые служат для снижения отдачи в плечо охотника и уменьшения вылетающего пламени из дула в момент выстрела. Это особенно важно при стрельбе в глубоких сумерках или ночью из-за того, что факел пламени от выстрела ослепляет стрелка и он может не увидеть результат своего выстрела, особенно когда выстрел необходимо срочно повторить при нападающем звере или подранке.

Перезарядка карабина осуществляется механизмом, работающим за счет частичного отвода пороховых газов из канала ствола в момент выстрела. Затвор отходит назад и ставит на боевой взвод курок, извлекает стреляную гильзу из патронника, сжимает возвратную пружину. Затем под ее действием затвор перемещается вперед, подает очередной патрон из магазина в патронник и запирает ствол на три боевых выступа. Остается только нажать на спусковой крючок и произвести очередной выстрел. Карабин имеет в комплекте три типа отъемных магазинов: на три, пять и десять патронов. При нажатии на защелку магазина он не только легко вынимается, но и слегка выталкивается из окна ствольной коробки особым, предназначенным для этого механизмом. Это облегчает и ускоряет смену магазина.

Общее впечатление от карабина остается таким, что он стал похож на охотничий образец, а не на боевое оружие, как предыдущие модели «Вепрь» и «Вепрь-308».

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

(Из записок судебно-медицинского эксперта)

Когда Ивану Сергеевичу перевалило за сорок, он внезапно увлекся охотой. Пристрастил его к ней брат жены Николай, переехавший в их город — Семеновск. Едва только Николай обосновался на новом месте, как нашел себе приятелей-охотников, с которыми стал пропадать в окрестных лесах. Уезжали они электричкой в пятницу, сразу же после работы, возвращались обычно в воскресенье. Года два Иван Сергеевич оставался равнодушным к страсти Николая и даже частенько подтрунивал над ним. Но как-то в один из теплых сентябрьских дней Николай уговорил свояка отправиться вместе с ним в мещерские леса. С этого все и началось.

С той охоты они вернулись ни с чем. Но надолго запомнились Ивану Сергеевичу два тихих вечера в засыпающем лесу, прохладные рассветы... В следующий выходной поездка повторилась. Еще через месяц Иван Сергеевич, получив новенький охотничий билет, купил дустволку, высокие болотные сапоги и стал, по выражению Николая, наконец-то похож на человека, а по словам жены, Аллы Петровны, не очень одобрявшей его увлечение, — бродягой на старости лет.

В Семеновске Иван Сергеевич преподавал географию в старших классах. Вернувшись с войны, он окончил университет и, хоть родом был из Сибири, прочно осел в этих краях. Проработав несколько лет завучем, потом стал директором школы. Алла Петровна работала инженером-технологом, а сын, тринадцатилетний Максим, учился в школе, но из чисто педагогических соображений — не в той, где преподавал его отец. Когда Николай переехал в Семеновск, дочка его, Наташа, оказавшаяся ровесницей Максима, подружилась с ним и ребята часто играли вместе.

Вскоре Иван Сергеевич почувствовал, что два-три дня, проведенные в лесу, становятся для него не просто отдыхом на природе, но и чем-то большим, чем-то таким, что расширяет его профессиональный кругозор. Рассказывал ли он своим ученикам об экологических далеких странах столь же интересно и увлекательно, как о природе их родного края — маленького уголка России, со всех сторон окруженного лесами, не берусь судить, но его ученики удивительно бережно относились к окружающему их лесному великолепию и не без гордости пола-

гали, что живут в одном из самых прекрасных мест на Земле.

Однажды в воскресенье Иван Сергеевич с Николаем рано вернулись с охоты и, наскоро перекусив, легли спать. Алла Петровна насилу их добудилась и заставила обедать. На улице моросил дождь, и, когда погода окончательно испортилась, все решили пойти в гости к знакомым.

— Мужья так редко бывают дома. Все на охоте да на охоте, — сказала Алла Петровна. — А тут вдруг все в сборе. Такое редко случается. Не пропадать же воскресному дню. К тому же Тамара Леонидовна давно нас приглашает. Неудобно...

— Сбегай-ка за Наташей, — попросил Иван Сергеевич Николая. — Пусть к нам идет. Вдвоем с Максимом скучать не будут. А то вдруг мы задержимся. В такой день им лучше побыть дома, чем бегать под дождем.

В то мурное осеннее воскресенье я дежурил на городской станции скорой помощи. В прямые обязанности судебно-медицинского эксперта это не входит, и работал я на «скорой» в порядке совместительства. До обеда серьезных вызовов почти не было. Мы сыграли с Виктором — врачом второй бригады — несколько партий в шахматы, наспех перекусили бутербродами, захваченными из дома. Рабочий день уже близился к концу, когда раздался звонок.

— Срочно выезжайте на Садовую, 8. Из ружья ранена девочка, — произнес чей-то взволнованный голос. — Только скорее. Рана на груди, в области сердца.

Через минуту белая «Волга», стремительно набирая скорость, понеслась к Садовой, находившейся в другом конце города. Ввиду вероятной сложности случая в машину сели и Виктор и я, хотя обычно на вызов по «скорой» выезжает бригада из врача и среднего медицинского работника.

За считанные минуты езды обсуждаем возможные варианты ранения, готовим перевязочный материал, кровоостанавливающие средства. Только бы успеть...

Девочка (это была Наташа) лежала на полу в большой комнате. Матово-бледное с полузакрытыми глазами лицо, под головой подушка. Вокруг люди — вероятно, соседи или родные. Распахиваем на ней кофточку, разрезаем рубашку. На груди слева рана около двух сантиметров в диаметре,

вниз от нее тянется струйка крови.

— Пульс очень слабый, — это голос Виктора.

— Давление шестьдесят на двадцать, — говорит сестра.

Вводим девочке лекарства, накладываем тугую повязку на грудь, кладем на носилки...

В больнице уже знали о случившемся и за считанные минуты, которые ушли на оказание неотложной помощи и дорогу, успели подготовиться к операции. Ранение оказалось очень тяжелым, тяжелее не придумаешь: задето сердце, ранено легкое, сильнейшее внутреннее кровотечение... Операция продолжалась четыре часа, дважды наступала остановка сердца. Трое хирургов и два реаниматора — практически весь дежурный состав небольшой районной больницы — героически сражались за жизнь Наташи. Ей было перелито около двух литров крови, большое количество кровозаменителей. Постепенно состояние девочки становилось менее опасным.

По факту ранения прокуратура города возбудила уголовное дело, и через несколько дней мне, работавшему тогда в Семеновске районным судебно-медицинским экспертом, пришлось осмотреть Наташу. Она была еще очень слаба, и хирурги просили не слишком ее беспокоить. Поэтому я даже не поговорил с девочкой, а лишь внимательно прочитал историю болезни. К тому времени обстоятельства случившегося были уже известны любому жителю нашего небольшого городка.

Вернувшись с охоты, Иван Сергеевич повесил ружье на обычное место. Но... в каждом из стволов тульской дустволки осталось по патрону. Всегда он проверял ружье, прятал патроны от сына. А тут почему-то оплошал. Когда взрослые ушли, дети принялись играть. И вот Максим снял со стены отцовское ружье...

Когда после «скорой» на Садовую приехала милиция, один из патронов еще находился в ружейном стволе. Осмотр одежды, которая была на Наташе, и последующий экспериментальный отстрел позволили установить дистанцию выстрела — в пределах метра. Парадоксально, но факт: близкое расстояние в какой-то мере явилось «благоприятным» моментом для этого ранения. Будь оно больше, произошло бы рассеивание дроби. Удачным оказалось и то, что сердце было

лишь задето крайними дробинами заряда. Если бы дробь летела хоть на сантиметр влево, исход мог оказаться иным.

Буквально через неделю после этого события случилось другое, не менее трагическое. Трое приятелей отправились на охоту. Двое шли впереди, третий (назовем его Ивановым), самый бывалый из них, — сзади. Внезапно тот, кто шел первым, услышал за спиной выстрел. Оглянувшись, он увидел, что товарищ, следовавший за ним, лежит на земле, а Иванов стоит на колене, держа в руках ружье. Когда оба подбежали к упавшему, то убедились, что помочь ему уже ничем нельзя. Позднее Иванов так рассказал следователю о случившемся:

— Ружье у меня было заряжено. Я всегда заряжаю его, как только вхожу в лес. Места тут мне знакомые, все исхожено вдоль и поперек. Вдруг утка взлетит или еще какая дичь попадет. Пока патроны достанешь — ищи ее. В тот раз я тоже не изменил своему правилу. Шли мы не спеша к болоту, лес только начинался. Вдруг я споткнулся и, падая, услышал выстрел. Только поднявшись и оглядевшись вокруг, понял, что стреляло мое ружье. Нога зацепилась за кочку, оттого я и упал. А ружье, видимо, ударилось о землю, или палец при падении попал на спусковой крючок — как и что, сам не пойму.

В дальнейшем криминалистическая и судебно-медицинская экспертизы подтвердили истинность показаний Иванова. Выстрел в спину шедшему впереди товарищу произошел при падении. Криминалисты определили также, что ружье Иванова оказалось неисправным: изношены предохранительный и спусковой механизмы, потому оно и выстрелило.

Занимаясь этими экспертизами, я просмотрел довольно много специальной литературы, и меня буквально потрясли некоторые цифры и факты. Изучая обстоятельства несчастных случаев, связанных с огнестрельными ранениями из охотничьего оружия, авторы собрали колоссальный материал. Приводится огромное число несчастных случаев на охоте и в быту. За каждым из них — подлинная трагедия, смерть или тяжелые ранения людей. Вот несколько примеров.

Судебно-медицинский эксперт О. П. Зеленский описывает такой случай. Некий гражданин Х. (которому, кстати, было уже за сорок), балуясь, стал стрелять из ружья в шляпку патрона, вставленного в расщелину пня. После второго выстрела патрон взор-

вался и металлическая гильза, полетевшая в результате отдачи с большой скоростью назад, причинила Х. ранение сердца.

В случае, о котором сообщил врач А. А. Бурденко, охотник, взяв ружье за ствол, подтаскивал к себе убитую утку. Курок зацепился за ветку — и ружье выстрелило.

В моей практике встретился случай, к счастью без смертельного исхода, в котором выстрел из заряженного ружья произошел в тот момент, когда охотник прикладом пытался погасить головешку. Стоявший рядом товарищ был ранен в ногу.

В широко известном рассказе Л. Шейнина «Охотничий нож» из «Записок следователя» описано событие, связанное с загадочной смертью одного из героев. Сюжет новеллы, как и всех других произведений Л. Шейнина, основан на подлинном материале. В этом случае выстрел произошел в момент удара рукояткой ножа по донышку гильзы. Энергией пороховых газов нож был отброшен назад, причинив владельцу ружья смертельное ранение черепа.

Доктор медицинских наук А. Ф. Лисицын, специально занимавшийся на протяжении многих лет изучением повреждений из охотничьих ружей, на основании анализа 150 несчастных случаев приводит следующие причины случайных ранений: выстрел в результате случайного нажатия на спусковой крючок (36 случаев); выстрел от удара ружья о различные предметы (30 случаев); нахождение потерпевшего на одной линии со стрелявшим (на охоте — 19 случаев); выстрел от сотрясения при передвижении на автомашинах и мотоциклах (12 случаев); выстрел от нажима на спусковой крючок при баловстве с ружьем (6 случаев); выстрел на «шорох», когда людьми, находившихся в лесу, ошибочно принимали за зверей (5 случаев), и т. д.

Недавно, когда в хирургическом отделении одной больницы мне пришлось осматривать пострадавшего охотника с тяжелым ранением лица, я вспомнил одну из названных А. Ф. Лисицыным причин случайных ранений — нахождение потерпевшего на одной линии со стрелявшим.

... Павел Садарчук был опытным егерем. В эту охоту он, казалось бы, правильно расставил стрелков, но одному из них не понравилось его место, и он перешел на другое. Когда прогремели выстрелы и торжествующие охотники подбежали к убитому кабану, из-за деревьев им навстречу выполз раненый Садарчук. Заряд попал ему в правую щеку и, причинив сквозное ранение рта, вышел с другой стороны. Егерь счастливо отделался: несколько сантиметров выше — и рана могла бы оказаться смертельной.

Я уделил столько внимания происшествиям, связанным с охотничьим оружием, сознательно и с единственной целью — внушить каждому, кто взял или возьмет в руки ружье, мысль, что он держит не безобидный предмет, нечто вроде детской игрушки или мужской забавы, а серьезное оружие, представляющее при неосторожном, неумелом или халатном обращении повышенную опасность как для самого охотника, так и для окружающих.

Максима, сына Ивана Сергеевича, разыскивали в лесу более двух суток. Случайный выстрел во время игры, совершенный из-за преступной беспечности отца, явился тяжелым потрясением для мальчика. И хотя прокуратура города прекратила дело по факту ранения Наташи (брат Аллы Петровны и другие родные не захотели подбрасывать лишнее полено в полыхавший костер семейного горения), Ивану Сергеевичу пришлось уехать из города. Слишком сильным оказался резонанс этого выстрела, чтобы он мог, как и раньше, спокойно жить и работать в Семеновске.

Рисунки Б. Игнатъева

В САМОЙ ГУСТОНАСЕЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

В. П. Туманов

Фото Р. Дормидонтова

Беседа нашего корреспондента с председателем Московского общества охотников и рыболовов Владимиром Петровичем ТУМАНОВЫМ

— Владимир Петрович, Московская область — самая густонаселенная и, значит, в ней труднее всего вести охотничье хозяйство. Обилие дорог и транспорта, города — спутники Москвы и промышленные объекты в них, непомерно разросшиеся дачные поселки — все это наверняка осложняет общее сохранение природы Подмосковья и, в особенности, сохранность животных, необходимых охотникам. Как же в таких условиях вам удается вести охотничье хозяйство?

— Да, нам трудно, но все не так безнадежно. Ведь вы, наверное, не раз подлетали к Москве на самолетах. Сверху-то видно, что все-таки значительно большие площади занимает природа. В Московской области на территории в 3,7 млн га 39 охотничьих хозяйств одного только нашего общества, а ведь есть еще хозяйства «Динамо» и военных охотников. Наши хозяйства размещаются в разнообразных ландшафтных условиях от подзоны европейской тайги в Высоковском, Клинском и Талдомском до широколиственных лесов и лесостепей в Серебряно-Прудском, Зарайском и Каширском охотничьих хозяйствах. Есть у нас в Одинцовском, Загорском, Подольском и Волоколамском районах очень красивые места. Окрестности Шатур, Белоомута, Орехова-Зуева все еще богаты местной и пролетной водоплавающей дичью. Не перевелись еще и копытные животные в Высоковском, Раменском, Уваровском, Шаховском, Лотошинском и Клинском охотничьих хозяйствах. На границах со Смоленской, Калужской и Тверской областями есть по-настоящему глухие, дремучие леса и болота в Уваровском, Москворецком и Талдомском охотничьих хозяйствах.

В нашем обществе одних только охотников, не считая владельцев оружия и охотничьих собак без права охоты, более 120 тысяч, из них примерно 50 % москвичей. Это целая армия, и, разумеется, одновременно обеспечить всех охотой и достаточным количеством дичи мы не в состоянии. Поэтому в сезоны охоты многие разъезжаются

в другие области, предпринимают охотничьи путешествия в Сибирь и даже на Дальний Восток.

Беда в том, что количество членов нашего общества постоянно сокращается. Это приводит к уменьшению поступления средств от членских взносов. Вероятно, значительная часть уходящих от нас охотников пополняет ряды браконьеров. Причин у этого явления несколько. В Москве создано самостоятельное городское общество охотников и рыболовов, создаются охотничьи клубы. Юридически из состава МООиР вышли три общества: Северо-Западное, Юго-Восточное и одно в области — Коломенское. К сожалению, не все рядовые охотники понимают, что от перехода в другие общества они только проигрывают, так как многие проблемы, и в первую очередь проблемы финансирования, легче решать централизованно. Нам помогают Правительство Москвы и администрация Московской области. Желающим отделяться следовало бы также понимать, что охотничьи звери и птицы не признают границ, а значит, регулирование их численности должно осуществляться также централизованно, по возможно более крупным регионам.

В том, что от нас уходят некоторые общества, есть и наша вина, заключающаяся в несовершенстве Устава МООиР, в неудовлетворительной работе некоторых хозяйств областного подчинения. Мы стараемся исправить положение. С Правлениями Северо-Западное и Южное межрайонных обществ Москвы мы пришли к компромиссному соглашению.

Одна из охотничьих баз

хозяйство рухнуло бы в одночасье, и очень скоро опустели бы угодья. Теперь же в наших хозяйствах благодаря охране и биотехнии численность основных животных довольно стабильна. В разное время и в разные районы мы завозили маралов, пятнистых и европейских оленей, косуль, бобров. Все они хорошо прижились, и мы уже проводим охоты на них.

По учетам на 1 мая 1998 г. в наших охотничьих хозяйствах было 2,2 тыс. лосей и около 3,3 тыс. кабанов (без учета приплода). До 98 г. численность этих видов снижалась, но, например, для того, чтобы поддерживать необходимое количество кабанов, мы их отлавливали в одних хозяйствах и перевозили в другие, где их почти не было. В сезоне 1998/99 г. мы отстреляли 100 лосей и 500 кабанов, что на 25 % больше, чем в предыдущем сезоне. В 1997—98 гг. было отстреляно 80 косуль, 19 маралов, 4 европейских оленя и 7 пятнистых оленей.

В связи с разрухой в сельском хозяйстве в последние годы в наших хозяйствах увеличивается численность косуль, зайцев-русаков, тетеревов, серых куропаток, перепелов. По-прежнему идет активно охота на вальдшнепа, рябчика, на глухаря и тетерева на токах, весной — на пролетных гусей. В самых глухих углах нашей области обитает медведь. То в одном, то в другом районе появляются волки.

Вы знаете, что с начала 90-х годов государство не выплачивает премии Госстраха за уничтожение волков, и поэтому несколько лет назад Правление МООиР приняло решение выдавать премии за уничтожение волков из собственных средств: за отстрел взрослой волчицы — в размере 7 минимальных окладов, взрослого волка — 6 и молодого — 3 окладов. В 1997 г. в области отстреляно 38 волков.

— Судя по вашим словам, Московское общество охотников ведет чрезвычайно интенсивную работу. Сколько же охотников и рыбаков вы успеваете обслужить в течение года?

— Летом на наших базах отдыхают не только охотники и рыбаки. Всего же на базах охотничьих хозяйств у нас ежегодно отдыхает около 50 тысяч москвичей.

— На все это нужны огромные средства?

— Разумеется. Многие это понимают и помогают нам. Мы и сами зарабатываем на путевках и лицензиях, наши промышленные предприятия выпускают товаров на сумму около 6 млн руб. В 1997 г. прибыль от продажи товаров населению в наших магазинах составила 1,7 млн руб. Наши расходы в том году в целом составили 12.919,4 тыс руб. — 90,9 % от доходов. Ведь только для подкормки охотничьих животных в наших хозяйствах требуется 3 тысячи тонн сена, зерна, зерноотходов, корнеплодов и минеральных кормов на сумму 2100 тыс. рублей.

Затраты на 1000 га угодий у нас составили около 3 тыс. руб., тогда как в среднем по России они составляют 211 рублей.

— Размах вашей работы впечатляет. А каковы ваши успехи в борьбе с браконьерством?

— Борьба с браконьерством всегда весьма остра. Но, несмотря на крайне сложную криминальную обстановку в стране и высокую степень вооруженности населения, в 1997 г. в охотничьих хозяйствах общества было вскрыто 910 случаев нарушений правил охоты. Непосредственно работниками обществ и охотхозяйств было составлено 384 протокола, работниками милиции — 63 и районными охотоведами Управления охотничьего хозяйства — 255 протоколов на браконьеров.

— Как вы думаете, что мешает вашей работе?

— Прежде всего, нестабильность экономической ситуации в стране и, как следствие, снижение активности членов общества в решении наших общих задач. Затем отсутствие скоординированных действий всех охотпользователей и представителей государственных природоохранных организаций. Ущемление прав общества, как пользователя, в охране угодий. Беззащитность и правовое бесправие наших штатных работников в охране охотничьих угодий. Стремление отдельных юридических и физических лиц создавать собственные хозяйства путем изъятия их у общества.

— Каковы, по-вашему, в этих условиях перспективы развития охотничьего хозяйства Московской области?

— У нас разработана концепция развития охотничьего хозяйства Московской области, которая должна быть единой для всех пользователей охотничьими угодьями вне зависимости от их принадлежности, так как все в равной мере должны заниматься охраной природы (борьба с хищниками, с нарушениями окружающей среды, с браконьерством), проведением учетов охотничьих животных, биотехническими мероприятиями, изъятием животных (в соответствии с планами добычи), постоянным слежением за изменениями среды обитания и состоянием всех охотничьих зверей и птиц. По каждому разделу мы составляем и затем представляем их на утверждение всем заинтересованным сторонам долгосрочные программы.

— Наверное, я уже утомял вас своими вопросами. Но вот последний вопрос: Как вы сами стали охотником? Как и когда пришли в охотничье хозяйство?

— Я родился в Москве в 1937 году. Перед началом Великой Отечественной войны моего отца направили работать редактором районной газеты в Лотошинский район Московской области. С юных лет я увлекался сначала рыбной ловлей, а потом и охотой, которой занимаюсь уже более 40 лет. Свою трудовую деятельность я начал токарем. В 1968 г. закончил Высшую Партийную школу. Потом работал в Лотошинском РК КПСС, председателем Лотошинского райисполкома. В 1991 г. решением бюро МК КПСС был переведен на работу в ГУВД Московской области.

На одной из охот в присутствии губернатора Московской области бывший председатель МООиР И. В. Величкин сделал мне предложение стать его заместителем, а я тогда уже оформлял свою пенсию и согласился. В 1995 г., после смерти И. В. Величкина, меня избрали председателем МООиР.

— Большое спасибо, Владимир Петрович, за содержательную беседу. Хотелось бы, чтобы ее прочитали и другие председатели разных регионов России и написали бы нам в порядке обмена опытом о своей работе, своих трудностях и способах их преодоления.

Картофель для подкормки кабанов

Фото А. Севастьянова

Под таким названием в Государственном Дарвиновском музее проходила выставка, посвященная одному из самых популярных представителей животного мира. Никакой другой зверь не занимает так много места в творчестве народов всего Северного полушария. С медведем связан целый пласт и нашей, российской культуры и истории.

Выставку украшали картины известных художников-анималистов В. А. Вагагина, А. Н. Комарова, Г. Е. Никольского, К. К. Флерова. На ней были представлены различные материалы о всех семи видах обитающих в мире медведей. Можно было узнать что-то новое о

биологии этих животных, познакомиться с работами археологов и этнографов.

Показанные на выставке экспонаты, так или иначе имеющие отношение к медведям, очень разнообразны. Чучела медведей, лубочные народные картинки, орудия промысла, литература от тоненьких детских книжек со сказками про косялапах до тяжелого фолианта 1551 года, в котором дано первое описание медведя.

Один из стендов рассказывал о различных способах лечения с использованием продуктов медвежьего промысла.

В кардиологических клиниках США больным, только что перенесшим операцию на сердце, укладывают на грудь

меховую игрушку — медвежонка, чтобы при кашле не расходились хирургические швы. Кроме этого медвежонка на выставке было огромное множество деревянных, плюшевых, глиняных и прочих игрушек, доставивших немало удовольствия самым юным посетителям музея.

Биологу Н. Е. Бобровской и художнице Л. В. Литвиновой удалось сделать познавательную и интересно оформленную выставку.

Следующая выставка в музее посвящена не менее известному в народе зверю — волку.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Флеров К. К.

Ватагин В. А.

Комаров А. Н.

Комаров А. Н.

Никольский Г. Е.

Комаров А. Н.

КОПЫТНЫЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. МАТВЕЕВ,
начальник отдела Государственного
комитета по охране окружающей
среды Челябинской области

После великой депрессии начала XX века восстановление популяций лося и косули на территории Челябинской области стало заметным только к 70-м годам.

В 1967 г. численность лося составила 1450 гол., косули — 1500 гол. Около 20 лет в области велась напряженная работа по восстановлению этих видов. За этот период было создано 164 охотничьих хозяйства общей площадью 3939 тыс. га, организовано 24 государственных охотничьих заказника площадью 838,4 тыс. га. При этом 16 заказников (737 тыс. га) было создано специально для охраны диких копытных животных. Внедрена система биотехнических мероприятий, в том числе посев подсолнечника и рапса, закладка солонцов, вывоз в уголья отходов овощных баз (капуста, яблоки и др. овощи); внедрено сооружение открытых комбинированных кормушек с закладкой в них сена, веточного корма, обильно пересыпанных солью. Организована работа по зимнему маршрутному учету диких животных по методике С. Г. Приклонского (250 км учетного маршрута в каждом охотхозяйстве). Налажен жесткий контроль за использованием лицензий на добычу копытных с обязательным участием в отстреле контролирующего

лица. Внедрено обязательное оставление на месте отстрела сигнальной карточки с указанием даты отстрела и номера лицензии. С ростом численности копытных, начиная с 1983 г., в области внедрен селекционный отстрел лосей-сеголетков.

В итоге проведенной работы к 1990 г. численность лося возросла до 13 700 гол., косули — до 19 260 гол. В 1970 г. было 1900 лосей и 1840 косуль. Плотность населения составила 5,2 лося и 12,8 косули на 1000 га.

С учетом передового опыта и результатов работы, достигнутых лучшими охотхозяйствами, по имеющимся расчетам, в области вполне возможно увеличить численность косуль до 120 тыс. гол. и лосей до 15 тыс.

С ростом численности копытных в области стало больше волков. В связи с этим госохотинспекция, которой руководил автор статьи с 1969 по 1987 г., активизировала борьбу с хищниками. В результате в 1970 г. было отстреляно 13 волков, в 1980—101, в 1985—261, в 1986—270, в 1987—220, в 1988—247, в 1989—200 и в 1990 г. — 153 волка.

Сокращение добычи волков в 1990 г. явилось следствием общего ухудшения дел в охотничьем хозяйстве области и уменьшения численности копытных.

С началом так называемой «перестройки» и последующей за ней капитализации экономики страны начался кризис охотничьего хозяйства, охвативший и Челябинскую область. В первую очередь это выразилось в ката-

строфическом падении численности копытных. В материалах работников Департамента охотресурсов Минсельхозпрода И. К. Ламонова* и А. А. Тихонова (журнал «Охота», № 9, 1997 г.) утверждается, что падение численности копытных животных происходит в связи с изменением солнечной активности. Нам кажется, эта версия далека от реальности. Истинные причины падения численности копытных в социально-экономической обстановке, вызвавшей рост браконьерства и всплеск численности волков.

Эти причины достаточно полно приведены на страницах журнала В. И. Глушковым (№ 7, 1996 г.) и А. А. Данилкиным (№ 6, 1997 г.). Главными из них являются бесконтрольный лицензионный отстрел, открытое браконьерство и хищничество волков.

Стихия браконьерства развивается в двух формах: открытой и скрытой с использованием в качестве прикрытия официально выданных лицензий. При этом ни одна ни другая форма сегодня не поддаются реальному учету по объему причиненного ущерба, так как носят массовый характер.

Зарегистрированные случаи не отражают истинного размаха этого бедствия. Открытое браконьерство вершат либо люди, доведенные до отчаяния, годами не получающие зарплату

И. К. Ламонов. Закономерности динамики численности и размещения населения лосей в европейской части России. М., 1995.

(особенно сельские жители), либо так называемые «новые русские», ведущие отстрел копытных (или кто попадет) ради желания опробовать купленное нарезное оружие и вездеходную технику. Браконьерству способствует бездеятельность работников службы госохотнадзора (за исключением некоторых преданных делу бесребренников), не желающих за «будь здоров» рисковать своей жизнью. Поэтому выявление отдельных случаев браконьерства идет за счет незначительного числа работников Департамента охотресурсов и милиции.

Современные браконьеры охотятся группами, отстреливая значительное количество диких животных. Так, в 1993 г. группой жителей Кусинского района с использованием автомобиля «Урал» было убито 19 кабанов. В 1994 г. группой жителей Октябрьского района также с использованием автомобиля «Урал» за ночь было добыто 3 косули и 4 кабана. В 1995 г. группой жителей Кустанайской области, прибывшей в Октябрьский район, с использованием трактора К-700 за один день было убито 5 косуль. В 1996 г. группой жителей Чесменского района с использованием автомобиля «Урал» было убито за день 2 косули, 21 лисица, 3 зайца.

Но наибольший урон популяции копытных несут от скрытого браконьерства, которое в качестве прикрытия использует официально выданные лицензии. При этом по одной лицензии добывается несколько животных, а многократно использованные лицензии сдаются в последние дни сезона.

Проверкой результатов отстрела копытных в сезон 1995/1996 г., проведенной областным комитетом по охране окружающей среды, установлено, что в период, наиболее благоприятный для добычи копытных — после установления снежного покрова — с 1 ноября по 15 декабря 1995 г., на 356 лицензий, выданных на лося, было добыто 106 животных (30 %); на 1386 лицензий, выданных на косулю, — 277 животных (20 %); на 184 лицензии, выданные на кабана, добыто 29 животных (18 %).

После образования глубокого снежного покрова, не проходимо даже для тяжелой вездеходной техники, по оставшимся на руках лицензиям с 15 декабря 1995 г. по 15 января 1996 г. было добыто: 70 % лосей, 80 % косуль, 82 % кабанов. В такое трудно поверить, но лицензии свидетельствуют об этом! Это говорит о том, что большая часть лицензий была использована многократно и сдавалась уже в последние дни сезона.

Другой формой скрытого браконьерства, активно выделяющейся в последние годы, является использование для этого отрывного талона лицензии № 2. Как известно, этот талон при промысловом отстреле служил основанием для сдачи-приемки мяса животных торговыми организациями и оставался у них в качестве оправдательного

документа. При спортивном отстреле талон от лицензии не отрывается. Основанием для перевозки мяса он служить не может. Однако при необходимости «отмазаться» от очень осведомленного работника милиции при перевозке незаконно добытых животных им можно.

Проверкой, проведенной Облкомэкологией по результатам сезона 1995/1996 г., установлено, что из 200 возвращенных спортивных лицензий на добычу лося у 162 лицензий талон № 2 отсутствовал, что составляет 81 %; из 1458 спортивных лицензий на косулю этот талон отсутствовал у 1295 лицензий, что составляет 86 %; из 215 сданных спортивных лицензий на кабана талон № 2 отсутствовал у 119 лицензий, что составляет 55 %. Иного объяснения, как использование этого талона «на всякий случай» для прикрытия браконьерства, быть не может. Тем более что основная масса охотников области охотится на копытных не первый год и раньше все талоны № 2 спортивных лицензий сдавались по месту их выдачи.

Возможность многократного использования лицензии и талонов № 2 появилась сразу же после того, как Главохотой был упразднен институт контролирующих лиц и ликвидирована об этом запись в бланках лицензий, а контроль за отстрелом «возложен» на самого стреляющего. Такой всероссийский самоконтроль, или «демократизация» охоты, привел к тому, что имеет охотничье хозяйство России сегодня.

Этот самоконтроль понизил дисциплину и ответственность за выстрел даже среди добросовестных охотников. В результате возросло число подранков копытных, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для волков, численность которых стала расти при катастрофическом падении численности лосей.

Таким образом, численность лося в области с 1990 по 1997 г. упала на 41,5 %, а численность волка за этот период возросла на 240 %. При этом отстрел волков остался на уровне весьма малорезультативного 1990 года.

Не лучше в области и с косулей. В ряде исследований отмечалось, что при высокой плотности населения косули существующая методика зимнего маршрутного учета не обеспечивает необходимой достоверности, так как постоянно происходит завышение показателя учета. На это указывает А. А. Данилкин, оценивая возможный размер завышения численности косули в пределах 20—100 % и более.

Выполненный по такой методике расчет по всей области позволил Департаменту в 1997 г. определить общую численность косуль в лесах — 17 675, в поле — 17 113. Всего по области 35 541 гол. При сравнении данных Департамента о численности косули в области в 1996 г., определенной в 40 667 гол., с данными государствен-

ных статистических отчетов охотпользователей по форме № 2ТП-«Охота», оценившей численность косули только в 35 956 гол., завышение составило 4711 гол. Объяснения этому на запрос Облкомэкологии Департамент дать не смог. Нет объяснения и причин падения численности косули в 1997 г. По данным Департамента, по сравнению с 1996 г. численность вида сократилась на 5126 гол. (численность косули в 1997 г. определена Департаментом в 35 541 гол.).

Таким образом, неправильное применение методики способствует завышению численности вида. Поэтому Кунашакский районный Совет депутатов поддержал обращение Совета охотников и обратился к губернатору области с просьбой закрыть в угодыя района охоту на копытных в 1997 г. в связи с их низкой численностью.

Но косность в подходе к использованию методики учета, проявленная областным Департаментом, способствовала завышению лимита добычи и привела к тяжелым последствиям. Информация о резком сокращении численности косули поступает в Облкомэкологию со всех районов области.

Летом 1997 г. правительство Челябинской области издало Постановление, которым был утвержден «Порядок использования и охраны объектов животного мира — диких копытных животных на территории Челябинской области в 1997—2000 годах».

В подготовке этой программы приняла участие доктор биологических наук А. А. Данилкин, специалисты Облкомэкологии, областного Совета охотников, Департамента охотресурсов.

В программе были определены тактические, так и стратегические задачи по сохранению и увеличению численности копытных. Практическая реализация программы должна была начаться с 1997 г., с начала сезона охоты на копытных. Однако руководители Департамента охотресурсов посчитали такой документ, принятый правительством области, ненужным, и отстрел копытных, как и прежде, пошел по накатанному, экологически вредному пути.

Сам факт отказа охотников от отстрела лося по всей территории области, а в ряде районов и от косули является серьезным симптомом, свидетельствующим о невыполнении областным Департаментом своей главной задачи по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов.

Можно ли исправить положение? Да. Для этого нужно: разработать систему мер по борьбе с браконьерством и волком; разработать методику учета копытных животных, отвечающую современным требованиям; восстановить прежнюю практику контроля за отстрелом копытных; передать право определения лимита добычи копытных из Департамента охотресурсов Минсельхозпрода органам субъектов Федерации.

НА ВОЛКА ЗАГОНОМ

В. ГАЛИШНИКОВ,
егерь охотничьего хозяйства «Смоленское»

Волк был и остается желанным трофеем для охотника. Когда охота складывается успешно, охотник всегда испытывает чувство удовлетворения от того, что ему не только удалось перехитрить очень осторожного и умного зверя, но и уничтожить вредного хищника, который наносит большой ущерб охотничьему и сельскому хозяйствам.

В настоящее время численность волков во многих районах нашей страны довольно велика, что позволяет проводить на них эффективную охоту.

Загонная охота на волка — наиболее простой и доступный способ охоты в условиях спортивного охотничьего хозяйства. У этого вида охоты есть определенные преимущества перед другими зимними видами охот на волка. При хорошей организации охота требует меньших затрат времени и сил, чем при офлаживании волков. Это особенно важно зимой, когда день короток и для охоты не хватает светлого времени. Охота на волков с флажками более трудоемка и требует от охотника большего мастерства и умения. Очень часто офлаженных зверей приходится оставлять на ночь в окладе, а проводить охоту только на следующий день. Хорошо, если бригада охотников имеет возможность заниматься охотой несколько дней. Но так бывает далеко не всегда. Часто, приезжая в охотничье хозяйство со стороны, бригада охотников имеет ограниченное время для проведения охоты; иногда не более одного дня. Иногда одного или пару волков вообще не имеет смысла офлаживать, если только перед организаторами охоты не поставлена задача подготовить охоту «на заказ», с предварительным офлаживанием.

К офлаживанию необходимо прибегнуть только в том случае, когда охота проводится на стаю, где не менее трех-четырех волков и обязательно есть молодняк. Молодые волки, как правило, боятся флажков и остаются в кругу даже тогда, когда матерые выходят за их линию. Шансы для отстрела хищников в таком окладе довольно велики.

Чтобы загонная охота прошла успешно, требуется определенная подготовка. Первое и основное условие — наличие в охотничьем хозяйстве подготовленного персонала для проведения такой охоты. Для этого требуются один или два человека, хорошие следопыты, знающие облавную охоту на волков по белой тропе. Остальные охотники должны хорошо представлять сам способ загонной охоты на любого зверя.

Если снег неглубокий, достаточно того, чтобы у охотников был автомобиль с хорошей проходимостью по лесным дорогам, который доставит бригау к месту охоты и будет использован для «объезда» волков по проезжим дорогам. Волков объезжают «вкруг», если это возможно, а далее при необходимости круг уточняется пешим обходом. Во второй половине зимы снег уже довольно глубокий, и здесь необходимо использовать снегоход.

Оклад, в котором остались волки, может быть больше, чем оклад, необходимый для охоты с флажками. Наиболее эффективный круг для загонной охоты по периметру может составлять от пяти до десяти километров.

Основная задача окладчика — точное определение места, где звери остались на дневку, то есть определенная участка угодий, который и будет в дальнейшем прогоняться загонщиками. При окладе волков надо учесть наиболее важные моменты, которые могут привести к грубым ошибкам и общему неудачному результату на охоте. Не стоит объезжать волков на снегоходе малым окладом, так как это может спугнуть хищников. Необходимо четко вести подсчет входных и выходных следов, когда оклад «разрезается» лесными дорогами и просеками.

Особое внимание надо уделить следам лосей и кабаньим тропам, так как волк часто пользуется ими для перелома. Хищники часто передвигаются «след в след», и необходимо как можно точнее определить количество зверей, прошедших по тропе. Никогда не надо рассматривать след волка с заходом по его следу, потому что в дальнейшем на этом следу, возможно, будет поставлен стрелковый номер. Не нужно затаптывать своими следами следы волка при обходе. Очень вероятно, что к этим следам придется возвращаться для уточнения оклада. В случае, если следы волка заходят в лес с поля, желательно дойти по этим следам до леса и убедиться, что они заходят именно в этот участок лесного массива и направление их не изменилось при подходе к опушке леса. Таким маневром удается сэкономить время. Самое главное при окладе волков — четкий подсчет входных и выходных следов без скоропалительных выводов о месте дневки хищников. Не нужно задерживать внимание на том участке угодий, где когда-то уже ложились звери. Не следует подгонять результат по подсчету следов под тот

результат, который вы на основе своих размышлений заранее для себя определили. Только полная беспристрастность при подсчете следов избавит вас от самого неприятного момента, когда после проведения загона выяснится, что оклад был пуст. Надо учесть, что равенство входных и выходных следов в большинстве случаев говорит о том, что волков в окладе нет. Необходимо еще раз перепроверить оклад и постараться найти пропущенные следы.

Волки охотно уходят из оклада там, откуда они вошли и в направлении лесного массива, в котором они были до этого. Когда эти два направления совпадают, проблема с постановкой стрелков решается сама собой. При несовпадении направлений руководителю охоты предстоит самому определить приоритетное направление для постановки стрелковой линии с учетом конфигурации лесного массива и направления ветра. Не хорошо, если ветер будет дуть от стрелков вовнутрь оклада. Волк может изменить направление движения из оклада, причувствывая стрелков. Лучшее направление для загона — это в полветра. Ветер не сыгрывает решающей роли для успеха охоты, если линия стрелков расположена в густом лесном массиве, — направление ветра в лесу часто меняется.

Надо учитывать, что волк одинаково охотно уходит из загона как лесом, так и полем. Для стрелков, расположенных в поле, обязательно наличие хорошо пристреленного карабина. Необходимо помнить, что волк прекрасно видит малейшее движение, происходящее вокруг него, а также хорошо различает неподвижные предметы, резко выделяющиеся на общем фоне. Охотник должен стоять на стрелковом номере более неподвижно и тихо, чем при загонной охоте на лося и кабана. Не следует делать никаких лишних движений. Ружье для выстрела поднимать следует только тогда, когда приближающийся из загона волк не может увидеть этого. Для стрелкового номера нужно выбирать место на фоне стволов деревьев или густых кустов. Не стоит становиться за ствол дерева или забираться в заросли кустарника. Это затруднит стрельбу. Стрелки, стоящие на номерах в поле, должны быть в белых маскировочных костюмах.

Стрелять волка в лесу лучше из гладкоствольного ружья картечью 6–6,5 мм. Идеально снаряженный патрон — это патрон с увеличенным зарядом пороха (6 г пороха «Сокол» на 12-й калибр) и зарядом картечи в 28 штук, которые уложены в 4 ряда по 7 штук в полиэтиленовый контейнер с крахмалом. Волк — очень крепкий на рану зверь. Только с очень близкого расстояния при стрельбе из ружья удастся уложить его на месте одним выстрелом. При добивании раненого зверя не следует жалеть патронов и продолжать стрельбу нужно до тех пор, пока волк не замрет без движения. Охотнику нельзя покидать свой номер

даже после того, как он сам или его сосед стреляли по волку. Хищник, по которому велась стрельба, часто возвращается обратно в загон и может выйти на другой стрелковый номер. Когда зверей в окладе несколько, очень часто по следу первого волка, по которому уже велась стрельба, может идти другой волк. Здесь стрелку надо проявить выдержку и оставаться на месте до конца загона. Охотник может покинуть свой номер только по команде руководителя охоты.

Загонщики в окладе должны строго выдерживать направление движения по компасу. Эти направления для каждого определяет руководитель охоты. Загон проводится с наибольшим шумом и сопровождается стрельбой из ружей. Волк очень боится ружейного выстрела и четко реагирует на стрельбу в загоне.

Если волк миновал стрелковую линию, то при определенных условиях можно организовать перехват зверя в другом месте. Для этого необходимо знать охотничьи угодья, места перелома волков в угодьях, иметь необходимый запас светового времени для организации нового загона, а также транспорт, способный доставить охотников на новую стрелковую линию. Напуганный волк, даже если он легко ранен, движется очень быстро, и новую стрелковую линию надо организовывать на значительном расстоянии от первой.

Охота на волков состоит из множества мелких моментов, и все их без исключения необходимо учитывать. Одна маленькая ошибка со стороны охотника приведет к неудаче и разочарованию.

Волк — сильный, умный зверь, он использует для своего спасения малейшие огрехи в проведении охоты.

Свободный от волков участок угодий используется вновь пришедшими с других территорий хищниками стереотипно, переходы и места дневок остаются практически без изменений. Из этого следует, что апробированные и давшие хороший результат методы проведения охоты на данной территории могут быть применены вновь и вновь.

Однако необходимо помнить, что встречаются особи, действующие вопреки охотничьей логике, и в момент охоты возможны всякие неожиданности. Охота на волков настолько интересна и разнообразна, что здесь ничему не приходится удивляться.

При хорошей организации загонной охоты на волка в спортивном охотничьем хозяйстве эффективность ее может быть очень высокой и такой способ охоты дает хорошие результаты.

В охотничьем хозяйстве «Смоленское» в течение уже многих лет проводятся загонные охоты на волков, и в каждый сезон мы отстреливаем от 20 до 30 хищников без применения флажков.

Фото А. Дигилевича

никель-кадмиевый 7 банок. Стоит на снегу в сумке из-под противогаза. Луч света сильный, бьет метров на 70 достаточно ярко (с хорошей освещенностью). Нам же надо сильный луч метров на 50. Если есть яркая луна, применяю укрепленный на планке светодиод. Напряжение 1,5–3 вольта. Диод вмонтирован в трубочку диаметром 5 мм и длиной 14 см. Трубочка размещается вплотную к мушке. Включенный диод можно увидеть только после того, как приклад вложишь в плечо, а планка будет точно по линии прицеливания. В темноте ведь нам не видно, слишком ли открыта прицельная планка, сбито ли ружье в бок, или вообще мушки не видно (при большом погипе ложи). Трубочка с вмонтированным светодиодом поможет исключить неправильное прицеливание.

НА ЛИСИЦ ИЗ ЗАСИДКИ

А. АЗАРОВ

Среди моих приятелей-охотников любителей ходить на засидку на лисиц не так уж много. Из 30 человек трое занимаются охотой на лисиц. По-видимому, это связано с невозможностью часто бывать на этих охотах, с наличием времени, транспорта и, конечно, с наличием самих лисиц. Немаловажным является и потеря интереса к этой сложнейшей охоте из-за постоянно преследующих неудач при ее освоении. Для меня же эта охота является главной, любимой. Неплохие трофеи подбодряют искать возможности почаще бывать на безлюдных лунных полях. Близкие знают, что за сезон, как правило, добуду 7–9 лисиц.

Охота на лисиц своеобразна. Проходит она в сумерках или в темноте, связана с долгим, неподвижным сидением. Требуется стойко переносить морозы, ледяной ветер. Если организм к этому не приучен, плохо переносит низкие температуры, склонен к простудам, то нечего и начинать. Терпение является неотъемлемым качеством засидчика. Если характер непоседливый, дерганый, то удача будет случайной и редкой. Лично я занимаюсь этой охотой более 20 лет (при общем охотничьем стаже 43 года). Накопилось много материалов (записей дневников, пометок, впечатлений), которыми и хочу поделиться с товарищами по страсти.

Об оружии. На этой охоте желательно иметь двуствольное ружье 12-го или 16-го калибра. Двуствольное ружье нужно, потому что часто требуется быстрый второй выстрел (после первого промаха или добить подранка), 12-й или 16-й калибр — потому что выстрелы ответственные, а в снаряде такого калибра дробинок все же побольше, чем у 20-го или 28-го калибра. Патрон для 12-го калибра: пластмассовая или

бумажная гильза, капсуль «Жевело», порох «Сокол» 2,2 г, войлочные пыжи, контейнер (в том числе самодельный из молочного пакета), 33 г дробы №0,2 или 1, можно пересыпать ее крахмалом. Двуствольное ружье позволяет стрелять и по «близкой» лисе и по «дальней» — с получока или с чока. Если самозарядное ружье хорошо отлажено, можно применять и его (сидишь более или менее спокойно), 5 выстрелов подряд придают уверенность. Но все же надо надеяться на первый выстрел. Если он удачен, дело сделано. Если же первым промахнулся, дело осложняется. Яркая вспышка ослепляет, вторым выстрелом взять уже сложнее — нужна большая практика. Промысловики приравняют один прицельный выстрел к восьми неприцельным. Применение МЦ-20-01 и помповых ружей затрудняет сделать быстрый второй выстрел. Для облегчения стрельбы в темноте я применяю два устройства. При стрельбе в новолуние (в темноте) использую фару 6 вольт. Лампочка галогеновая. Рефлектор на кронштейне под стволами (над стволами ухудшает обзор). Включатель-микрушка слева на цевье. Кронштейн крепится зажимом (струбциной) за нижний ствол. Аккумулятор

Поначалу у меня это было главной бедой: все сделаю правильно, а от промахов никак не избавиться. Выцеливать ведь некогда — лиса не ждет. Подгонка ложи мало чем помогла, а тут еще зимняя толстая одежда. Диву давался: днем не мажу, стрелял на стенде, много занимаюсь пристрелкой оружия, обучаю молодежь... Сделал вывод: для ночи нужна другая стрельба, другой подход.

Перестраиваться пришлось и в экипировке. Одеваться надо теплее, ведь сидеть придется долгое время на пронизывающем ветру. И не просто сидеть, важно, чтобы после долгого сидения был способен сделать правильную вскидку, прицеливание и выстрел. А сделать это онемевшими руками ох как непросто... Со временем отработана экипировка: два шерстяных свитера, меховая или суконная безрукавка, полушубок или куртка спецназа. Полушубок не должен быть «дубоватым», грубым. На ногах валенки, шерстяные носки и суконные портянки. Рейтузы тоже шерстяные. Ватные или меховые брюки. Цигейковая шапка и шарф. Вместо шарфа лучше нагрудничек с воротником — он не сбивается. На левой руке меховая рукавица, на правой — двойная шерстяная пяти-

палая перчатка. Необходим белый маскхалат, белые накидки прикрыть валенки и колени. Сидеть надо на своем стульчике со спинкой, тогда меньше устаёт спина. Устроившись на каком-либо камне или коряге, скорее всего, лису не увидишь. Будешь ерзать помимо своей воли, всякие неровности, бугорки, сучки не дадут сидеть спокойно. С собой надо брать фонарик — мало ли что случится: придется добирать подранка, идти по следу... Нужен также и нож. Он должен обладать рубящим действием. Садясь с диодом, приходится прорезживать чашу — ведь с ним лучше всего сесть в камышах, кустах, высокотравье. Здесь взять лису проще всего: пусть она копаётся, занимается своими делами, потихоньку поднимаешь ружье, включив светодиод, подводишь под цель, нажимаешь спуск. Она не делает рывок.

Караулить лису можно у свалок, на ее переходах, на приваде. Я предпочитаю сидеть на переходах. Здесь она идет спокойно по своим делам. Переход ишу у овражков, на лесопосадках, мелиоративных канавах, в зарослях между карьерами, озерами. Желательно разведать лазы заранее. Например, прийти в 6.00 — следа нет, возвратиться в 9.00 — появился след. При повторках можно смело сделать вывод: лиса здесь возвращается с поля на лежку утром между 6.00 и 9.00. Значит, на засидку надо выдвигаться к 5.30. Сидеть всю ночь утомительно, руки онемеют, действия будут нечеткими. Лучше приходиться к вечеру или под утро (часам к 4—5). Это если не определено время прохода лисы через лаз... Мороза ждать нет необходимости, это не русак, он любит пошире побегать в мороз. Хороша погода от плюс 3 до минус 10°. Сам меньше задубеешь. Мелкий снежок если подсыпает — это хорошо. Глушит шорох, засыпает путь подхода. Если идет мокрый снег, дождь — на засидку лучше не ходить, лиса не очень-то любит мочить свою шубку... Небольшой ветер не помешает. Главное, чтобы он от вас не дул на предполагаемый выход зверя. Если ветер сильный, сидеть сложнее, сам околечнеешь, выбивает слезу, трудно будет выцелить. К тому же хлопают полы маскхалата, отпугивая зверя еще на дальнем подходе. Особенно боится шорохов заяц. Если сырость, густой туман, то молочный луч от фары не дает рассмотреть цель. Несколько рассеивает молочный луч противотуманная пленка, ее надо иметь в комплекте с галогенкой. Сидя неподвижно, со временем начинаешь коченеть. Затем этот период проходит. Через некоторое время все повторяется. Тут уже сидеть, как кукла, не выйдет. Надо греться. Но это не означает, что надо размахивать руками, приседать — это непозволительно, так как, возможно, именно в этот момент лиса выходит в этот район, засидка будет испорчена. Лису даже и не увидишь... Надо греться без шороха, вбирая и опуская живот, на-

прягая и отпуская мышцы спины... Часто требуется потереть нос, щеку, устранив щекотание, вытереть под носом. Надо поднимать руку медленно, как в замедленном кинофильме, по несколько сантиметром в секунду. Рукой не шаркнуть по щеке, а лишь слегка придавить ее. Шорох в безмолвии слышен очень далеко. А ведь не исключено, что именно в этот момент выходит лиса...

Проще охотиться по белой тропе. Контраст резче. Трудно различить рыжую лисицу на рыжей траве. Но когда долго не выпадает снег, идешь и так. Самому маскироваться даже легче, особенно в камуфлированной форме. Но стрелять в темноте очень сложно, требуется мобилизация всего внимания... Но приспособиться можно. Зато лисицы еще не нагонены, не выбиты... Собраться на засидку надо заранее. Часть теплой одежды можно сложить в большой рюкзак, чтобы не вспотеть при ходьбе. Лучше перед выходом всю экипировку проверить по списку. Стоит забыть чего-либо — и охота сорвана. В голом поле ни у кого не одолжишь... Выходить надо часа за полтора до захода солнца. Подходя к месту засидки, нельзя пересечь предполагаемые пути хода лисы. Нужно учесть направление ветра. Если садитесь с фарой, впереди должна быть чистинка. В секторе обстрела не должно быть кустов, высокой травы, бурьяна, мертвых непросматриваемых зон, иначе при включении фары они создадут «фон», а за ним ничего не будет видно. Сзади желательно укрытие, с боков тоже, причем прикрыть такое, чтобы через него не просматривался ваш силуэт. Проверить можно так. Повесить на стульчик полушубок и издали, пригнувшись, попытаться его рассмотреть. Если он просматривается вами, то лиса уж наверняка засечет... Кроме того, это укрытие должно быть естественным. Если вы нагородите его непосредственно перед этой засидкой, лиса точно засечет «городьбу» и отвернет заранее.

При креплении светодиода хорошо самому сесть в гущах. Здесь открытый сектор не нужен. Можно бить сквозь высокотравье. Нужно установить стульчик, собрать ружье, зарядить. Укрепить фару (или светодиод), подложить пластину пенополиуретана на сиденье; она выделяет тепло при незаметном движении, так как представляет собой электростатик. Полностью экипироваться. Сесть удобно. Садиться к лазу надо почти левым боком, учитывая, что труднее сделать поводку слева направо. Нужно заранее изучить все выделяющиеся в секторе обстрела пеньки, камни, неровности, куски дерна, «бороды» травы. Это поможет не перепутать их со зверем в темноте. Прикинуть расстояние до них, чтобы в темноте не пальнуть метров на 80 по лисе.

На переходе лису взять легче, чем на приваде. Здесь она идет спокойно. К приваде же подходить очень осторожно, из-под ветра. Может учуять и

охотника, особенно если его одежда с городской квартиры, а сам он курящий, пользуется дезодорантами или одеколонами...

Я освоил манки. Это оказалось не просто. Ушло на это около трех лет. Подманиваю лису метров на 60—70 свободно, а ближе она начинает мудрить, заходит из-под ветра, подолгу останавливается, рассматривает. В итоге не все подходят на расстояние уверенного выстрела. Мне это не нравится, и я люблю сидеть на лазах без манков. Убеждался много раз, что от крика «зайцем» лиса притормаживает, но на выстрел не подходит. Возможно, заяц здесь не ее пища... Крутить головой, пытаюсь рассмотреть что-либо сзади и с боков, не следует. Толку будет мало, если засечете зверя сбоку. Это ничего не даст, только подумите. Тогда уж лиса ни за что здесь не пройдет в этот вечер. Засидку можно считать испорченной, во всяком случае для этой лисы. У меня были случаи, когда я отпугивал лисиц только тем, что переносил палец с шейки ложи в спусковую скобу. Теперь, если лиса идет на штык, я стараюсь даже не моргать. Нельзя поднимать ружье, когда лиса смотрит в сторону засидки. Она немедленно прекратит движение, отвернет. Хорошо поднимать ружье, когда лиса на короткое время скрылась от вас за кустиком, отвалом борозды, деревцем. Стрельба не в меру далее 45—50 м, особенно сквозь кусты, ведет к подранкам. Днем еще ничего, можно добрать, а ночью в таком одеянии, в темноте это труднее. Ремень с ружья нужно снять, антабки закрепить резинками или шпагатом, чтобы не звякали. Правая кисть руки все время лежит на шейке ложи, левая — на цефье. Временами можно ее греть за пазухой. Надо иметь в виду, что если лису подшумели, спугнули, то она бежит очень стремительно на махах и не по прямой, а зигзагами. Так что поводка должна быть очень короткой. Любит рыжая сделать мгновенный реверс. Ударит хвостом по воздуху, перекувырнется и уже мчится в обратную сторону... Одним лазом пользуются несколько лисиц. Добыв одну, надо через несколько дней убедиться в наличии здесь других следов. Тогда снова садиться здесь. А взяв одну лису, не спешить отсюда свертываться, может выйти и другая. Я сначала сомневался: а как же запах пороха? Ничего страшного, выходили и лисы, и русаки... Изучив этот лаз в этом году, легче будет здесь сидеть в следующие годы, все особенности будут изучены. Память отпечатывает все выделяющиеся пеньки, камни, кусты. Даже со временем будете знать, из-за какого куста «выплываает» лиса.

При внезапном появлении лисы темнеет в глазах. Стрелять сначала невозможно. Только по приобретении опыта все станет на свои места. Руки сами будут делать свою работу быстро без задержек, не нервно. Другого пути нет. Чтение журналов здесь не

поможет. Заклинания «спокойно, спокойно» тоже. Просто надо поменьше сидеть в кресле у телевизора, а почаще выходить в поле. Особенностью этой охоты, помимо хитростей лисы, является то, что все слагаемые успеха действуют в комплексе. Можно все сделать правильно, но преждевременно начали поднимать ружье и... лису отпугнули, или не дали возможности лисе отойти подальше от спасительных кустов, стали манипулировать ружьем, но она оказалась проворнее и уже скрылась за ними. Слагаемых успеха здесь много. Вот некоторые примеры.

Лиса приближалась ко мне вдоль мелиоративной канавы, я не шевелился. Не добежав до меня метров 70, она остановилась как вкопанная. Затем взяла резко вправо и бросилась наутек. В чем дело? Сходил на место ее разворота, вроде все в порядке. Ветер дует боковой. След ей не пересекал. Присмотревшись, различил свой стульчик. Все ясно: поле, посторонних предметов нет, голо. Она, конечно, сразу же обратила внимание на «бугорок» у канавы. Засидка испорчена.

Сидел в высокотравье. Ветерок был порядочный. Луна. Ничего не дождался. Снялся. Сделал несколько шагов и наткнулся на след лисы. Она, оказывается, подошла сзади, обнаружила меня, посидела и спокойно ушла назад. Естественно, что я ее даже и не видел.

Сидел на перекрестке проселочных дорог. Все заросло высокой травой. Темно. Вдруг какое-то движение. Включаю фару. Лиса! Делаю поводку, но она через несколько мгновенных прыжков исчезает в траве. Ничего, кроме травы, не вижу. Порыскал фарой — бесполезно. Ничего уже нет. Надо было выбрать место засидки без высокотравья.

Нашел место перехода лисы из одного массивчика в другой. Устроился на засидку. Прождал весь вечер. Не вышла. Возвращаясь домой, увидел, что она все же направлялась по своему обычному переходу, но с высокого бугра увидела мой след, видимо, засомневалась. Спустилась с бугра, подошла поближе. Убедилась в свежести моего следа и рисковать не стала. Ушла в другом направлении. Такая же история повторилась. Пришлось обойти это место через другой, шоссейный мост. И хотя это было не близко, расчет оказался верным. Лиса спокойно нарисовалась на своем обычном переходе. К встрече я был, конечно, готов...

Бывали оплошности и со стороны лисы. Устроился на заброшенном свинарнике. Сыплет снежок. Луна. Сильный запах перегноя. Вдруг сзади поскрипывание. Хватило терпения не дернуться. Вижу боковым зрением — слева выплывает зверь. Пока неясно: собака, лиса, русак, кот. Но вот силуэт вытянулся, — лиса. Меня не видит, что-то копает в снегу. Наверное, свою захоронку... Поднимаю пятазарядку, целю в бок. Она не реагирует, видимо

шорох сыпящего снега глушит. Перенес ствол с бока на кончик носа. Ударил. Легла на месте. Только хвостом взметнула снежок.

Или сидел посредине поля на какой-то свалке. Сюда после стекленения теплиц вывалили много битого стекла. Пора свадеб. Слышу характерный крик лисы. Затем еще раз. Вроде приближается. Мобилизовался. Вдруг слышу: чей-то топот по стеклу. Жаль. Так беспечно может бежать только непризорная собака. Нет же. Вылетает лиса. Выстрел. Готова! А ведь уже приучен — лиса всегда появляется бесшумно...

Запоздался однажды и пришел на засидку с опозданием. Выбирать и изучать переход не было времени. Сел у заброшенных строений. Впереди вроде чистинка. Была первая четверть луны. Видимость средняя. Часа через два слева появилась лиса. Поднял ружье, но она исчезла с поля зрения. Ничего не соображу. Куда ей деться? Ни кустов, ни травы. Затем левее метров на 10 она опять возникла в поле зрения. Тут же потерял из виду. Выстрелить не успел. Оказывается, сядя в второпях, да еще в темноте, я не смог рассмотреть впереди себя большие бугры, засыпанные снегом, они-то и создали мертвые, непросматриваемые зоны.

Однажды я забыл прихватить свой любимый алюминиевый стульчик. Устроился на камне. Подложил ружейный чехол и мешок. Сначала вроде бы было ничего, но затем какие-то неровности мешали мне все время. Ерзал время от времени. Вообще намучился. Ничего не дождался. Снялся. Идя назад, в 10 метрах от засидки наткнулся на след лисы. Вот она подошла, вот точек, где сидела. И хоть меня скрывали густые заросли рогоза, она, конечно, «рассекретила» меня и спокойно ушла в себя.

Устроился на окраине дачного участка. Сидел в пристройке. С боков штабеля вагонки. Лиса вышла справа. Можно стрелять, но повернуться вправо не могу — мешает штабель досок. Лиса берет еще правее. Приходится встать. Гремят доски, выстрел. Явно промах.

Сидел в нагромождении бетонных балок на окраине поля. Вышел русак. Выстрел. Готов. Вылезать не стал. Через некоторое время трусит второй русак. Остановился в 3—4 метрах от тушки первого. Легко подстрелил и его. Сижу дальше. Выходит лиса. Поднимаю МЦ-12-21. Это уже не русак. Мгновенный рывок, а я никак не могу сделать поводку — стволы уперлись в балку. Пока встал, она уже стелется по полю, как птица. Ударил раза три, но, видимо, уже было далеко. Ружью при поводке ничего не должно мешать.

Обнаружил хороший переход в торфяниках через канаву. Сижу, жду. Видимость плохая. Сидел же с диодом (ослаб аккумулятор). Выныривает лиса. Ничто мне не мешает. Поднимаю ИЖ-27, стреляю встречную. После выстрела лиса взвизгнула, высоко

подскочила и рванула обратно. Осмотрел следы дробы. Все ясно: попадание в грудь, подранок. Снял часть одежды. Решил вытروпить. Она завела в мелкий сосенник. Несколько раз споткнулся. Так можно и глаз выколоть. К тому же сел фонарик. И утром не получилось, поэмка все перемела. Кое-где раскопал следы крови. Упустил.

Видел, как сорвалась одна засидка у моего приятеля. Я уже сидел в окраине поля, осматривал его в бинокль. Вижу, как приятель выдвигается по кромке к корчевнику с противоположной стороны. Веду биноклем вправо и вижу, как с одного из бугров корчевника (метрах в 300) привстала и наблюдает за моим приятелем лиса. Ждала, пока он по-хозяйски не уселся в буграх. Затем спокойно снялась и затрусила в мою сторону. Так что эту лисицу я взял с помощью товарища. А не будь моего выстрела, он бы терпеливо сидел там, не подозревая, что его давно засекала лиса...

Обидно, когда, высидев на ледяном ветру, дожدهшься выхода зверя, но оплошаешь с выстрелом. Сидел как-то на перекрестке дорог, в высокотравье кювета. Прикинул все варианты выхода лисы. С двух направлений было неплохо — были участки протяженностью метров 25—30. Боялся, если лиса выскочит слева из-за обочины. Так и вышло. Лиса появилась внезапно, остановилась и уперлась в меня взглядом метров с 4-х. А потом лишь мгновение. Лиса рванула. Вижу, что сейчас скроется, бью — промах. Она нырнула в кювет и была такова. Неудачно выбранное место засидки.

Однажды подвело и МЦ-12-21. Желая расположиться потише, не довел затвор до конца вперед. Через некоторое время из-за дачного домика выбегает лиса. Затормозила, ушки торчком, смотрит на меня. Рванула. Щелк. Выстрела нет. Осечка. С таким ружьем, с подобранными патронами? Потом все же разобрался, в чем дело. Подводили и патроны, заделанные способом «звездочка». Угловатое дульце упиралось в патронник. Бывали и отрывы металлических поддонов у бумажных гильз. Патроны для самозарядного ружья должны быть снаряжены в новые толстостенные пластмассовые гильзы с закруткой. Предварительно надо проверить на входимость в калибр. В общем, тонкостей много. Лиса не прощает ошибок. Но неудачи лишь закаляют охотника-лисятника. С каждой ошибкой извлекаешь уроки. Эта охота не требует дальних переездов. Лиса есть везде, у любой деревушки, на свалке, на окраинах поселков, лишь бы была разрешена охота. Не требуется собак, согласований с компаньонами... Чего только не увидишь на заснеженном поле. Днем такого не увидишь... Сказочность этой охоты, неповторимость ситуаций тянут нестерпимо из теплой квартиры на мороз и ветер.

Фото А. Севастьянова

НЕУСЛЫШАННАЯ ПРАВДА

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ
(1863—1935)

Известный русский путешественник, деятель охраны природы, много сделал для спасения заповедника Аскания-Нова во время революции и гражданской войны.

8 декабря 1917 г.

Удостоверение Таврической губернской комиссариат

Дано сие почетному члену Российской Академии наук, географического общества и Природоохранной комиссии, ученому-путешественнику по Азии генерал-майору Петру Кузьмичу Козлову в том, что командирован в имение Фальц-Фейнов — Асканию-Нова, Доренбург и Преображенку Днепровского уезда в целях принятия мер к охране зоопарка и заповедного участка степи. Считаю чрезвычайно важным сохранение таких ценных памятников природы в интересах Российского государства, прошу все учреждения и лица оказывать генерал-майору Козлову полное содействие в исполнении возложенных на него задач.

Губернский комиссар БОГДАНОВ

(ЦГА Крыма, ф. 1694, оп. 1, д. 38, л. 22)

Даже невозможно предположить, с какими трудностями, смертельными для себя и своей жены, пришлось столкнуться Козлову в Аскании. Кое о чем в своих воспоминаниях написал позже брат Фридриха Фальц-Фейна — Владимир: «Красные насмеялись над лежавшим без сознания генералом, плевали ему в лицо. Но потом оставили его в покое и занялись грабежом и допросами служащих». Однако П. Козлова больше беспокоило только одно — как спасти уникальный заповедник. Об этом он пишет в Киев, в Правительство гетмана Скоропадского:

17/4 окт. 1918 г.

Господину Министру народного просвещения от генерала Петра Кузьмича Козлова

Докладная записка

«С 11 декабря минувшего года до сего времени Аскания-Нова в моем лице имела представителя от Российской Академии наук и Русского Географического общества. Мне была поручена охрана научной и культурной частей этого имения. Я счастлив сказать, Аскания-Нова спасена: ее ценнейший уголок остался невредим... Но в дальнейшем Аскания-Нова нуждается в более близкой, нежели Петроградская Академия наук, и более реальной поддержке. Поэтому, впредь до наступления в России порядка и правильной общественной и научной жизни, я позволю себе обратиться к Вам, г. Министр, с почтительной просьбой оказать законное содействие в нижеследующем:

1. Принять меня под нравственное покровительство нарождающейся Украинской Академии наук...

2. Даровать Асканию-Нова право иметь за счет экономических средств 15—20 человек...

3. Отпустить Асканию-Нова, хотя бы под мою ответственность, 20 винтовок, 20 револьверов нагана и 20 сабель...

В заключение очень прошу представителей Правительства, например академика В. И. Вернадского, в самом недалеком будущем посетить Асканию-Нова, где на месте можно выработать дополнительные вопросы, подлежащие обеспечить еще большее процветание Аскании».

Почетный член Русского Географического общества
П. КОЗЛОВ

(Архив Президиума НАН Украины, ф-р. 251, оп. 1, д. 1—2, лл. 73—85)

Владимир Эммануилович МАРТИНО (1889—1961)

Известный зоолог, организатор и первый директор Крымского заповедника. Публикуемые ниже свои стихи он посвятил Крымскому заповеднику и своим крымским друзьям.

Вставал мятеж в дыму багровом,
Звучал повсюду красный смех.
Брела Россия к целям новым,
Но наобум, во тьме, без вех.

Потом все мысли и заботы
Ушли на призрачный порыв,
Чтоб в Заповедник из Охоты
Перевести лесной массив.

Со всем зверьем и прежней стражей
И тем спасти их от пропажи,
Забыв при этом страх и лень,
В обходах были ночь и день.

Ловили мрачных браконьеров
Из Корбека, Курцов, Саблов —
Врагов оленей и козлов.
И до значительных размеров
За лето довели музей,
Конечно, с помощью твоей.

Вот красный гнет сменился серым,
Все кинулись к своим местам,
А мы вернулись к браконьерам,
Зверьям, деревьям и кустам.
Надежда в нас была согрета
Поддержкой университета,
Которой мудрый Соломон
Нас защитил со всех сторон.

Вновь принялись мы за постройку
Воздушных замков на песке.
Но мы не долго ароматом
Цветов среди глуши лесной
Дышали этою весной —

Я взял ружье и стал солдатом...
Взвивались «соколы орлами»
И наступали на Орел.
Встречали их колоколами
И на Москву Деникин вел.

Но та причина или эта —
Никто не даст теперь ответа.
Успех рассеялся, как дым,
И отступали снова в Крым...
...Спасаясь в этой суете,
И мы ушли на «Якуте».

В. Мартино, 1920 г

Материал подготовлен В. БОРЕЙКО

Успех нахаживания (натаски) лайки во многом зависит от ее наследственности. Об этом красноречиво свидетельствовал мой личный опыт.

В юности я жил и охотился в низовьях Оби. Первая моя лайка — кобель Кутарам — досталась мне уже взрослой. Он происходил от собак, с которыми промышляли только пушного зверя. Учить его чему-то другому было поздно, да, по правде сказать, я и не знал, как это делать. Я оставлял его дома, когда уходил охотиться на уток или на боровую дичь, но рано или поздно Кутарама выпускали, не выдерживая его бросков на дверь и рыданий. Он находил меня и портил всю охоту: бросался за утками в мелководные озера и разгонял их далеко впереди от меня. Аналогичным образом он поступал и с боровой птицей, которая не выдерживала его лая. Как же я его ненавидел тогда! Зато после выпадения снега, на первой же зимней охоте Кутарам стал мастерски находить и облаивать белок и, кажется, на третий или на четвертый выход в тайгу, можно сказать, подарил мне куничку. Копытных же зверей или медведей в ближайших окрестностях не было...

Другая моя западносибирская лайка — Юкон — происходила от известных дипломированных зверовых собак. Я обучил его охоте на уток, и он прекрасно справлялся со своими обязанностями, прочесывая передо мной челноком на расстоянии выстрела любые заросли водной растительности. Время от времени он выпрыгивал из них, чтобы проверить, следую ли я за ним. Подранков доставал любых и даже нырял за ними.

Однако натаскать его по мелкому пушному зверю мне так и не удалось. Я жил и работал тогда в Завидовском охотничьем хозяйстве, и ни один выход с Юконом в лес не обходился без скорого обнаружения им лося, марала или кабана. Копытные сразу и навсегда завладели его охотничьей страстью, и притравливать по ним Юкона не было никакой необходимости. Причужив лося или кабана, он выходил к зверю и не оставлял его до моего приближения. В завидовских лесах никто не имел права на индивидуальную охоту. Мне приходилось лишь наблюдать, как Юкон неумоимо со злобным лаем носился перед мордой лося или оленя, подолгу удерживая их на одном месте. Его искусство заключалось в том, что он легко уворачивался от опасных выпадов, но и не давал зверю возможности вырваться из круга своих атак. Если же зверь прорывался, через некоторое время он снова его останавливал. Кабана он атаковал сзади, и хватки его были столь молниеносны, что ни подстинок, ни секач не успевали их отразить.

Продолжение. Начало см. в № 1, 1999 г.

Все о лайках

Рассказанное не умаляет роли воспитателя, но свидетельствует об очень большом значении наследственности.

Главное в воспитании собаки — по возможности более постоянное общение с нею. Старейший и самый знаменитый в прошлом знаток лаек М. Дмитриева-Сулима настойчиво рекомендовала как можно чаще беседовать с четвероногими воспитанниками. Она была уверена, что лайки постепенно начинают понимать многие слова и обращения к ним хозяев.

Трехмесячного щенка нужно начинать знакомить с окружающим миром, гуляя с ним во дворе, сквере, парке и даже в лесу, в зависимости от того, где вы живете. Лесным обитателям трехмесячный щенок неопасен, да и находится он все время под вашим наблюдением. Не утомляя его, не надоедая ему, во время прогулок следует оттачивать выполнение им команд, особое внимание уделяя приказаниям: «Ищи! Голос! Дай! Взять! Нельзя!

Ко мне!» Если щенок увлекся изучением незнакомого объекта, не мешайте ему, но старайтесь уберечь его от контактов с гадюками, которые обычные и бывают даже многочисленны в некоторых, особенно во влажных, лесах. Находясь поблизости от щенка, не допускайте проявлений им трусости. Если объект не требует осторожности, ободрите щенка, дотроньтесь сами до этого объекта, например до крупного жука, лягушки или ежа. Если щенок впервые увидит белку и следует за ней, приободрите его и потребуйте отдачи голоса.

Лес для собаки всегда полон соблазнов. Она может поймать в нем слетка вальдшнепа, куропатки или тетерева. Поэтому прогулки в лесу даже с молодой лайкой (не со щенком) до открытия охоты приравняются к браконьерству, и советы нахаживать ее по белке весной и летом неправомерны.

Летом правильнее приучить собаку ходить поисковым челноком в поле,

своевременно подстраиваться под направление вашего движения и быстро возвращаться к вам на зов. Обычно все лайки, особенно в жаркую погоду, любят купаться. Им не следует препятствовать в этом, и купание нужно использовать для отработки безукоризненного апортирования — подачи предметов, например палки.

Нахаживать по подсадной утке (селезню) обычно рекомендуют еще до открытия охоты на водоплавающих. Но далеко не каждый охотник может воспользоваться этим советом. Ведь утку нужно где-то взять. А в самом начале охоты лайка может вполне самостоятельно пойти по утке. Достаточно подранку упасть на воду, как его движение вызовет немедленную охотничью реакцию собаки, а вы скамандуете: «Взять!» Когда же ваша помощница поплывет и схватит утку, скамандуйте: «Дай!» или «Подай!» Приученная к апорту лайка обязательно вынесет утку на берег.

Во время охоты на зорях собака должна сидеть рядом с вами, а не суетиться, не бегать вокруг и около. На первых охотах, может быть, придется держать ее на поводке. Потом она быстро привыкнет к этому и будет только наблюдать за окружающей обстановкой. Она первой будет замечать налетающих уток, а после неудачного выстрела сделает лишь попытку броситься за добычей, но, поняв, что добычи нет, вернется к вам.

Умение лайки ходить в поиске челноком на определенном расстоянии перед вами пригодится при охоте на уток с подхода. А поздней осенью она соберет с водоема почти всех подранков, не найденных ранее другими охотниками.

Лучший объект для нахаживания лайки — белка. Начинать нахаживание следует осенью, с 6–7-месячного возраста собаки, в светлых смешанных, сосновых или лиственных лесах — там, где белку легче разглядеть и преследовать. Если ваша собака теряет интерес к преследованию, нужно самому вместе с ней преследовать зверька. Хорошо бы отстрелять белку и дать ее понюхать молодой собаке и даже немного потреть. Затем привяжите собаку к дереву; отойдите в сторону вне пределов ее видимости, привяжите бечевку к шее белки и, протянув ее некоторое расстояние по земле, перекиньте через сучок. Отвяжите собаку и, ведя ее на поводке, наведите на след беличьей тушки. Когда она потянет по этому следу, похвалите ее и, подведя под дерево с висящим на нем зверьком, подергайте за бечевку; раздразните лайку, заставьте ее облаивать беличью тушку, не позволяя при этом прыгать на ствол дерева или грызть низкорастущие сучья.

Нахаживание по белке можно проводить и в паре со взрослой и опытной собакой, но часто пользоваться этим приемом не следует. Дело не в том, что ваш питомец может перенять дурные привычки взрослой собаки. У

опытной бельчатницы их обычно не бывает. Но своей инициативой она невольно подавляет страсть молодой собаки, а в дальнейшем может выработать привычку подваливать на лай посторонней собаки.

Начав нахаживание по белке до выпадения снега, его необходимо продолжить и по свежим порошам, хотя это будет уже и нахаживанием, и охотой, во время которых собака будет набираться опыта и совершенствоваться.

Выходя в лес, избегайте угодий, в которых обычно держатся копытные. Молодая, но еще не окрепшая лайка может пострадать от копыт лосей, оленей или клыков кабана. К тому же крупные звери будут отвлекать вашу лайку от преследования белки. Не ходите в места, в которых могут оказаться волки или медведь. Там собака может погибнуть.

Удержать лайку от преследования зайца или лисицы практически невозможно. Изредка, отдавая голос, она будет гонять их круг за кругом, или они уведут ее по прямой со слуха. Поэтому, выждав некоторое время, постарайтесь отозвать собаку свистом. Не лаечье это дело — гонять зайца или лисицу. Ведь это отвлекает собаку от основной работы и приучает ее отдавать голос по следу, что и вовсе для нее нежелательно.

На охоте, и особенно во время нахаживания, не ходите по лесу по дорогам и тропинкам, никогда не торопитесь, вынуждая лайку искать вас. Продвигайтесь вперед параллельными ходами, приучая собаку тщательно обыскивать каждый участок леса. Поняв ваши намерения, лайка, в зависимости от поиска той или иной дичи, будет обыскивать лес челноком или кругами. Вскоре по характеру ее лая вы научитесь определять, какую дичь она обнаружила.

«Всем лайкам присуще обращать внимание на любые шорохи, звуки, а особенно на все перемещающееся и движущееся. Не пресекайте этих действий, лучше даже поощряйте их и самому обращать внимание собаки на интересные объекты. «Не отзывайте собаку, если видите, что она по слуху или следу засекала мышь, землеройку и занялась раскопкой ее. Пускай натешится вдволе, независимо от того, добудет она ее или нет, — здесь-то и начнет развиваться вязкость, это ее первые шаги. Все молодые лайки начинали с мышей, хотел или не хотел того владелец» (Э. Шеришевский «Пособие по охотничьему собаководству», 1970).

Услышав лай вашей помощницы, не бегите к ней сложа голову. Идите неторопливо и не подходите сразу близко к собаке. Увидев лайку, постарайтесь еще с некоторого расстояния определить, кого она облаивает. Если она нашла белку и лает, задрав голову к кроне дерева, постарайтесь подойти ближе и разглядеть зверька. Если белка затаилась и ее не видно, выпугнуть ее можно, постучав колотом по

стволу или обстреляв крону дерева из рогатки, которую всегда полезно иметь при себе.

Умению лайки приспособиваться к разным охотам, постоянному ее стремлению выставлять дичь на охотника может позавидовать даже человек, и в случае облаивания белки собака сама будет постоянно заходить со стороны, противоположной вам, чтобы выпугнуть зверька именно на вас. Не удивляйтесь и тому, что во время поискового хода собаки по лесу иногда в вашу сторону из-под нее будет вылетать боровая дичь.

Однажды, будучи не в состоянии удержать на месте целое стадо кабанов, Юкон погнался прямо на меня, а стрелять я не имел права, и пришлось укрыться за толстым стволом старой сосны. Кабаны буквально обтекли меня. Юкон загнал их в болото и долго держал там и, только убедившись в бесполезности своего занятия, нашел меня и укоризненно пытался увести за собой. Он подскуливал и вновь направлялся к болоту, оглядываясь на меня. Мне стоило большого труда успокоить его, взяв на поводок и увести. Его недоумению, очевидно, не было предела. Однако мой постоянный отказ стрелять крупного зверя так и не охладил его пыла. Но в начале зимы я был все-таки вознагражден за свою сдержанность. Юкон нашел совсем свежего, павшего от браконьерской пули подвинка.

Способность к анонсу, докладу о найденной дичи, в отличие от многих других пород собак, присуща всем лайкам, и это также свидетельствует о незаурядности их умственных способностей.

Когда лайка совершенно самостоятельно начнет находить белку, это будет означать, что она научилась пользоваться чутьем: обонянием, зрением, слухом. Не верьте байкам о том, что лайки бывают низкочувствительные. Все органы чувств у них развиты одинаково сильно. Что же относится непосредственно к обонянию, то в процессе обучения ее поиску вы убедитесь, увидите сами, как умело находит она нужный запах в потоке едва двигающегося воздуха.

Поучая молодых охотников, Э. Шеришевский писал: «Может случиться, что после выстрела упадет подранок и собака попытается схватить его. Раненая белка вдруг уцепится ей за губу. Не страшно, это только разовьет азарт у лайки. Но вы в это время обязаны возбудить собаку командой «Возьми» до полного умерщвления зверька. Азарт собаки к белке из-за этого случая только повысится».

Охота на уток и по белке — начальная школа для лайки, во время прохождения которой она оттачивает свое мастерство, совершенствуется в поиске и добычливости. Встречаясь одновременно с другими видами дичи, она вырабатывает индивидуальный подход к ним и определяет собственные приоритеты.

Окончание следует
Фото А. Севастьянова

С ГОНЧИМИ В ФЕВРАЛЕ

Б. МАРКОВ

Зима. Метели. Снега. «Эх, зимушка-зима на Русь забрела». Убаюканный метелями, заснул лес. Охота с гончими в эту пору самая трудная. По глубокому снегу собака «плывет» по уши, вязнет в сугробах, наддувах, особенно в низинах, оврагах. Февраль — кривые дороги. В лесу глухо. На деревьях снег. Не звенят голоса гончих. Иногда и за сто метров не слышно гона. Часто случаются оттепели, а потом вдруг ударит мороз. Образуется ледяная корка — наст, который держит зайца и лисицу, а гончая в кровь сбивает лапы. А тут еще сильней вдруг ударят лютые морозы. Еще хуже, чутья у гончей меньше. По морозцу-то не разгонишься, и снег засыпает след. Поэтому для февральской охоты нужны крепкие, рослые, нестомчивые гончие, нагоненные по снегу. Словом, мастера и с чутьем. Нужны еще и сильные, звонкие голоса, и огромная выдержка охотника на лазу.

Но вот уже день ото дня раньше светает, и потеплело. По определению М. Пришвина, «пришла весна света». И снова можно выходить с гончими. Хорошо, когда еще и выпала пороша. Искрятся снега и зайчи малики так и сверкают. Дни бывают тихие, слегка морозные. Тогда и на лыжах ходить легче. А заяц-то тоже хитер, скружит разок — и на лыжный след или снова по своей тропе. Вот тут-то и сторожит его охотник на верном лазу. Бывало, стоишь в густом еловом лесу и вдруг все ближе и ближе однотоновый голос выжлеца — ах, ах... — и заяц сплошь белый с черными кончиками ушей вырастает из снега и тут же оседает после удачного выстрела. Ого-го! Дошли! Вот вы держите беляка, кидаете пазанок вязкому выжлецу, и все вокруг вам кажется особенно милым, а самая трудная, порой невыносимая тропя в глубоких февральских снегах искрится радостью, свежестью, удачным охотничьим полем.

Тяжесть зайца кажется вам такой легкой, что стоит еще разок в феврале сходить с гончими в лесок на лыжах!

Но не всегда так бывает. Нередко гончие «отказываются» работать по односледице, когда долго нет снега и в лесу одни заячьи тропы. А если вдруг ударит сильный мороз и вовсе гона нет, потому как мало пахнет след и снег намерзает на лапы собаки.

Коли все засыпало и мертво укрыло снегом, не побудить зверя. Мертвая

пороша, — говорят охотники. И глубокий снег, и тяжелая теплая одежда, и лыжи — все это замедляет ходьбу. Но делать нечего, страсти превыше всего. Иногда простоишь часок на морозе на верном лазе и, казалось бы, вот-вот должен выплыть заяц из-под одиночного гона. Помню, я подшумел, лыжи скрипнули, и зверь отвернул, скинулся стороною. Без лыж нельзя, не пройти по глубокому снегу. В февральской охоте очень трудно понять ход зверя и подстать под него. Заяц часто путается как попало, особенно в чаще. Лучше выбирать большие хвойные массивы без оврагов и больших полян. Еще лучше идти за русаком. Русак любит ходить по наезженным дорогам, а нередко где-нибудь возле нее скинуться и мертво запасть.

Всегда волнует встреча со зверем. Для охотника точно определить лаз и, следовательно, встретить зверя на верный выстрел — задача трудная. Достигается это опытом и большой практикой охоты. Опытный гончатник может почти безошибочно определить, где пройдет зверь. Чем же он руководствуется?

Во-первых, знанием местности. Дельный охотник примечает в лесу все: дорожку, просеку, тропу, крепь, расположенную за крепью реку или озеро или овраг. Все это важно, чтобы определить ход зверя. Самое главное условие — охотник должен знать лес, как свой дом.

Во-вторых, необходимо знание звериной тропы, то есть пути, по которому зверь совершает переходы. Тропы в лесу — это верный лаз, проторенный зверем. На охоте с гончими по снегу не раз приходилось наблюдать, как заяц, чтобы сбить со следа собак, вводит их на такую тропу, где разобрать след очень и очень сложно, а иногда почти невозможно. Тропы нужно искать на лазах, и легче их найти в крепком месте. Это вернейший лаз зверя. Многое зависит от наблюдательности охотника. Я знал большого любителя гончих В. П. Солопенкова и всегда поражался его умению стоять на лазу, а главное — его твердой уверенности в том, что зверь пройдет именно здесь, а не в другом месте. Зачастую зверь, особенно заяц-беляк, шел к нему как по нитке. В умении определять тропы — лазы и в умении тихо стоять на них — вот то главное волшебство, которое должен постичь гончатник.

В чем же заключается умение стоять на лазу? Самым главным условием

А. С. Новиков-Прибой на охоте с гончими

является полнейшая тишина. Замрите. Для охотника, стоящего на лазу, не существует мира. Переложили ружье, чуть шевельнули ногой или лыжами — зверь сразу же отвернет от вас. Однако стоять так очень трудно. Поэтому некоторые охотники, занимающиеся лазом, особенно в крепи, становясь в нескольких метрах от тропы, чтобы выпустить зверя и стрелять в бок под лопатку — самое удобное место. Стрельба же «на штык», и особенно с близкого расстояния, очень трудная. На лазу нужно особенно плавно поднимать ружье только тогда, когда зверь выйдет на верный выстрел. Заяц, лисица обращают внимание на движущийся предмет. Часто на охоте бывают случаи, когда заяц влетает прямо под ноги охотника. В этом случае лучше немного отпустить зверька от себя, а потом спокойно стрелять. Забудьте стрельбу навскидку.

Одним из важнейших условий удачной охоты является определение направления ветра, который должен быть всегда от зверя на охотника. При охоте по белой тропе, становясь на лаз, если это возможно, нужно утоптать снег. Лучше встать под деревом, слившись с ним. Охотник должен все вокруг хорошо видеть только глазами, не поворачивая головы. Важно первым узреть зверя и замереть, как легавая на стойке, стараясь напустить его как можно ближе. Малейшее движение — и все пропало, зверь сразу отвернет, вы не успеете даже вскинуть ружье. Иногда зверь выходит на удалении. Бывалые охотники, особенно по зайцу, применяют легкий по-свист или переламывают сухую веточку, от этого часто заяц или лисица могут остановиться, поэтому в одном стволе всегда нужно иметь крупную дробь. Обычно же зайца стреляют дробью № 3.

Никогда не следует становиться за деревом, потому что ни один охотник неподвижно за ним не устоит, а временами будет выглядывать и, следовательно, шевелиться. Можно становиться в куст, но чтобы он был не выше груди стрелка. Ни в коем случае нельзя садиться при появлении зверя — зверь зорче человека.

Для того чтобы определить место лаза и занять его, нужно убедиться, по какому зверю гонят собаки. По белой тропе это сделать очень легко. Кроме того, руководствуясь опытом, нужно определять, когда зверь пойдет на круг. Точка пересечения двух кругов — вернейший лаз зверя. Но подчас даже опытный гончатник не может определить величину круга из-за глубокого снега. Нужно чаще бывать на охоте.

Часто охотясь в Московской области, в районе Красноармейска, я всегда вставал на пересечении двух широких лесных дорог недалеко от поля. Все зайцы выходили на этот вернейший лаз. То же самое было подмечено и другими более опытными охотниками. Иногда это доходит даже до курьеза.

Об одном таком случае рассказывает известный охотник, писатель Н. Н. Фокин: «Часто охотясь в пустоши, отделенной от острова изгородью, мы наблюдали редкую картину, как все зайцы, поднятые в пустоши, утекали в остров возле сломанной нижней изгороди-жерди».

В определении лаза зайца-беляка и русака есть свои особенности.

Известно, что круги русака значительно больше, чем беляка. Русак под гончими в крепи держаться не будет, любит он поляны, опушки, выбирает более открытые места, часто скидывается поляной и если идет в лес, то дорожками или где лес менее крепок. Оврагом он пройдет там, где тот шире и больше открытого места, беляк же перелезет дорогу там, где она уже.

В глубоком снегу лазы русака изменяются. В это время он ходит больше наезженными дорогами, но может водить собак и по крепи, где снега меньше, чего по чернотропу с ним не случается. По белой тропе лазы русака изменчивы, все зависит от глубины снега и его способности держать зайца.

Есть разница в помывке гончих того или иного зверя. Если гончие «взяли на глазок», то они заливаются сразу, внезапно, словно с них сдирают кожу, — это, вероятнее всего, гон по зайцу.

Про таких гончих охотники говорят: «залились по зрячему».

Однажды, охотясь по пороше с русским пегим выжлецом Дунаем В. Х. Браушкина, мы никак не могли подстать под гон. Выжлец будил зверя таким громоподобным, душераздирающим голосом и так парато гнал, что зверь пускался наутек по прямой со всех ног и уводил собаку со слуха.

Часто охотник сам помогает гончей разбраться в следах. Поэтому уме-

ние распознавать следы — отличить вечерний след от утреннего, след на лежку от гонного — крайне необходимо. Все это дается практикой. Охотнику всегда нужно учиться приобретать навык в распознавании особенностей того или иного следа, никогда не затаптывать след, а идти стороной от него.

Если вы уверены в своей гончей, лучше ей не помогать и не сходить с лаза. Бестолковое метание по лесу мешает не только товарищам по охоте, но и собакам.

При приближении гона ни в коем случае нельзя двигаться, тем более навстречу ему, лучше ошибиться и занять не совсем точный лаз, чем без конца менять место. Менять лаз нужно в крайнем случае, если гончие сошли со слуха и вы уверены, что они не вернуться. Никогда не переходите перед другими охотниками, а бесшумно обойдите их сзади.

Часто заяц очень далеко отрастает от собак, поэтому, если гон вдали, все равно нужно ждать появления зверя и не шевелиться. Это правило забывают многие охотники. Самый удобный выстрел под лопатку. Заяц слаб в рану.

В зависимости от быстроты хода зайца нужно соответственно его и выцелить, при боковом направлении и быстрым ходом лучше целить в кончики передних лап. Часто бывает, что после выверенного, казалось бы, прицельного выстрела заяц уходит. Нужно обязательно пройти по следу стреляного зверя. Мне не раз приходилось в каких-нибудь сорока метрах видеть растянувшегося беляка. После этого необходимо известить товарищей по охоте криком: «Дошел, ого-го!» Если выстрел неудачен, зверь все-таки утек, необходимо наманить гончих на след: «вот-вот-вот-вот». Помочь быстрее приблизиться собакам к зайцу. Если после выстрела гончие погнались и быстро смолкли, нужно спешить к ним. Раненый зверь сгонен. Криком «Отрыщ!» необходимо взять зайца, однако дать «потрепать», обзартить собак и отпазничать лапу — таков закон гончатников.

При охоте с гончими необходимо умело пользоваться рогом. Во-первых, после вызова гончих из леса нужно обязательно давать им лакомство, во-вторых, никогда не трубить в рог попусту, особенно когда гончие в поллазе. Рог, так же как и гончие, — душа охоты. В старину, чтобы вызвать гончих из острова, играли разные позывы: тульские — один мотив, калужские охотники — другой. Поэтому лучше всегда играть один и тот же мотив. Однако бывают собаки, которые отлично работают по чернотропу и совершенно не гоняют по снегу. Для истинного гончатника дорога охота как по чернотропу, так и по свежей пороше, выпавшей в феврале.

Свежая пороша — это снег, который шел с вечера, с ночи успокоился, к утру лег по полянам, лесным опушкам

легким покрывалом, оставив для охотника следы беляка. Каждая пороша — это встреча с волнующей тайной. Вот он следок — широкие рядом две канавки и две ямочки чуть сзади. Беляк непременно здесь, совсем рядом, еще шаг-другой, и вылетает белый ком, только кончики ушей черненькие. Не поднимайте ружья, наманите гончих и послушайте, как зальются милые собаченьки.

Легче всего побудить зайца в короткую порошу, образовавшуюся поздно ночью или даже ранним утром, когда заяц еще не залег на дневку. Где малик — там и заяц. Малик — это след от жировки до лежки. Труднее всего поднять зайца в мертвую порошу, когда обильно выпавший снег окончательно закрывает все старые следы и делает лесную книгу совершенно закрытой, безжизненной, мертвой. Очень плотно лежит заяц в оттепель. Чтобы помочь гончим побудить зайца, охотник сам должен уметь распутывать на снегу заячьи хитрости. Нужно помнить, что следы задних ног зайца всегда отпечатываются на снегу впереди, а не сзади. Более удлиненные, параллельные друг другу отпечатки принадлежат задним лапам, а более мелкие и круглые, следующие обычно один за другим в линию, — передним, исключение составляет лишь случай, когда заяц сидит, тогда отпечатки передних ног находятся между отпечатками задних.

Молодому охотнику, чтобы быстрее поднять зайца, не следует ходить по жировым следам, там, где заяц кормился, а лучше, сделав круг, обрезав след, найти выход на лежку. Заметив двойной встречный след, нужно сразу искать скидку в сторону и идти по ней. Прежде чем залечь, заяц петляет, пересекая свой старый след. Петли иногда бывают довольно большие. Скидываясь с двойного следа, заяц часто западает. Увидев такую скидку, нужно внимательно и тихо идти, так как после нескольких петель и двоек заяц ложится. Как правило, вторая петля свидетельствует, что лежка зайца рядом. В оттепель зверька нужно вытаптывать, только так можно его побудить. Нередко беляк скидывается на следы других беляков, тогда одна надежда на гончих. Длина следа на лежку зависит от погоды, в морозную длинную ночь зайцы так напетляют, что разобраться в следах совершенно невозможно. Однако встречаются такие гончие, которые каким-то своим особым чутьем умеют разгадать все хитрости этого зверька и быстро его побудить. Некоторые выдающиеся гонцы ухитряются даже на гону одного зайца заприметить жировочный след другого и после отстрела первого быстро поднимают второго.

Заходитесь душа гончатника от нахлынувшей страсти — шапка с головы лезет. Охота с гончими — умение слушать гон и наслаждаться им.

Привыкание к ружью

А. АЗАРОВ

Ружье — вещь особая. По своему внутреннему эмоциональному воздействию на человека оно несравнимо с другими вещами. Настоящие любители оружия считают, что у ружья есть душа. Помните, что для знаменитого профессионального охотника Д. Хантера было праздником даже вынуть дробовое ружье Перде из футляра.

Русский писатель В. Астафьев пишет, что в межсезонье надо брать ружье хоть изредка, чтоб оно не обиделось. У ружья есть душа. Душа ранимая, привязчивая. При чистке он любит поговорить с ним. А иначе и нельзя. Оно трудно переносит измену. Многие охотники утверждают, что, перестав брать на охоту свое старое ружье, охота часто не задается. Много промахов и неудач случается с новым ружьем. В практическом смысле это легко объяснить. Дело в том, что привыкание к ружью происходит не сразу. Каждый человек имеет свою неповторимую комплекцию, моторику. У каждого свой вес, рост, длина руки, осанка, походка. Конкретно для прикладистости ложи важны параметры: длина руки от локтевого сгиба до конца указательного пальца, расстояние от глаза до ключицы, ширина груди, расстояние от глаза до скулы. У каждого своя манера стрельбы.

Несколько облегчается вопрос для спортсменов-стендовиков. Мастер подгоняет ложу индивидуально каждому стрелку. И тем не менее есть много примеров, когда, сменив ружье (на подобное) непосредственно перед соревнованием, спортсмен не может показать свой обычный высокий результат. Казалось бы, у этого ружья все параметры идентичны: модель, вес, калибр, погиб ложи, боковой отвод, баланс, посадистость, но появляется ощущение чего-то непривычного. Иногда даже необъяснимое... К примеру, несколько иной овал шейки ложи, другие блики от коробки, другой характер хода спускового крючка, другие звуки при переламывании ружья. Многие спортсмены утверждают, что полное привыкание к новому ружью происходит в течение нескольких лет (2—3 года). Не зря ружье не советуют часто беспричинно менять. Это вещь долгосрочная. При умелой, бережной эксплуатации оно верно служит несколько десятков лет. С ним могут охотиться несколько поколений. Оно может переходить от отца к сыну, от деда к внуку...

Иногда родственники начинающего охотника, беспокоясь за него, спрашивают: очень ли опасно обращаться с ружьем? Вопрос сложный. Конечно, ружье само по себе — источник повышенной опасности. На этот вопрос я

отвечаю всегда одинаково: «Не опаснее для здоровья и жизни человека, чем перебегать Невский проспект в часы пик вне зоны пешеходного перехода».

Ружье, конечно, требует особой осторожности при обращении с ним, постоянного внимания, элементарного соблюдения мер безопасности. Легче всего привыкать к нему, учиться обращаться с ним с детства (с подросткового возраста) под неустанным контролем взрослых. Да и настоящими охотниками, как правило, становятся с детства. Впечатления, полученные в детстве, запоминаются на всю жизнь, кроме того, именно с детского возраста легче всего чему-либо обучиться. В этом возрасте еще отсутствует противодействие обучаемого. Главное, чтобы наставник оказался сам толковым. Если же он будет учить смешивать дымный порох с бездымным, чтобы выстрел был «злее», бить в лесу во все, что шевелится, стрелять из гладкоствольки пулей, не прокатывающейся через дульное сужение (чтобы пуля «размазывалась» по стволу и била как из штуцера), легко предостать, чему он научит мальчишку... Самое главное, что впоследствии такого «стрелка» трудно переучить. И не дай бог, если попадетсЯ еще и упрямец. Недавно мы охотились совместно с солидным человеком, известным в охотничьем мире кинологом. Становилось «зябко», когда дуло его ружья смотрело в лицо, грудь. На просьбу отвести ружье в сторону следовал один и тот же ответ: «Ничего, оно у меня не заряжено...»

Сейчас появилась возможность приобретать несколько ружей (по закону можно приобрести 5 ружей). Действительно, хочется иметь двуствольное ружье: горизонтальное или вертикальное; самозарядное: с откатом ствола, газоотводное или даже с инерционным отпиранием; помповое ружье (сейчас это модно); трехзарядное: магазинное МЦ-20-01; комбинированное: «Тайга» или «Север». Соблазнов много. Заманчиво иметь двуствольное ружье с одним спуском (ИЖ 27М-1С). Ну а как же с привыканием? Вот и вопрос! Да и какое ружье взять на конкретную охоту? Не так все просто. С ружьем надо срастись, почувствовать его, в кульминационный момент встречи с дичью правильно распорядиться выстрелом. Разве мало мы слышали оправданий «стрелков» на промахи или случайные выстрелы? Эх, надо было взять мне свое старое, привычное ружье! Тогда бы этого не произошло. А здесь жму, жму, а ружье-то на предохранителе. Он ведь на пятацарядке сбюку коробки, а я привык, что он

сверху на хвостовике коробки... Я пока вспомнил о нем, было уже поздно. Когда теперь представится такой случай?

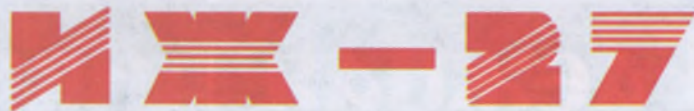
Хорошо, если все обходится благополучно. На коллективной охоте могут подвергаться опасности и товарищи такого горе-охотника. Убедился неоднократно: для быстрой и меткой стрельбы лучше всего брать на охоту одно и то же привычное ружье. Естественно, если оно подходит к этому виду охоты. Да и безопасность при обращении с привычным ружьем будет выше.

У меня тоже было не всегда гладко при обращении с оружием. Верно говорят, что незаряженное ружье раз в год само стреляет. За период охоты с 1954 года было три неожиданных выстрела (пожалуй, многовато), а ведь приятели меня считают педантом в этом вопросе. Да и моголетная офицерская служба была связана с безопасным обращением с оружием. Сколько проведено стрельб, командировок с оружием, инструктажей, занятий? Но, как говорится, за одного битого двух небитых дают. Слава богу, что все обходилось благополучно.

Итак, конкретно. Охотиться я начал с детства, с 10 лет, в селе Крутиха, Кыштовского района, Новосибирской области. Условия для охоты были наиболее благоприятные. Сначала охотился под руководством деда, потом самостоятельно. С 13 лет ружье хранилось уже у меня дома. Дед много не говорил, главное — учил не баловаться с ружьем, не направлять его на человека.

Случай первый. 1956 год. Октябрь. Иду по березовым перелескам. Пытаюсь поднять беляка. Под ногами замерзшие лужицы. В руках одностволка ИЖ-5. Поскользнулся. В падении ударил курок о левое колено, он частично взводится и, не встав на боевой взвод, срывается и наносит удар по бойку. Видимо, предохранительный взвод был сношен. Мне кажется, когда я это описываю, слышу треск дробы по замерзшим березкам. Хорошо, что там, кроме меня, никого не было.

Случай второй. 1957 год. Каким-то образом мне попало в руки патроне 32 калибра, переделанное из японской винтовки. Сижу дома один. Изучаю непривычную модель. Для проверки надежности затвора вложил патрон в патронник, энергично дослал затвор вперед. Грохнул выстрел. Я испугался. Насквозь оказался пробита кадка под рукояойником. Что делать? Вынес кадку на огород, повесил на кол. Вечером сказал маме, что случайно прибил ее при пристрелке ружья. Недоверчивый сосед (любитель оружия)

БЕЗ ОСЕЧЕК

А. КОЗУЛИН

дядя Федор долго осматривал кадку, потом вывел меня на чистую воду — это стреляно не в цель, это стреляно в упор.

Третий случай. Кажется, был 1959 год. Самый опасный в моей жизни. Выпросил у деда двустволку ТОЗ-БМ. Пошли с приятелем на охоту на рябчиков. Стояла золотая осень. Идем вдоль берега речки. Много шиповника. Излюбленные места рябчиков. Впереди в кустах шумный «взрывной» взлет рябчика. Мгновенно взвожу курки, вскидываю ружье, но рябчик скрылся за елочками. Продолжаю смотреть на место взлета, а руки делают свое привычное (для одностволки) дело: большой палец придерживает правый курок, а указательный нажимает на спусковой крючок левого ствола (то есть я снимаю курок с боевого взвода). Но — о ужас! — грохнул выстрел! Миша, мой приятель, стоит белый как полотно. Хорошо, что стволы никогда не направляю я на людей. Злую шутку сыграла здесь привычка к одностволке. Надо было хотя бы при спуске курка смотреть на курки. Тогда, наверное, заметил бы, что придерживаю не тот курок, который спускаю.

Знаю и трагический случай, но не имею права об этом рассказывать. В общем, если с ранних лет привыкаешь к правильному обращению с ружьем, не допускаешь халатности, небрежности и зазнайства, бываешь аккуратным при его эксплуатации, все будет нормально. Конечно, должно быть и везение. Принцип «на авось» надо забыть, тогда обладание ружьем и стрельба из него будут доставлять радость.

Теперь об оснащении гладкоствольных прицельными приспособлениями. Оптический прицел, прицел ночного видения, коллиматорный, диоптрический не всегда могут сослужить добрую службу. Дело в том, что все они в основном могут с большей эффективностью использоваться на больших расстояниях при стрельбе по малоподвижному зверю (олень, кабан на поле, лось на кормежке). При стрельбе же на малом расстоянии (35 м, например, на засидке по лисице) эти прицельные приспособления могут и помешать. Условия стрельбы при этом отличаются мгновенной вскидкой и быстрой поводкой, так как лиса, обнаружив охотника, мчится на махах. Привычная вскидка ружья здесь подойдет лучше. Гребень приклада ляжет под скулой щеки, ружье сразу окажется направленным в цель. Все перечисленные прицелы крепятся, как известно, на некотором возвышении от ствола (на кронштейнах). При вскидке гребень приклада оказывается уже где-то у нижней челюсти. Прикладка не совсем устойчивая. Поймать лису в оптику, когда она мчится на махах, и сделать нужное упреждение проблематично. Вот и здесь тоже нужно привыкание...

Прочитав в журнале № 2 за 1998 г. статью А. Е. Емелина из г. Мурманска, хочу присоединиться к его мнению. Статья эта без названия, в ней говорится о качестве оружия отечественного производства. Автор затрагивает также проблему качества ИЖ-27, пишет об осечках при стрельбе из нижнего ствола. К сожалению, я не являюсь постоянным подписчиком вашего прекрасного журнала, но прочитываю подшивки, как только они попадают мне в руки. Возможно, кто-то мается так же, как я, тем более что сервис по ремонту ружей не особенно расширился, разве что только в центральных районах. Охотничий стаж у меня всего девять лет, но охочусь, как и большинство охотников, с детства. Разного оружия в руках было много, но о его качестве говорить не буду. Зато всегда со мной было привычное, изученное ИЖ-27 1989 г. выпуска. Первые два года помучился я с ним здорово. Обыкновенное исполнение, отличные показатели боя, прикладистое, кровь пили только постоянные осечки на нижнем стволе. А я живу на Дальнем Востоке, о существовании оружейных мастерских здесь до сих пор говорить не приходится. Верхний ствол — все отлично, зато нижний превращал любую охоту в настоящую пытку. Осечек становилось больше, как только температура воздуха подходила к нулю и ниже. Раньше совершенно не разбирался в конструкции этого оружия, а теперь я могу разобрать (и собрать) его за рекордно короткое время.

Голь на выдумки хитра. Поэтому я снял приклад, промыл механизм, смазал зимним маслом, но осечки продолжались с тем же постоянством. Тогда я посчитал, что у меня севшая (слабая) или бракованная пружина, и обратился на завод-изготовитель. С завода мне прислали две новых (за что большое спасибо). Но ничего не изменилось. В запасе были два новых запасных бойка, ставлю их. Картина прежняя: 6—7 выстрелов, 1—2 осечки (я вел записи). Занявшись измерениями, я выяснил, что верхний боек несколько тоньше, чем нижний, и чуть длиннее. И бьет он гораздо центричнее. Разница в толщине и длине заметна даже невооруженным глазом, если бойки снять и положить рядом. Тогда, взяв обыкновенный молоток, я по кругу обстучал боек с нижнего ствола в том месте, где он бьет по

капсюлю. Тем самым удлинил его и утончил. Да, я забыл сказать, что пытался усилить пружину за счет добавления шайбочки толщиной 2 мм. Но осечки не исчезли, хотя их стало заметно меньше. А вот когда я произвел все описанные выше манипуляции с бойком, дополнительной шайбочки уже не потребовалось, хотя я ее и оставил, желая избавиться от осечек навсегда. И вот уже 7 лет я не знаю этой проблемы. Осечки исчезли, хоть в мороз, хоть в жару. Их нет. Если и происходили, то только из-за качеств капсюля, и то скорее на верхнем, чем на нижнем стволе, хотя я в основном употребляю капсюля центрального боя любого изготовления. Я имею в виду медные (красные), латунные (желтые). Могу ошибаться в металле, но по пробою в них видно, что желтые крепче. У меня теперь стреляет любой. Жевело практически не употребляю. В начале их здесь не было, теперь дорого. Если всего штук 300 расстрелял, и то ладно. А охочусь я много, в основном по перу. За осень от 300 до 500 патронов сжигаю. Горя не знаю, больше в механизм своего ружья не лазил. Стоят у меня родные пружины (новые я снял до худших времен), удлиненный и утонченный боек и шайбочка. Опасался, что боек будет ржаветь, но он какой был, такой и остался.

Таким же образом отремонтировал уже несколько ружей своим знакомым, пока никто не жаловался, зато подходят другие и просят посмотреть, что у них за проблема. А проблема та же самая: несколько ударов молотком, шайбочка — под пружину нижнего бойка — и осечки исчезают. За все эти годы видел только одно ИЖ-27, где бойки по толщине одинаковы и бьют одинаково центрично. По-моему, ружье было тоже рядового исполнения, но старенькое. Кстати, большинство хозяев этих ружей не замечали повторяемости осечек на нижнем стволе, все, кого я знал, грешили на качество капсюлей. Я же ко всем осечкам относился чуть ли не с маниакальным интересом и легко проследивал закономерности, хотя с такой частотой осечек, как это было у меня, я больше не встречался. Одна-две осечки примерно на 20 выстрелов. Учитывая качество капсюлей, дороговизну охоты, количество дичи, бывает достаточно и одной осечки, чтобы испортить настрояние.

Таяжская цивилизация

От того, насколько органично современное общество определит свою роль и место в том мире, который мы называем природой, зависит судьба человечества как биологического вида.

Для Красноярского края, обладающего уникальными природными ресурсами, этот вопрос особенно актуален. Сложность же его заключается в том, что колоссальные по своим размерам площади тайги уже обжиты и, несмотря на, казалось бы, сравнительно низкую плотность населения, интенсивно опромышляются.

Нам, живущим в городах, даже трудно представить, что там, в тайге живет своей полнокровной жизнью настоящая таяжская цивилизация*. Добротные дома, большие семьи, где стричь бороду так же грешно, как и курить, сквернословить или слушать радио. При нашей нестабильности в экономике и на финансовом рынке здесь твердой и устойчивой валютой остается царь-ягода — брусника. На нее приобретаются бензин, запасные части к лодочным моторам (которые, кстати, может собрать и разобрать любой мальчишка чуть ли не с закрытыми глазами) и другая необходимая в хозяйстве утварь. Из продуктов закупается только мука, сахар и растительное масло. Все остальное — свое.

Примечание. Речь идет не о Виссарионовой общине, которой и так достаточно много уделяется внимания в СМИ, а о тысячах людей, для которых тайга уже давно стала родным и единственным домом на этой планете.

При этом ни пенсий, ни пособий на дедов они не получают. По нашим меркам жизнь трудная, но люди полны оптимизма и жизнеутверждающей силы. Больше поражают глаза — чистые, ясные.

Лет с десяти детей приучают рассчитывать на себя, на свои собственные силы, приобретенные навыки и умения. В 12 лет Илья, который изображен на снимке, собственноручно срубил первую в своей жизни избу. Каких-либо привозных строительных материалов нет, доски пилят бензопилой из кругляка, и этим искусством, а иначе это и не назовешь, тоже владеют с ранних лет. Пушной промысел из-за снижения спроса и падения цены на мягкое золото скорее дань традиции, чем серьезный заработок. Тем не менее приближение этого срока вносит свой неповторимый колорит и переживания в более размеренный летний ритм жизни.

При отсутствии библиотек, радио, телевидения поражает богатейший словарный запас и ясность ума старожилков. Постоянный риск схватки с медведем, который то утащит с подворья скотину, то разграбит зимовье и начисто лишит охотника завезенного провианта или примется выслеживать его по путику, — дело обычное. Практически у каждого на счету десятки добытых зверей. Для многих мишка — символ плюшевой игрушки; для них медведь — опасный сосед и непрерывный спутник охотничьих скитаний и приключений.

Мужчины как в работе, так и на промысле заметно отличаются хорошей фи-

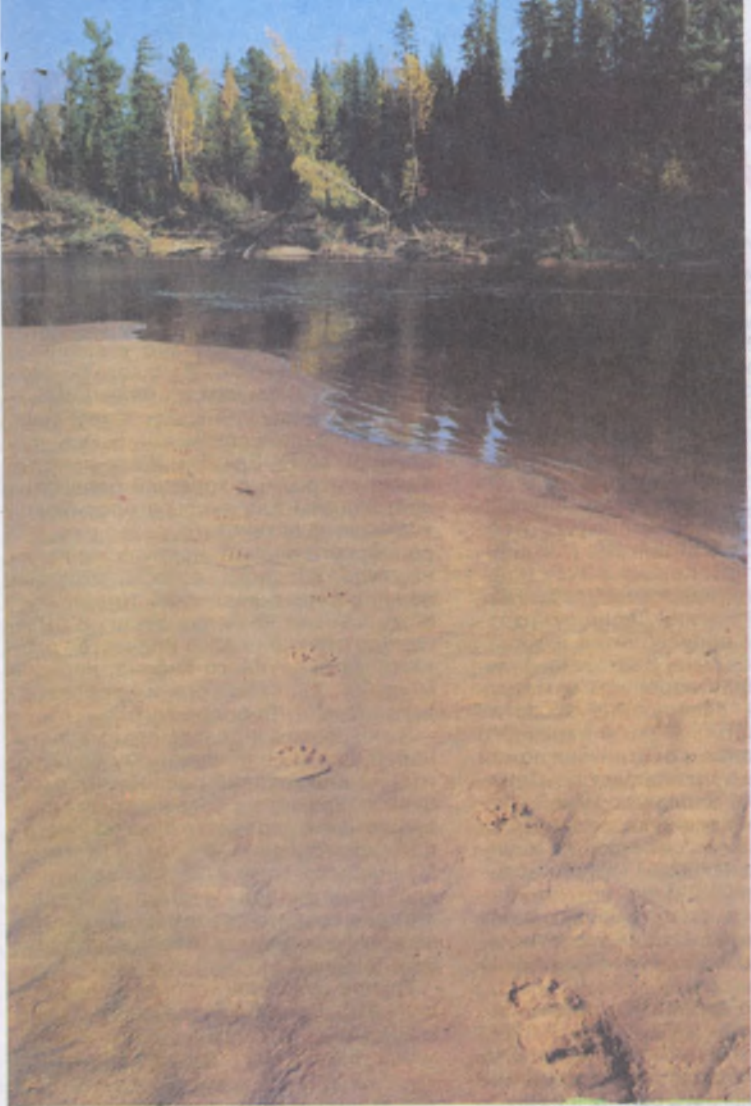
зической формой. Считается нормой, если и в 60 лет глава семейства имеет маленьких детей и уходит на промысел один за сотню километров.

Однако было бы упрощением идеализировать весь сложившийся уклад жизни северян. Дополнительное увеличение числа пришлых людей или приток людей, лишённых работы в леспромпхозах, уже сегодня делают нагрузку на природные экосистемы чрезмерной. Возникает серьезная конкуренция за ягодники, рыбные озера и реки, охотничьи участки. Навязывание нового образа жизни малочисленным коренным народам севера обернулось в конечном итоге деградацией культуры, привычного уклада жизни, а очень часто и самих людей. Поиск альтернативного пути комплексного освоения природных ресурсов с сохранением традиционного природопользования — задача первоочередной важности как Законодательного собрания, так и новой администрации края.

Следы медведя на песке
Иван — его семья и таяжская жизнь еще впереди
Кузьма Иванович Килин большой знаток тайги и удивительный рассказчик
Илья у своего первого дома. Все сделано собственноручно
Дед Лазарь — старейший медвежатник
Сыма

А. САВЧЕНКО

К. КУДРЯШЕВ

Что происходит сегодня с российской охотой? Она становится элитной. Появляется все больше престижных охотничьих хозяйств с красивыми охотничьими домиками с паровым отоплением, сауной и хорошей кухней. Если есть деньги, что в этом плохого? Плохо то, что одновременно дискриминируется охота для людей среднего и малого достатка. Это прискорбно и глупо. В любой цивилизованной стране охотой могут заниматься представители всех слоев общества. Полагается со вниманием относиться к любым формам досуга, в том числе и к охоте. Полноценный отдых в виде спорта, посещения футбольных, бейсбольных или баскетбольных матчей, скачек или автогонок, конной или пешей охоты — гарантия социального благополучия. Процесс напоминает разумное управление паровой машиной, где сброс избыточного давления пара исключает возможность взрыва парового котла, — аналогия понятна!

Однако наши «горе-чиновники от охоты» знать ничего не хотят. Их интерес сосредоточен на «живых деньгах», получаемых за элитную охоту. Первичные коллективы рядовых охотников, с их точки зрения, существуют лишь для уплаты немалых членских взносов, необходимых для содержания громоздкого чиновничьего аппарата управленцев. Рядовым охотникам — сельчанам и горожанам — помимо годовых взносов нужно платить за путевку, за лицензию. Спрашивается, за что же я платил годовые взносы? Необходимы кардинальные реформы как в области пользования охотничьими угодьями (они должны быть доступными для любого российского охотника), так и в области платы за право годовой охоты. Последнее возможно заимствовать из опыта стран Европы и Америки. Форма оплаты права на охоту разная, но суть процесса одна: в США, Канаде, Австрии, Финляндии, Чехии и Германии за охоту сроком на один год платят один раз, выдавая на руки каждому охотнику печатные схемы с указаниями на что, где и когда можно охотиться. Аналогичную практику необходимо внедрить в России! Промедление с реконструкцией формы оплаты за право на годовую охоту самоубийственно, ибо россияне не любят хамского к себе отношения и ответят супостатам массовым браконьерством. О пагубном последствии этого говорить не приходится.

Элементы дискриминации присутствуют и в деле снабжения российских охотников оружием и боеприпасами.

С дорогим и сверхдорогим оружием, снаряжением и амуницией у нас благополучно, можно приобрести все, что охотничья душа пожелает, лишь бы деньги были! Это отрадно! Однако в любой цивилизованной стране наряду с дорогой продукцией продаются оружие и амуниция по средней и низкой цене. В странах — производителях охотничьего оружия и снаряжения продукция по средней цене составляет не менее 60 % от общего ее объема. К этой категории производителей относятся заводы: в Бирмингеме (Англия), Льеже (Бельгия), Кельне и Зуле (Германия), Брно и Уверском Броде (Чехия) и т. д. В России серийное охотничье оружие производится в Ижевске, Вятской Поляне, Златоусте, Туле. Можно с удовлетворением отметить существенное расширение ассортимента гладкоствольного и нарезного оружия, патронов и охотничьих ножей отечественного производства. Однако около 90 % нарезных ружей, доступных для россиянина среднего достатка, производится под один-единственный патрон 7,62×51 (аналог военного патрона 308 Винчестер), что касается полного ассортимента наших нарезных патронов, то их всего четыре: 5,6×39, 7,62×39, 7,62×51, 7,62×54 (53R).

К ним можно добавить экспериментальные патроны 7×64, 30-06, 9,3×64, выпускаемые опытными сериями. В то же время в руководствах к серийным нарезным ружьям и в охотничьих журналах (исключая наш журнал) на крупную дичь предлагается нам использовать патрон 7,62×51. Это ли не абсурд? Это ли не дискриминация?!

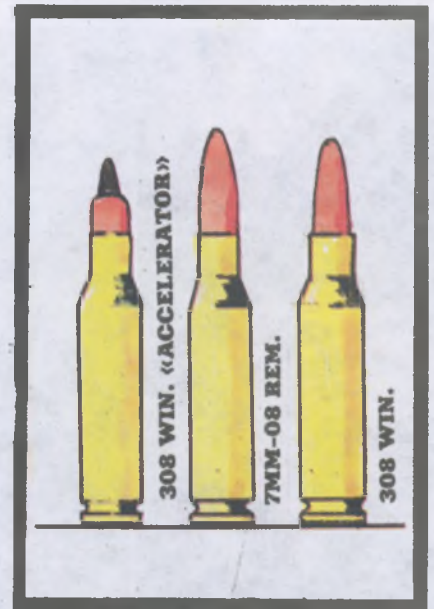
В мире производится более 500 типов патронов к короткоствольному и длинноствольному нарезному оружию, которое имеет более 3500 модификаций с разными типами пуль. Крупные фирмы, выпускающие патроны к нарезному оружию, в их числе чешская фирма «Сейлер-Беллот», производят не менее 15—20 марок патронов, каждый из которых имеет от 3 до 10 модификаций. Такой набор пулевых патронов необходим для эффективной охоты на животных разного размера, веса, живучести и потенциальной опасности, для стрельбы на разные дистанции в условиях различных природных ландшафтов.

Отечественные производители охотничьих боеприпасов продолжают твердить нам об универсальности патрона 7,62×51. Это перестало быть смешным! Это опасно! Следует напомнить, что официальное назначение патрона 308 Винчестер на роль «лучший в мире» произошло с легкой руки «горячо любимых россиянами» Л. Брежнева и

Г. Гречко. Будучи за рубежом, они опробовали мягкость отдачи и эффективность боя оружия под патрон 308 Винчестер при стрельбе по европейскому оленю. Было дано указание о разработке патрона, близкого по своим характеристикам к вышеупомянутому боеприпасу, что с успехом было осуществлено, если не ошибаюсь, инженером М. М. Блюмом. Патрон получился удачным, с хорошей баллистикой, годным для охоты в российских условиях на пятнистого, северного, европейского оленей, некрупного кабана, тура, козерога, архара, молодых лосей и бурых медведей, то есть животных весом не более 120 кг. В США, Канаде с патроном 308 Винчестер охотятся на некрупного кабана, черного медведя, белохвостого и чернохвостого оленей. Не более того!

Чтобы рекомендовать оптимальный набор патронов к нарезному оружию, годный для условий российских охот, целесообразно воспользоваться классификацией нарезного оружия в каталоге австрийской фирмы «Штейер-Маннлихер» (о ней не раз упоминалось на страницах нашего журнала), которая славится своей надежностью на всех континентах. Всего в каталоге 5 рубрикации.

Группа супер легкого оружия (Модель SL). Производится под патроны 222 Реминг., 222 Реминг. Маг., 223 Реминг., 5,6×50 Маг. Вес оружия от 2,8

Группа боеприпасов, снаряженных в гильзу патрона 308 Винчестер. Слева направо: 308 Винч. Аксельратор; 7,08 Реминг.; 308 Винч.

до 3,6 кг (тяжелые ружья — модель «Ворминт» с толстым стволом длиной 65 см), стволы длиной 50,8; 60 см. Эту группу оружия и патронов целесообразно использовать на дистанциях до 200 м в охотах на глухаря, дрофу, лису, суслика, сурка и дикую кошку, то есть на животных весом не более 15 кг.

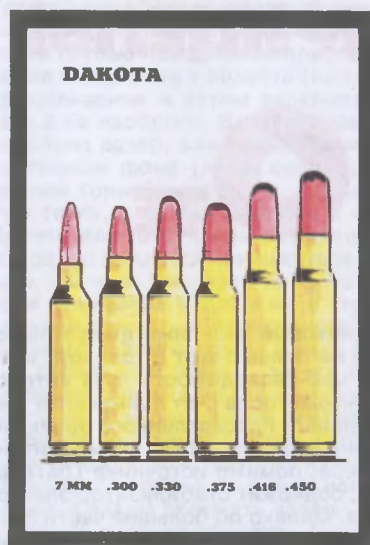
Группа легкого оружия (Модель L). Производится под патроны 5,6×57, 243 Винч., 308 Винч. (к этой группе патронов логично добавить 7,08 Реминг.). Вес оружия 2,8—2,9 кг, модель «Ворминт», весом 3,6 кг, с тяжелым стволом длиной 65 см. Стандартная длина стволов 50,8; 60 см. Эту группу оружия и патронов целесообразно использовать на дистанциях до 200 м в охоте на косулю, волка, рысь, россомаху, пятнистого, северного, благородного европейского оленей, молодых кабанов, лосей, медведей, то есть на животных весом от 25 до 100—120 кг. Модель «Ворминт» используется для стрельбы с сильной оптикой на дистанциях до 350—450 м в спортивных целях.

Группа среднего оружия (Модель M/миттель-середина). Производится под патроны 6,5×57, 270 Винч., 7×64, 30.06 Спрингф., 9,3×62 (к этой группе патронов логично добавить 8×57js). Вес оружия от 3,10 до 3,15 кг, длина стволов 50,8; 60 см. Эту группу оружия и патронов целесообразно использовать на дистанциях 150—200 м в охотах на крупного благородного оленя, марала, изюбря, крупного кабана, лося, медведя — буроого и гималайского, то есть на животных весом до 270—350 кг.

Группа тяжелого оружия (Модель S/швеер — тяжелый). Производится под патроны 6,5×68, 7 мм Реминг. Маг., 300 Винч. Маг., 8×68s, 375 Н&Н (к этой группе патронов логично добавить 338 Винч. Маг.). Вес оружия 3,8 кг (аналогичное по мощности оружие может весить 3,5—4,0 кг), длина стволов 60—65 см. Эту группу оружия и патронов целесообразно использовать на дистанциях до 300 м в охотах на особо крупных экземпляры лося и буроого медведя, которые типичны для районов Камчатки, Чукотки, Аляски и Юкона. Велят такие животные до 700 кг.

Группа тяжелого оружия для охоты в тропиках (Модель ST). Производится под патроны 9,3×64, 375 Н&Н, 458 Винч. Маг. Вес оружия 4,1 кг, длина стволов 65 см. Эта группа оружия и патронов предназначена: с ружьями под патроны 9,3×64 и 375 Н&Н для охот на крупных африканских антилоп — канну и гигантскую канну (антилопу Дерби), льва, черного и белого носорогов, бегемота. С ружьями под патрон 458 Винч. Маг. охотятся на кафрского буйвола и слона, причем оптимальная дистанция стрельбы не далее 50 м. Вес названной группы животных колеблется в широких пределах: от 200 кг — лев, 1000 кг — антилопа Дерби, кафрский буйвол, до 2000 кг — белый носорог, 5000 кг — африканский слон.

Для российских охотников особый

Группа боеприпасов фирмы «Дакота», снаряженных в гильзу патрона 404 Джефферлей. Слева направо: 7 мм Дакота, 330 Дакота, 375 Дакота, 416 Дакота. Крайний справа патрон 450 Дакота, снаряженный в гильзу патрона 416 Ригби

интерес представляют оружие и патроны, аналогичные по мощности образцам первых четырех групп каталога фирмы «Штейер Маннлихер».

Для обеспечения российского рынка оружием требуемой мощности возможны два пути. Это — закупать лицензии на производство гаммы самых популярных патронов к нарезному оружию: для магазинных ружей — 222 Реминг. Маг., 223 Реминг., 5,6×50 Маг., 7,08 Реминг., 8×57js, 9,3×62, 7 мм Реминг. Маг., 300 Винч. Маг., 8×68s, 338 Винч. Маг., 375 Н&Н; для переломных ружей — 5,6×50R Маг., 6,5×57R, 7×75R, 8×75R, 9,3×74R. Производить нарезное оружие отечественного производства, магазинное и переломное, под эту гамму патронов, что особенно позитивно отразится на экспорте, так как зарубежный покупатель особенно охотно приобретает оружие под знакомые патроны. И второй путь — производство отечественного нарезного оружия под расширенную гамму патронов собственного оригинального производства, причем патроны разного калибра конструировать сериями, используя имеющиеся на потоке гильзы длиной 39, 51, 53, 64 мм. В сериях указаны и новые образцы патронов, предлагаемые для разработки.

Первую серию предлагается выпускать на базе единой гильзы длиной 39 мм, которая будет предназначена для магазинных ружей: 5,6×39 (с пулями весом 3,6; 3,9; 4,8 г); 7,62×39 (с пулями весом 7, 9, 10 г); 8×39 (с пулями весом 12,7 и 13,0 г). Патроны предназначаются для стрельбы на дистанции до 150 м при охотах на глухаря, сурка, лису (5,6×39); волка, рысь, косулю, пятнистого оленя (7,62×39); северного оленя, молодых благородных оленей и лосей (8×39).

Вторую серию следует изготавливать на базе единой гильзы длиной 51 мм для магазинных ружей: 7×51 (с пулями весом 9; 10; 11,3 г); 7,62×51 (с пулями весом 7,9; 9,7; 11,3 г); 8×51 (с пулями весом 12,7; 13,0 г); 9×51 (с пулями весом 12,7; 16,0 г). Патроны предназначены для стрельбы на дистанциях до 200 м при охотах на пятнистого, северного, благородных оленей, некрупного кабана, лося (7×51, 7,62×51); марала, изюбря, лося, кабана, некрупного медведя (8×51, 9×51).

Третью серию надо выпускать на базе единой гильзы длиной 53 мм для переломных ружей — экспрессов, тройников, двойников: 7,62×53 (или по европейским стандартам — 7,62×54R) с пулями весом 12,7; 13,0 г; 8×53 (с пулями весом 13,0; 14,5 г); 9×53 (с пулями весом 12,7; 16,0; 19,0 г). Патроны предназначены для стрельбы на дистанции до 150—200 м при охотах на пятнистого, северного, благородного оленей, кабана (7,62×53); марала, изюбря, лося, медведя (8×53, 9×53).

Четвертую серию можно выпускать на базе единой гильзы длиной 64 мм для магазинных ружей: 8×64 (с пулями весом 13,0; 14,5 г); 9×64 (с пулями весом 12,7; 16,0; 19,0 г); 10,5×64 (с пулями весом 20,0; 26,0 г). Патроны предназначены для стрельбы на дистанции 200—300 м при охотах на марала, изюбря, лося, буроого и гималайского медведя (8×64); чукотского лося, камчатского медведя, селекционных отстрелов тигра, зубра (9×64; 10,5×64).

Выпуск четырех серий патронов с единой унифицированной гильзой для каждой серии позволит упростить их конструирование и серийное производство, оптимизирует выпуск моделей отечественных нарезных ружей под новые патроны.

Идея производства серий патронов к нарезному оружию, снаряженных в единую унифицированную гильзу, не нова. В США на базе единой гильзы от патрона 308 Винч. выпускаются патроны 308 Винч. Аксельратор; 7,08 Реминг.; 308 Винч. На базе единой гильзы от патрона 30—06 Спрингфильд выпускаются патроны 30—06 Аксельратор, 25—06 Реминг., 270 Винч., 30—06 Спрингф., 35 Веелен, 338—06. Фирма «Дакота» выпустила серию мощных патронов, снаряженных в единую гильзу от патрона 404 Джефферлей, куда входят 7 мм Дакота, 300 Дакота, 330 Дакота, 375 Дакота, 416 Дакота и, снаряженный в гильзу от патрона 416 Ригби, 450 Дакота.

Новая, более полная гамма патронов к нарезному оружию, производимая по лицензиям или в результате собственных разработок, потребует модернизации существующих моделей нарезных ружей заводов ИЖМАШ и ИЖМЕХ. В результате огромная масса сельских и городских охотников в России и за рубежом получит возможность приобрести недорогое нарезное оружие, годное для любых видов охоты в России, странах СНГ, Европы и Америки.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИЦЕЛЫ

НА ОХОТЕ

М. БЛЮМ

Лазерный прицел, лазерный целеуказатель — это названия относительно нового прицельного приспособления, которое в настоящее время стало получать довольно большое распространение среди любителей оружия. Чем же оно примечательно и отличается от известных прицелов? Основное отличие лазерного прицела в том, что это устройство излучает луч лазерного света, который освещает место, куда должна попасть пуля (конечно, если оружие с таким прицелом пристреляно). Диаметр пятна очень маленький и освещает небольшую круглую площадку на цели, однако ее площадь зависит от дальности до цели и конструкции прицела, так как от него луч расходится хоть под небольшим, но все же углом. Кроме того, дальность действия прицела зависит от мощности излучения, прозрачности атмосферы и способности отражать лазерный свет освещаемой поверхностью цели.

Кстати, о названии «лазерный целеуказатель». Оно довольно странное, но вошедшее в обиход. Цель не может быть указана этим устройством. Она может быть указана либо напарником (я имею в виду охотничью ситуацию), либо замечена самим охотником, но сам лазер никак не может ее указать без помощи человека. Название «целеуказатель», видимо, связано с тем, что лазерное пятно указывает стрелку место попадания пули. Но при чем тут тогда «цель»? Исходя из этих соображений, к данному устройству я буду применять только название «лазерный прицел».

В лазерном прицеле в качестве излучателя в настоящее время в основном применяется японский полупро-

водниковый лазерный диод мощностью не более 5 мВт с длиной волны 670 нм, расходимость луча которого уменьшается за счет применения трехлинзового просветленного объектива. Очень хорошо, если схема питания лазера, помимо источника (батарейки), содержит стабилизатор электротока. Однако по большей части схема состоит из ограничительного резистора и защиты от ошибочной установки источника питания. Ограничение по мощности связано с тем, что при излучении более 5 мВт прямое попадание лазерного луча в глаз человека приводит к слепоте. При такой мощности величина тока не превышает 40—70 мА (это следует знать при выборе источника питания). Напряжение питания обычно равно 3 В. Характеристики некоторых отечественных и зарубежных лазерных прицелов приведены в таблице. Наиболее приемлемыми прицелами для установки на гладкоствольное охотничье оружие являются лазерные прицелы типа ЛЦУ-ОМ2 или «Конус 7207». Таким образом, при покупке какого-либо лазерного прицела следует ориентироваться на те же данные, которые не хуже вышеуказанных прицелов (см. таблицу). Указанные в таблице данные, например, по прицелу «Конус 7207» говорят о том, что прицел имеет эффективную дальность прицеливания в яркий солнечный день на открытой местности со светлым фоном не далее 10 м, а на светлом же фоне в лесу — 25 м (на темном фоне дальность уменьшается в 1,5 раза). В пасмурную погоду можно хорошо прицелиться на открытой местности со светлым фоном до 25 м, а в лесу, при этих же условиях, до 50 м. При стрельбе в су-

Лазерный прицел «Бямшот 1000», установленный на оптическом прицеле

мерках, независимо от фона и местности, можно прицелиться и на 100 м. Таким образом, такой прицел рационально устанавливать на гладкоствольное оружие при охотах в сумерках и пасмурную погоду.

Некоторые прицелы отечественного производства можно монтировать на охотничье оружие разных систем, так как разработаны различные типы кронштейнов под ружья ИЖ-27, ИЖ-43, ИЖ-81, ТОЗ-34; карабины «Сайга», «Лось-4», «Лось-7», «Барс-4», «Тигр», ККС.

Когда же можно пользоваться лазерным прицелом? Днем, при свете солнца, уровень освещенности в тени (лес, горы, овраг) равен примерно 2000 люкс, что дает возможность видеть красное пятно от лазера на хорошо отражающей поверхности не далее 150—200 м, а на солнце не далее 25 м. При ярком освещении пятно лазера не будет видно на большом расстоянии в связи с тем, что свет солнца окажется ярче на освещаемой поверхности цели, и глаз стрелка соответственно приспособится к яркому освещению и заметно снизит свою чувствительность, а значит, не сможет воспринять относительно слабый отраженный свет лазерного пятна, располагающегося на цели.

В пасмурную погоду отраженный свет от лазерного пятна будет виден на более далеком расстоянии, которое будет зависеть от прозрачности атмосферы (дождь, туман, изморозь, снег, пурга и т. п.), и чем она прозрачнее, тем дальше можно будет прицелиться. Этот показатель будет зависеть также от мощности лазерного излучателя и длины его световой волны. Яркость пятна лазера будет восприниматься глазом охотника одинаково при использовании лазера мощностью 5 мВт с длиной волны 630 нм (из-за большей чувствительности человеческого глаза к этой длине волны) и с длиной волны 670 нм, мощность которого будет равна 20 мВт. (Эти цифры понадобятся охотнику при выборе лазерного прицела.)

В глубоких сумерках, перед наступлением ночи, когда цель далее 200 м простым, не вооруженным оптикой глазом уже не видна, уровень освещенности не превышает 2 люкс. В этих

Лазерный прицел «Бямшот 1000» с кронштейном

условиях дальность видения пятна от лазера находится в пределах видимости цели, которая чем ближе, тем ярче пятно. Если же отражающая способность цели мала (к примеру, шкура кабана), то дальность видимости пятна может сократиться в 3—4 раза.

Следует обратить внимание на такой важный показатель цели, как контраст по яркости и цвету цели относительно лазерного пятна. Чем меньше контраст, тем тяжелее отличить или найти пятно лазера на фоне цели. Это приводит к снижению дальности прицеливания или дальности видения пятна. Если цель располагается на темно-зеленом фоне (кустарник, трава и т. п.), а освещенность равна 2 люксам, то дальность видения пятна снижается в 2 раза по сравнению со светлым фоном (снежный покров). Итак, каждый обладатель оружия с лазерным прицелом должен сам опытным путем установить наиболее приемлемые условия использования его при тех или иных условиях охоты.

Однако охотникам можно порекомендовать следующее. Лазерный прицел применять на гладкоствольном оружии для стрельбы пулей и картечью, а по сидячей, неподвижной птице — и дробью. Для стрельбы из нарезного оружия применять его далее 100 м вряд ли следует. Оптический прицел более практичен, особенно с регулируемой подсветкой и переменным увеличением.

В связи с этим можно рекомендовать следующее.

При стрельбе днем не следует применять лазерный прицел на больших открытых пространствах при ярком солнечном освещении, когда окружающая местность и цель обладают плохой отражающей способностью, так как такие условия не позволят быстро найти лазерное пятно, а увидев, быстро навести в цель. Если же придется охотиться на заснеженном поле, то лазерный луч хорошо отражается от снега и пятно неплохо видно на довольно больших расстояниях.

При необходимости стрелять из гладкоствольного оружия пулей или картечью в сумерках или ночью на дистанции 50—70 м по зверю, когда цель еще неплохо видна (например, в лунную ночь), а обычные открытые прицельные приспособления, и даже оптика, бесполезны, лучше прицела, чем лазерный, вы вряд ли найдете. Прицельную планку и мушку невозможно совместить как надо между собой и направить в нужное место цели из-за того, что их плохо видно или они совсем не просматриваются. Однако до-

Трофей ваш! Только обратите внимание на то, что сначала необходимо навести грубые прицельные приспособления или стволы в область (не точку) прицеливания и затем включить лазер, а не наоборот. Включив предварительно лазер, вам придется искать на темном фоне (леса, овса, травы, камней горной осыпи и т. п.) лазерную точку, а потом вести ее к цели. Причем для того, чтобы ее найти, вам все равно придется приложиться к ружью, иначе ее быстро не найдете. Ну а если луч лазера уйдет в небо (туман, дальние открытые пространства без близкого заднего экрана в виде листьев, дерева или травы), то его пятно не спроецируется на какое-либо препятствие, а значит, луч не отразится и не будет воспринят глазом (стрелок ничего не увидит). Поэтому надо сначала навести ружье в нужном направлении, а затем включать лазер.

Кстати, следует обратить внимание на способность цели отражать свет лазера. Обычно серые темные шкуры зверей его плохо отражают, поэтому светящееся пятно лазера при его недостаточной мощности или большой дальности стрельбы глаз охотника может не увидеть. Именно поэтому стрелять ночью на большие расстояния не рекомендуется, особенно это касается нарезного оружия. Этот же закон безусловно действует и в светлое время суток, и в сумерках.

Конечно, с таким прицелом можно стрелять и дробью по птице, но только если она неподвижна, так как упреждение брать лазерным прицелом невозможно из-за того, что луч лазера при стрельбе по летящей птице спроецируется на небо, то есть в ведомом для стрелка месте, а значит, куда делится в данный момент охотник, неизвестно. Но если тетерев, глухарь или утка сидят неподвижно, то прицелиться в них очень легко.

И все-таки лучше всего этот прицел применять на облавных охотах в сумерках или в пасмурные дни при отстрелах лося, кабана, оленя, козули. Можно хорошо выделит в неглубоких

сумерках лисицу, волка, неподвижно-го зайца.

Почему не следует применять лазерный прицел для стрельбы из винтовок на большие расстояния, говорит сам за себя такой пример. При прицеливании на 100 м размер лазерного пятна равен 10 см, то есть угол расхождения луча равен 4 минутам (кстати, разрешающая способность человеческого глаза равна одной минуте, а это значит, что на 100 м человек увидит цель, размер которой будет не меньше 2,5 см, для стрельбы по меньшей цели уже нужен оптический прицел, и чем она меньше, тем большую кратность должен иметь оптический прицел). Если учесть разброс пуль, равный 10 см, то общий круг рассеивания пуль составит 15 см. При стрельбе же на 300 м лазерное пятно перекроет площадь диаметром, равным 30 см, а с учетом разброса пуль и ошибки в прицеливании стрелка можно с уверенностью сказать, что пули будут уложены в круг диаметром 45 см или больше, то есть ни о какой точной стрельбе на дальние расстояния по таким животным, как, например, лисица, не может быть и речи. Итак, опять нужен оптический прицел.

О недостатках говорилось много, а также чего следует остерегаться при использовании лазерных прицелов. А чем все же они хороши? Во-первых, нет необходимости совмещать три точки, как это делается при использовании открытого прицела. Навел лазерную светящуюся точку в нужное место попадания пули и стреляй. Во-вторых, малое время прицеливания и хорошая точность стрельбы на небольших расстояниях, что особенно привлекательно при стрельбе из гладкоствольного оружия. Возможна стрельба «от бедра» без вскидки оружия к плечу, если оно имеет малую отдачу (например, из малокалиберки). Видимо, и при охотах на берлоге такой прицел пригодится. За рубежом некоторые охотники используют его в сочетании с оптическим прицелом, что очень рационально.

статочно приблизительно навести стволы в нужное место, включить лазер, подвести лазерную световую точку в требуемое для попадания пули место и нажать на спусковой крючок.

Буду ли я одинок...

Игорь АЛЁХИН

Я сидел в вагончике за простым деревянным столом, застеленным клеенкой с красно-желтыми листьями на бежевом фоне, и курил легкие белоснежные сигареты, вытряхивая их из зеленой глянцевої пачки. Они истлевали очень быстро, бледный дым слюлистыми клубами вяло шевелился в воздухе, указывая на отсутствие сквозняка в помещении, а за единственным окном, черным прямоугольником врезанным в стену, на черную, раскисшую от долгого ненастья землю, на тусклую чугунную гладь лиманов, в серо-бурые камыши ночных плавней с бесконечным вселенским шорохом сыпался черный дождь.

Дождь с небольшими перерывами шел несколько дней — до моего приезда сюда, в день его, и, скорее всего, он будет идти и после того, как я уеду... Из соображений экономии я прикупил фитиль керосиновой лампы, но света ее вполне хватало для того, чтобы видеть цифры на часах, посуду на полке, по которой изредка пробегали с громким топотом мыши, стоявшее в углу блестящее от масла ружье и мои сапоги у двери.

Машина, на которой я приехал, мокла под дождем в ста метрах отсюда, и мне казалось, я слышу, как шуршат капли по ее кузову, полируя его в тусклом, неведомо откуда берущемся свете ночи. И мне еще было немного совестно за то, что она стоит вот так, под открытым небом, одинокая, как и я. Но я был в тепле и сухости, а машина мокла в луже под дождем. Это было несправедливо. Ведь она привезла меня сюда через десятки километров скользкого грязного асфальта, острых камней гравийных дорог, раскисших проселков и плавневых насыпных валов с обманчивыми, ненадежными краями. И заслужила, наверное, хотя бы навеса, прикрывающего от мерзкого декабрьского дождя...

Но навеса не было. Единственный сухой угол занимал я, вместе с ружьем и патронами и своими невеселыми мыслями.

Было тихо. Так тихо, как бывает, когда ты один на двадцать верст окрест. Когда идет дождь, нет ветра, все живое вокруг, от мыши под полом до дикой свиньи на недалекой камышовой гриве, кажется, тоже слушает этот непрерывный тихий шум падающих в камыши мелких холодных капель.

Зимний дождь — такое вот грустное явление. И надежды, что он перестанет к утру, мало. Судя по размытым, разваленным напором воды колеям дороги, по которой я ехал сюда, и се-

рому небу без всяких просветов, дождь давно и надолго.

Ну и черт с ним. Что поделаешь, если не везет. Мне вообще не везет на охоте в последние годы. И не в том, что нет добычи — она-то как раз есть, а в том, что... Ну как бы сказать точнее — нет полного удовлетворения от результатов моих охот. Да, что-то в этом роде...

Результаты есть, а удовлетворения от них что-то не очень много. А почему — очень хорошо начинаешь понимать. Когда тебе за сорок, неожиданно отчетливо начинаешь сознавать правду и смысл поговорки, что разделенная радость — это двойная радость. Впрочем, конечно, есть и другая, так сказать, сторона медали — неразделенная радость ведь вовсе не половина радости... Наверное, все зависит от того, нужно ли тебе самому делиться с кем бы то ни было своими чувствами и ощущениями, вообще — чувствуешь ли ты необходимость приобщить к своему миру нравственных убеждений и переживаний другого человека. Все зависит от конкретных обстоятельств, конечно. Но если этот другой человек — твой собственный сын, то желание разделить с ним радости и переживания, которые дарит охота, превращается, можно сказать, в естественную потребность даже не разделить — подарить ему огромный, чувственный, цветной и благоуханный мир, полный летящих в голубом поднебесье стай, разливов холодной воды, загадочных туманов с влажными задумчивыми деревьями, звездных ночей и звериных троп. Мир, имя которому — Охота.

Не мысля жизни своей без охоты, я естественно и закономерно считал, что мой сын обязательно должен унаследовать эту страсть. Другими словами, стать охотником. И не каким-нибудь «сочувствующим», иногда выбирающимся в поле с покупными патронами и новеньким, но нечищеным ружьем неизвестно зачем — от нечего делать, потому что пригласили, привезли-отвезли, потому что надоело дома, надо «отметиться» на природе... Сын должен, как минимум, повторить меня, всю жизнь одержимого охотничьей страстью, — любить все, связанное с охотой: оружие, собак, природу, книги... Ну а если охота займет в его жизни еще больше места, чем в моей, — хотя я с трудом представляю это, — дай, как говорится, Бог.

И я начал готовить Костю к ждущей, как мне казалось, его охотничьей участи. Он должен стать охотником — для этого я собирался сделать все от меня зависящее. Чуть ли не с самого рождения показывал ему картинки на тему

природы и охоты, совал к носу стреляные гильзы — пусть узнает с малолетства неповторимый, будоражащий сердце запах сгоревшего пороха. Покупал и делал ему игрушечные ружья. Раскладывал перед ним принесенную с охоты дичь.

Костя без сомнения и стеснения хватал уток за шеи и с интересом рассматривал, тыча пальчиком в полуоткрытые клювы. Тербил цветные перышки, с восторгом подбрасывал пух. Большего требовать я тогда не мог. Сын вел себя как положено, подавал надежды.

С собой на охоту я взял его в четырехлетнем возрасте. Охота «домашняя», поблизости. Сразу за городской чертой есть у нас заросшие камышом и разнотравьем отстойники сахарного и молочного заводов, мое детское охотничье Эльдорадо, где я добыл своего первого чирка, первого бекаса, болотную курочку, лысуху... На отстойниках приезжавшие из Краснодара заготовители ловили и мешками сушили аквариумную дафнию, в изобилии водившуюся в насыщенной питательными веществами воде. Буйство растительности и чередование глубоких мест с кормными мелководьями делало отстойники богатым на водоплавающую дичь и куликов угодьем. До открытия охоты утки всевозможных пород и кулики здесь просто кишели, и в детстве мы умудрялись при помощи лука и стрел или обыкновенной рогатки и круглых камешков, а позже — да простит нас недремлющее око охотинспекции — из самодельных «самопалов» или петлями добывать достаточное для обеда количество разнообразной дичи. Отстойники стали и моей школой охотничьей науки, и целой страной, где проходили многие часы скитаний.

Отдельные их участки даже получили у нас свои собственные названия. Здесь были и Великие Отмели — на них всегда можно было застать куликов, и Утиные Плеса, где мы скрадывали осторожных крякв, и Лысушный полуостров, из которого на водную гладь выплывали черными шарами непуганые водяные курицы. Большая Присада — два огромных засохших тополя, на голые ветки которых садились прилетающие на водопой голуби. Хатки Ондатр — отстойник, в негустом, прореженном зверьками камыше которого, словно маленькие хатки, стояли домики водяных крыс. В то время никто не стрелял и не ловил их...

У меня была даже собственноручно выполненная карта отстойников: на небольшом листе ватмана со всей скрупулезностью были нанесены в плане все достопримечательности нашей детской охотничьей страны.

После открытия охоты положение по обилию дичи на отстойниках резко менялось — ввиду легкодоступности угодий для пешей охотничьей братии, но пару уток на зорьке взять было можно. Надо только встать в нужном месте. Ну а кому же и знать-то такие места, как не мне, «выросшему» среди этих покрытых бурьяном и камышом дамб и частенько прятавшему в укромном углу школьный портфель... И вот теперь в свою детскую охотничью страну я привел своего сына.

Выехали из дому в полпятого утра, полусонного малыша жена с обреченным видом одела потеплее и сапожки дала какие были самые длинные. Вот только на голову ничего подходящего не нашлось, и поехал сын в красной шерстяной шапочке на манер той, что носят английские полицейские.

Попав на ночные дамбы отстойников, Костю пришлось посадить на плечи — залитая росой трава ему по грудь. В одном месте дамба разрыта — в темном провале глухо шумит поблескивающая в звездном свете вода. Спуститься и перепрыгнуть — секунды делов. Но только сунулся к краю ямы, сын вцепился ручонками в голову, ногами шею сжал, кричит от страха... Ну надо же! Что ж, обойти придется, хотя и далековато...

Наконец добрались мы, опустил я пацана на землю. Немного постояли, светать стало. Косте показываю, объясняю: вон камыш, вон заливчик, тут могут утки летать, надо тихо стоять, не шуметь... Ему что — стоит, слушает... А тут и селезень как раз! Летит высоко, но ровно и небыстро. Ударил, он на глазах у сына на середине плеса — хлоп! И — катерком к берегу. Подранок! Успел сказать сыну — смотри, мол, удирает, добирать надо — и вторым выстрелом накрыл его как раз у берега, перед камышом. Селезень серебряным животом перевернулся вверх, апельсиновыми лапами машет — любодорого посмотреть. Косте показываю — видишь, сынок?! Ай да мы с тобой, такие классные охотники! «Вижу», — говорит. «Ну что, побежали к нему? Давай ручку, сейчас мы вдоль бережка, только смотри не поскользнься возле воды, так-так, тут, смотри, палка торчит — осторожно глазик...» Ему четыре, а мне на тридцать больше — я и за него, и за себя, и за селезня этого переживаю.

Достал добычу прутиком, отдал сыну. Селезень красив: перелинял, голова с зеленым переливом, на груди светло-серый поролон перьев, у хвоста завитки косичек. Возможно, это восьмисот первая моя утка, но я готов плясать от радости, что добыл ее на глазах у сына. Спасибо тебе, селезень!..

Костя держит его за шею. Эмоций незаметно — от волнения, может быть...

— Он умер, папа?

— Да... ну... как умер... Подстрелил я... мы его. Ты же видел? Видел, как

он летел, красиво так?... А потом мы его — бах! А он — ви-у-у... и в воду — бабах! Видел — как?

— Видел, — очень серьезно отвечает сын. — Мы его есть будем?

— Ну... а как же? Раз мы его убили, обязательно съедим. Вот ошипаем, мама зажарит — м-м... какой вкусный будет! Ты любишь жареную утку?

Конечно, он ее любит.

— А охотником будешь? — я готов спекулировать даже на любви к жареной утке.

Конечно, он будет.

По дороге к дому сын, сидя у меня на плечах, усердно тербил селезня, положив его мне на голову. Я терпел и даже радовался. Вот так потихоньку, шаг за шагом буду приобщать пацана к любимому занятию. И где-то загорится искорка, когда-то будет вспышка — а я уж раздую, не дам погаснуть... Пусть не сегодня, но завтра — сколько ему лет-то! Но я буду ждать этот момент, чтобы с великой радостью сказать: я сделал все, что мог, и теперь ты будешь охотником, сын!

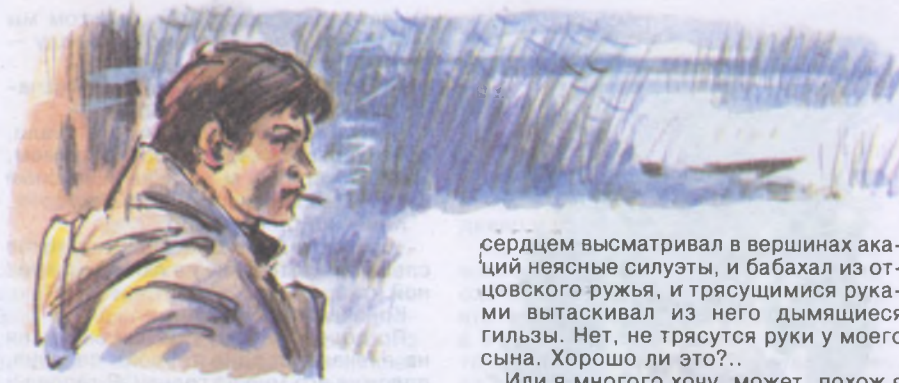
Ну дальше, тем же курсом направляя сына в русло охотничьего ремесла, купил я ему пневматическую винтовку, хотя и были они тогда под idiotским запретом. Лепил из пластилина и вырезал из бумаги мишени — уток, зайцев, кабанов. Учил правильно держать ружье, целиться...

Костя оказался талантливым стрелком. Старательно выцеливал, прилежно и смешно щуря глаз, ревниво относился к моим выстрелам, если я показывал ему, как надо.

А я вспоминал все свои луки, рогатки и самопалы, с которыми торил свои первые тропы в камышах и лесополосах. Нам бы тогда «воздушку» — о ней мы могли только мечтать!

Теперь сын имеет винтовку, да и пневмопистолет «до кучи», выпустил тысячи пульек, подстрелив, конечно в «сезон», несколько воробьев и голубей. Но нет у него «своей» охоты! Живем мы теперь не на окраине, в охотничьи походы на отстойники или Криное озеро сын не ходит. Да и среди его сверстников так и не было никого, с кем в такой поход он мог бы отправиться... А мы, помнится, в свободное время с утра до ночи — среди полей, камышей, деревьев... Когда случалось добыть каким-нибудь первобытным способом дичину, хоть того же голубя, радости и восторгу не было предела. Обязательно костер, в котором под горячими углями, на которых, подвешенная на шампуре, румянилась наша добыча, пеклась ворованная на огородах картошка. И не было ничего вкуснее тех подгоревших кусков...

А сын стрелял из пристрелянной мною по всем правилам «воздушки» залетающих к нам во двор воробьев, промахивался редко, не из-за того ли, что ничуть не волновался?... Не было воробьев — всаживал пульки в мишени. Кончались пульки — стрелял из пистолета залетающих на компьютере из электронных камышей электронных

уток... И ни разу не вызвался почистить забытую в углу «воздушку». Кидался это делать после напоминания... Ну что ж, может, рано еще, в 6—7 лет-то?

В его 9 лет я купил еще одно ружье — специально ради него. Это был легонький бокфлинт 32-го калибра «Олень» — мог ли я сам в таком возрасте мечтать о подобном?! Сшил для Кости из замши патронаш с отдельными аккуратными подсумками. Вместе зарядили патроны. Из этого ружья мне лично за пределами двадцати метров ничего путного убить не представлялось возможным, сколь я ни экспериментировал с зарядами, — из-за дикого разброса как гладкого ствола, так и «парадокса». Но на этом расставании Костя довольно уверенно шлепал сизарей на колхозной ферме, куда я специально для него ездил в августе. Но... Опять «но!» Охота, я заметил, продолжалась для него, пока было по чем стрелять. Исчезала дичь, исчезал интерес. Но, может, я сам виноват: устроил парню сразу «богатую» охоту, с частой стрельбой, обильной, легкой добычей? А с другой стороны, не отпугнули бы его от охоты безрезультатные — для него — выходы? Голубей сын стрелял с большой охотой, но как-то уж очень старательно. И все время пересчитывал добычу. Прямо промысловик маленький. А вот волнения, искорки охотничьей — незаметно... «Ладно, не паникуй раньше времени», — говорил я себе.

Чтобы «не сидеть без дела» в межсезонье, и к тому же во имя идеи становления сына как охотника, купили мы с ним малокалиберный карабин ТОЗ-78. Поставили на него хорошую оптику переменной кратности и с соответствующим разрешением объявили войну серым воронам, наводнившим в последние годы угодья подобно саранче.

И тут сын не хуже меня результаты показал. Бывало, я шепчу ему: «Ну, давай, бей же, пока не слетела!» А он в ответ: «Сейчас... тени уберу...» Это правильно, через оптику-то. Шлеп, готова! Повисла каркуша на ветке, сын спокойно затвор передергивает... А мы с отцом, помню, ходили на ворон в посадку, где они ночевали, рано утром, еще потемну, и я с колотящимся

сердцем высматривал в вершинах акаций неясные силуэты, и бабахал из отцовского ружья, и трясущимися руками вытаскивал из него дымящиеся гильзы. Нет, не трясутся руки у моего сына. Хорошо ли это?..

Или я многого хочу, может, похож я на максималиста — хочу, как минимум, максимума, да еще так рано... А рано ли?

Я не помню точно, когда я сам заразился охотой, и мне кажется, что охотился я всегда. Поэтому и не считаю, что для увлечения необходимо достичь какого-то определенного возраста. Если человек «заболел» благородной охотничьей страстью поздно, значит, как правило, у него просто не было возможности «заразиться» раньше — жил он в стерильных условиях, в каком-то изоляторе. И если я говорю все же о том, что у каждого свое время, то это, конечно, для самоуспокоения.

Сын не отказывается пойти на охоту, но и не просится сам... Хоть убей, словно не замечает моих приготовлений и намеков и ни разу не вспомнил, что ружье не чищено...

Сравнивать его и мое детство невозможно. Видики, компьютеры и «Киндер-сюрпризы» представляют собой, очевидно, гораздо более сильные раздражители, чем синее осеннее небо над желтыми тростниками Бейсугского лимана. Что такое упавший на зеркало тихого плеса, сбитый выстрелом кровавый селезень по сравнению с Терминатором, дырявящим из шестиствольного пулемета автомобиля и пробивающим себе дорогу в зданиях при помощи гранатомета? Маленький человек живет в том, виртуальном, телевизионном мире, где все — люди, вещи, события — делится на крутое и некрутое. Сына, я заметил, уже трудно чем-либо удивить. Вспоминаю один эпизод, смешной он или печальный — не знаю. Ехали с охоты вечером и случайно обнаружили позднюю кормежку уток на скошенном кукурузном поле. Стрелял я удачно, наша фокстерьерша Дюка принесла убитых птиц, а Костя принимал у нее добычу и складывал рядом на траву, особенно не глядя по сторонам: его больше занимала уже добытая птица. Когда уток набралось с пяток, сын дернул меня за рукав и указал на первую — по порядку, она вдруг стала подавать признаки жизни, хотя бита была вроде бы «чисто», да и Дюка своим прикусом не оставляла шансов птице на выживание — попросту раздвигала шейные позвонки. Об этом я и сказал Косте, удивленно покачав головой. Меж тем утка встряхнулась и даже переверну-

лась на брюхо. Тогда сын, видя мое удивление, решил дать случившемуся свое объяснение. Подняв на меня спокойные глаза, он с детской непосредственностью произнес:

— А может, она киборг?

Господи! Я был здесь, на этом вечернем поле с гаснущей оранжевой зарей, шаря глазами, ждал налетающих из темноты птиц, слыша их пульсирующий свист крыльев, а он был там — в своем мире, выдуманном и расцветченном телевидением. Понять и даже проникнуть в этот мир я мог, но как вытащить из него сына — я не знал. Да и нужно ли это делать. Насильно, как известно, любить не заставишь...

И вот сейчас я один. Это и хорошо и плохо. Хорошо, что никто не мешает вот так сидеть, думать, не лезет с дурацкими вопросами или глупыми, не к месту и времени, анекдотами (ненавижу анекдоты на охоте), никто не храпит рядом, убивая надежду на нормальный сон, никто не заберется завтра в машину в грязных сапогах и не будет бесцеремонно стряхивать пепел под ноги. Никто не займет заветное место в «вершине» лимана, набросав на гладь уютного заливычка уродливые муляжи диких уток и оставив после себя в поломанном камышовом закрайке рваные полиэтиленовые пакеты и непотопляемые бутылки из-под газированных напитков, чужеродными буйками усеявшие в последнее время угодья.

Плохо лишь то, что маленький человек никак не выказывает надежду, что когда-нибудь разделит со мной добровольные изгнания из мира неохотничьих людей, и спит сейчас, витая в неохотничьих снах за миллионы километров от моих мыслей, а мне, взрослому человеку, никак не удастся сократить это расстояние...

Что ж, существуют ведь тысячи отцов-охотников, у которых сыновья, в лучшем случае, сочувствуют им, отнюдь не приобретившись к древнейшему и естественному инстинкту «преследования с целью добычи»... Я всегда знал это и всегда думал: «Ну, это только не для меня!» А вот поди ж ты... Как тут не вспомнить Ливеровского: «...Не принимается выжлечек! А старание вроде есть...»

Впрочем, что это я! Не все же еще, в конце концов, потеряно — сыну сейчас только одиннадцать. Может, и проявится в нем охотничья жилка. Или я со своей неумной страстью к охоте настолько вобрал в себя ее древний, пещерный жар, что ничего не оставил сыну?

Я обулся и вышел на крохотное крыльцо. Дверь негромко скрипнула, отгородив тепло помещения от сразу обнявшего меня за плечи влажного холода плавней. Закурил, я машинально прикрыл ладонью сверху тлеющий огонек, но тут же понял, что делаю это напрасно — дождь перестал, надоедливый шум капель исчез, и в той стороне, куда скоро мне предстояло

плыть, над темнеющим горизонтом от-
решенно и одиноко светилась голубой
точкой неизвестная мне звезда.

Где-то кричали дикие гуси. Навер-
ное, они отдыхали сейчас на тех са-
мых разведанных мною когда-то за-
лиманных косах-отмелях, поросших
темно-бордовой невысокой травкой,
издающей во все времена года непо-
вторимый кислотовато-свежий, ни на что
не похожий запах, и их потревожила
лисица или енот. А может, гуси крича-
ли просто так, без всяких причин, по-
тому что они вообще любят перегова-
риваться сами с собой и с простора-
ми, среди которых живут. Гусиный крик
самых гусей когда спасает, а когда и
губит. Я сам убил много гусей только
потому, что успевал перезарядить ру-
жье нужными патронами, услышав из-
за спины их разговор.

Я вообще знаю много уловок, пред-
назначенных для того, чтобы привез-
ти с охоты домой несколько тяжелых
диких гусей и тем самым прослыть
опытным гусятником. Я хотел бы все,
что знаю и умею в этой охоте, пере-
дать сыну. Только не уверен, захочет
ли он сам этого хоть когда-нибудь. Я
не уверен, что смогу объяснить смысл,
прелесть и радость охоты. Не все ведь
можно объяснить.

Но я буду ждать, не теряя надежды,
немного успокаивая себя мыслью, что
для приобщения сына к миру охоты я
сделал все, что мог. Я никогда не пере-
стану охотиться, так что у него всегда
будет возможность сделать первый
самостоятельный шаг в страну чудес и
древних наслаждений, имя которой —
Охота.

Я стоял в ночи и остро чувствовал
тишину и пустоту окружающего меня
влажного гулкого мира. Звезда впе-
реди все еще светилась, хотя и не ка-
залась теперь такой яркой. И гуси мол-
чали, лишь какой-то одиночка посы-
лал во мрак отрывистые гортанные
звуки. Над головой упруго посвисты-
вали утиные крылья.

Скоро я поплыву туда, в сторону гу-
синых криков, поплыву неспешно, мер-
но отталкиваясь от черной воды легки-
ми веслами, потому что спешить мне
некуда — никто не будет грести рядом,
стараясь раньше меня занять заветный
мыс. Я буду плыть долго, молча, пото-
му что не с кем разговаривать и пугать
осторожную тишину. Я, возможно, вер-
нусь с богатой добычей и всю ее при-
везу домой, потому что делить ее при-
дется на одного. И довольный, и гор-
дый своим одиночеством, им же отрав-
ленный и скованный, буду однообраз-
но и тупо задавать себе один и тот же
вопрос: верно ли, что не надо никогда
и никого бояться, когда ты один? И,
разуверившись окончательно в дру-
зьях, не глупо ли надеяться обрести
друга в лице собственного сына?

Тростники вокруг меня молчали
страшной своей тишиной, их стебли,
все до одного мертвые, то ли соглаша-
лись со мной, то ли осуждали, и я не
понимал, что означает это молчание...

Рисунки Б. Игнатьева

ФОТОАРХИВ

ВЫСОЧАЙШИЕ ОХОТЫ

На снимке самый торжественный мо-
мент — обряд вручения в Беловежской
пуще символической еловой ветки вели-
кому князю Михаилу Николаевичу после
удачной охоты на зубра в 1885 году. Вру-

чает М. В. Андреевский (справа). За ним
стоят великие князья Романовы: Геор-
гий Михайлович, Александр Михайлович,
Петр Николаевич.

Зубр был убит метким выстрелом в. к.
Михаила Николаевича, второй зубр до-
быт в. к. Георгием Михайловичем, а тре-
тий — в. к. Петром Николаевичем Рома-
новым. Всего за один день было взято 4
зубра, 4 лося, кабан и волк.

На втором снимке изображен импера-
тор Александр III у добытого оленя.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

Подписка на журнал

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

продолжается!

Если вы не успели подписаться на весь 1999 г.
или на полгода, то до 20-го, а в некоторых районах
до 15-го февраля, можно оформить подписку
начиная с апреля и до окончания полугодия

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

МОИ СОБАКИ

ЛЕСНИК

На двенадцатом году моей жизни я начал охотиться, воруя для того ружье моего старшего брата, очень скоро попался на месте преступления, был судим семейным судом и получил строжайший выговор с указанием на всю гадость моего поступка. Впрочем, судьи, в том числе и моя мать, все до одного были страстные охотники. Они знали, что преступник, пошедший по этой дорожке, неисправим. Поэтому мне вручили в собственность ружье со всеми принадлежностями: охотиться, — делать нечего, — но не воруй.

Увы! Охота без собаки на уток однобока, а на болотную и лесную дичь хромает на обе ноги. И я подачками сманивал за собой Бокса, старого сеттера моего отца. Четвероногий плут делал вид, что он меня слушается, до тех пор, пока у меня оставались для него лакомства. Он шел со мной, отыскивал дичь и делал стойку. Но, убедившись, что он все угощение съел и у меня больше ничего нет, уходил домой равнодушно и самостоятельно. Старый жулик на мою охоту смотрел сквозь пальцы: так — шалости, контрабанда.

Затем я покупал копейки за двадцать, нанимал за пятак собак, подманивал бродячих. Случалось попадать на мародеров, нахально пожиравших убитую мною дичь. Один гордон, презренную рожу которого я ненавижу более сорока лет, почему-то усвоил вкус отгрызать только головы у моих уток. После выстрела исчезало все:

нет ни утки, ни собаки. Прислушиваюсь: хруст и чавканье в трущобе... С опасностью для жизни лезу туда через трясину, и на широкой кочке подлая морда облизуется над безголовой уткой!

Что делать? Приходилось якшаться с позорнейшими подонками собачьих пород. Они умели чхать, по ним можно было хоть кое-как приготовиться к взлету дичи, а шататься вслепую уж очень тяжело.

Из множества случайных собак, с которыми я охотился всю юность, подавляющее большинство годилось только на виселицу, но немногие из них не лишены были некоторых достоинств. Среди них Кронид, беспородный песик, слегка напоминавший облик пойнтера, явился яркой личностью, определившей мое собачье мировоззрение.

Кронид я купил за сорок пять копеек у пьяницы-охотника, который бил его чем попало, за что попало и даже ни за что и, конечно, вовсе не кормил. В избушке, где я жил на охоте, Кронид получил соломенный матрасик, обильный корм, и никто его не ударил. Казалось бы, — не житье, а рай. Кронид убежал, как только я оставил его одного. Часа через два тот же охотник, качаясь и хихикая, предлагал мне купить собаку.

— Да ведь это Кронид?
— Правильно. Кронька, он самый.
— Так я же его купил?
— В-верно. Только он, значит, убежавши опять ко мне и, значит, мой.

— Сколько же за него?
— Полтинничек. Да еще тогда пятак недостало... За вами, значит, хи, хи!

Я заплатил. Кронид дня три отлично исполнял свои охотничьи обязанности, затем исчез. Пьяница опять привел его и опять продал. Вот нашел дурака! Что ж, у меня фабрика полтинников, что ли? И обиднее всего: что за сласть Кронидке там, у пропойцы, где бьют и не кормят.

Я не спускал глаз с доброго, очень послушного песика и скоро подсмотрел разгадку его исчезновения. Заслышав протяжный, сильный свист, несшийся откуда-то с огородов, Кронид даже бросал чашку с кормом, убежал и пропадал. Какой смысл его бить и... за что?

Я заплатил еще полтинник и занялся Кронидом. Я гладил, кормил его, поминутно называя по имени, играл, возился с ним, твердя все время: Кронид, Кронид, Кронид. Он лежал на солнце перед избушкой, когда раздавался призывный свист, и уже вскочил, собираясь бежать, но я высунулся из окошка и закричал:

— Куда, Кронид? Назад, Кронид!

Он дрожал, поглядывая в сторону свиста. Я выбежал к нему, приласкал его, поддержал его колеблющуюся темную волю. Он остался.

Власть свистка над ним кончилась, прекратилось и выманивание полтинников, но мне того уже было мало. Я призвал бывшего хозяина моей собаки и предложил подойти вплоть, свистать, звать как угодно, и, когда Кронид пошел было на зов, я только сказал:

— Кронид, ко мне, домой, Кронид!

Он вернулся, виновато виляя хвостом, к моим ногам. Пьяница с ругательствами ушел, заявив, что Кронька от рук отбилась. Он был мой.

Порядочная легавая собака должна преимущественно только отыскивать дичь, в виде некоторой уступки разрешается ей и подавать дичь, но заяц даже замечать она не имеет права, заяц — дело гончих. Кронид беззаконно очень мило совмещал достоинства всех пород. Он чрезвычайно уродливо стоял над дупелем, добросовестно ловил подбитую утку и настойчивым и мерным лаем гнал зайца. При мягком его характере мне такая разносторонняя талантливость очень нравилась; несомненно, что мы поохотились бы вместе ряд весьма приятных лет, если бы в первую же после нашего знакомства зиму милейшего песика не съели волки.

Я пожалел его искренно, тем более что встал перед задачей: мне необходима моя собственная настоящая серьезная собака. К тому времени мне шел уже девятнадцатый год, я надел студенческую фуражку, и охотничью науку я знал много лучше тех, которые

были прописаны в моем аттестате зрелости. На этих основаниях один старый охотник удостоил меня чести подарить мне щенка из ожидавшегося потомства его знаменитой Дианы.

Если бы изучению юридических наук, для чего я записался в университет, я посвятил столько забот, хлопот, внимания и труда, сколько отдал воспитанию своего щенка, то несомненно я сделался бы весьма замечательным законоведом. Но судьба оставила меня при собаках.

Мой Дик, родившийся в самом начале весны, рос в наиболее благоприятных условиях: все время на ярком солнышке среди густой травы. Я приготавливал для него тщательно отсеянную костяную муку, кормил его свежими сырыми яйцами, растирая их скорлупу в порошок, варил для него морковку.

Нет, мой Дик никогда ничего не украл, а что мое кормление не было глупостями, стало очевидным очень скоро. Дик живо перерос всех своих братьев и сестер, шутя отшвыривал их от чашки с кормом и первый уморительно залаял басом, когда те еще только пищали.

Богатырь, красавец, умница мой Дик на болоте оказался дураком. Он взял сунутого ему в рот еще теплого дупеля и весело понес его за мной, как тряпку. Никаких чувств!

— На осину, — злорадно сказал старый охотник, когда я с ужасом поведал ему о первом выступлении Дика, — вырастили по-ученому орясину. Позор для всего рода моей Дианы.

— В цирке можете свою собачку показывать, — ехидно утешали меня другие, — большие деньги составите.

Действительно, Дик по моему знаку мог снять шляпу с кого угодно. Он отлично изображал, как собака с отвращением отказывается от лакомства, предлагаемого старухой (из левой руки), и радостно хватает тот же кусок, если сказать, что он от молодой красавицы (правая рука). Дик устраивал целые представления, показывая, как собака лежит мертвой, хотя муха вьется около ее уха, а осы жужжат у ее носа этак: дзынь-дзынь. Приходит даже бык и собаку рогом в бок тык — нет, издохла собака. Вдруг является волк и собаку за хвост толк... Ну, тут собака вскакивает с веселым лаем!

Из скромности я умалчиваю о том, кто исполнял ответственные роли мух, быка и волка; зрители же всегда с восторгом приветствовали главного актера, выносившего на плечах всю пьесу.

За зиму Дик окончательно сложился и окреп, совершенствуясь в науках.

Он отыскивал и приносил щетку, которой вычесывали его шерсть, и, толкая в колени головой, так настойчиво, так ясно смотрел умными глазами, что ни у кого не хватало духа отказать такой милой собаке в ее просьбе: все брали щетку и гладили ею Дика. И короткая гладкая шерсть его всегда блестела как шелк. Дав Дику в рот бумажку, я говорил:

— Снеси письмо маме!

Он ходил за ней, тыкаясь холодным носом в руки до тех пор, пока она не брала бумажку. Иногда, наоборот, я кричал:

— Дик, принеси записку!

Он опрометью кидался к маме и не успокаивался, пока не получал бумажки.

— Дрянь у меня собака, — говорил я мрачно, — тыфу! Вот какая собака... Повешу я собаку, прогоню, продам собаку... У, у, у!

И я выл с самым печальным видом, Дик смотрел на меня, недоумевая... Это повторялось очень часто и довольно долго.

— Будет выть, — уговаривали меня домашние, — повыл и будет: надоело. У собственной собаки хлеб отбиваешь.

И вот однажды, едва я завел похоронную волюнку о продаже подлой собаки, Дик жалобно взвыл. Я расцеловал его, накормил всякими лакомствами и сплясал с ним пляску диких, что доставляло ему величайшее наслаждение. С тех пор номер с вытьем над продажей собаки проходил без осечки и неподготовленных зрителей ошарашивал наповал.

Однако в поле Дик продолжал держать себя как болван. Гремящий трепет тетеревиного взлета не производил на него никакого впечатления. Утка, запах которой, по словам охотников, так горяч, что перебивает у собаки чутье к более благородной дичи, утка, ни живая, ни мертвая, ничуть не волновала Дика.

Со стыдом, с отвращением я нанимал тайком всяких подозрительных личностей собачьего рода, брал на охоту заведомых воришек, бродяг и бездельников. Что же скрывать? Я был с ними груб... Ходи тут с разной дрянью, а мой чудесный Дик, разве только говорить не умеющий, занят тем, что подает поноску уличным мальчишкам. Это была его страсть, род сумашищества, худший его порок, от которого отучить его не удалось и который давал столько поводов для насмешек!

Я страдал глубоко, тайно. Уже завелась некая Лэди, светло-шоколадная собачка, нанятая на улице... Она по

болоту неслась так, что за ней надо было бежать, неслась без стойки, невежественно размахивая хвостом, но, приближаясь к бекасу, она очень выразительно оглядывалась, как бы говоря: «вот, вот он тут!» В этом была своеобразная прелесть, и я... и Лэди... и мы с ней... Ну, словом, — этаким стыд! — шли переговоры о приобретении Лэди в мою собственность, да, да!

С Диком я купался, гулял. Картина, а не собака! Но червяк обманутых надежд точил мне сердце: балаганный пес, неспособный на благородные охотничьи чувства. В глубине моей души загнездилась глухая неприязнь... На закате жаркого июльского дня я (вернувшись с утренней охоты... О, Лэди) безнадежно гулял с Диком под деревней и, направляясь домой, по привычке свистнул. К удивлению, Дика в тот же миг у ноги не оказалось, тогда я оглянулся и застыл... Дик стоял на стойке. Я, затаив дыхание, подошел к нему: сомнений нет. Он мелкой напряженной дрожью дрожал от головы до кончика хвоста, как-то позеленевшие глаза его блестели, ноздри жадно втягивали воздух. Я проследил направление его пылающих глаз... В полузакрытой скошенными стеблями ямке, смешно приподняв короткий носик и, видимо, ничуть не подозревая висевшей над ним гибели, спокойно сидел перепел.

Сам замирая от смутного волнения, я оглядел Дика, успокоил его, отозвал и побегал с ним домой, там схватил ружье и вернулся на то же место. Тот ли перепел продолжал сидеть в своей ямке, подвернулся ли другой, я не знаю, но Дик отчетливо, по всем охотничьим законам повел, сделал стойку и по приказу «пиль!» шагнул вперед. Перепел вылетел, упал убитый, и над ним, над мертвым, опять дрожа стал Дик.

Болван, циркач, балаганный пес, весь позор, все муки — все отлетело в прошлое. Налицо была во всем великолепии могучая охотничья собака. Какая дверца внезапно открылась в сознании Дика? Откуда вдруг налетела волна страсти, потрясшей все его

существо? Где, почему таились три года бесконечно давно врожденные собаке охотничьи чувства? И почему дремавшую страсть пробудила ничтожная пичужка в сухой ямке жнивья?

Все это собачьи тайны.

После происшествия с перепелом Дик повел себя так, как будто он всю свою жизнь только и делал, что охотился. И он всех их видел, всех знал, со всеми их уловками и хитростями имел дело, — так он за них принялся, старый опытный пес.

По тем выкрутасам, какие выделывали задние лапы Дика, я видел, что из кочек болота не бекас, сверкая брюшком, вырвется с веселым чмокающим криком, а вылетит, степенно зашелестев крыльями, задумчивый серый дупель. Утки Дика не разгорячили как-то там особенно, ничуть не нарушили его чутья. Обеспечившись двумя-тремя криками, мы непосредственно шли искать тетеревей, и — пожалуйста, хоть за деньги нас показывайте: так мне случалось стрелять по высоко летящей утиной стае и Дик после выстрела кидался куда-то бежать, я садился и спокойно ждал, что он принесет мне утку: значит, я попал, хотя думал, что промахнулся. Он видел много лучше меня. И куда он бежал за улетевшей стаей? Для утки, подбитой явно, спасение было немислимо, он настигал ее непременно.

Как? Случайно мне удалось увидеть. Я сшиб красавца-селезня, летевшего высоко над чистым озером. Он упал на спину, голова его, запрокинувшись, окунулась в воду, и было видно, как слегка шевелятся красные лапы, но едва подплыл к нему Дик, селезень нырнул. В то же мгновение исчез и Дик. Я в ужасе смотрел на круги, расходившиеся по зеркалу воды. Утонула собака? И что предпринять? Проклятый селезень, и что за несчастная мысль стрелять над озером...

Вдруг из зеркала, ясно освещенного розовым закатом, с плеском вынырнула голова Дика с селезнем в зубах и, осмотревшись, с фырканьем поплыла к берегу. Э, нет, утки-селезни, от этойкой собачки, которая ныряет, вам никак не уйти! И когда Дик, встряхнувшись, положил селезня к

моим ногам, мы, расцеловавшись, тут же сплясали пляску диких, и не домашнему, т. е. щадя окружающие предметы, а по-настоящему, так, как, надо полагать, плясал ее первобытный человек, едва успевший подружиться с волком.

После того как Дик «пошел», для меня отпала необходимость в самой тяжелой и черной работе. Для чего мне лезть по трясине, по кочкам кругом лужи? И лазить по зарослям, шарить по кустам я не желаю, вытаптывать по всем направлениям болото не мое дело. Я останавливаюсь на краю и говорю своей собаке:

— Ну-ка, брат, Дик, поищи, осмотри, какие они там такие сидят, а? Шугни-ка их сюда?

Я не знаю, конечно, в каком виде эти или приблизительно такие слова входили в сознание Дика, но что он их в точности исполнял — это вне какого бы то ни было сомнения.

Дик шел, куда я указывал, вынюхивал, высматривал и, весело помахивая хвостом, пробегал туда и сюда, как бы говоря своим беззаботным видом:

— Смотри: пусто, тут никого нет, никакой осторожности не требуется!

А если кто-нибудь тут есть?

Тогда он показывал это по-разному. В тумане утренней зари на ягоднике, осыпанном росой, Дик неожиданно замер на стойке, сгорбился как будто в ужасе и вся шерсть его поднялась дыбом. На медведя напоролся, что ли? Вдруг: бу, бу, бу! С громовым треском взорвался глухарь. Птичка тоже... Весит чуть ли не полпуда и летит пулей! Это какое угодно воображение взволнует, всякую прическу испортит.

От простой работы Дик без всякого усилия шагнул к вершинам охотничьего искусства собаки.

Промотавшись значительную часть утра в поисках тетеревиного выводака и убедившись, что он переместился, я прилег под кустом и с некоторой досадой сказал Дик, что я устал, он не собака, достойная уважения, а не годная ни на что свинья. Такое запутанное ругательство он, очевидно, не мог понять, и, не опасаясь, что я его обидел, я стал сладко дремать под шумок

старых сосен. Вдруг чувствую, что холодный нос Дика тычется мне в лицо. И лизаться лезет, свинья... Да пошел вон, что за нежности собачьи? Он отступает, бежит в лес, видимо, беспokoится, возвращается и опять лезет с нежностями. Ну, что привязался, чего тебе нужно? Видя, что я встал, он, радостно размахивая хвостом, бежит, но останавливается и смотрит, иду ли я за ним... Ах, вот что! Тогда уже я понимаю, беру ружье, мы идем, находим выводок, громим его и, набив сетку молодыми тетеревами, пляшем нашу любимую пляску.

Слава о необыкновенной, удивительной собаке разнеслась скоро и широко. Всех наших завистников и врагов, когда-то промывавших кости балаганному псу, мы стерли в порошок. После многих изумительных подвигов твердо было установлено, что, где прошел Дик, там искать более нечего, и наоборот, Дик может найти многое после разных этаких чистоплюев, имеющих дипломы и медали.

Увидев, как Дик «разделявал» болото, а я, стоя на краю, только показывал пальцем, куда идти, один заезжий барин в восхищении предложил мне за Дика сто рублей. Для студента, не знавшего, на какие средства добраться до университета, это была огромная сумма.

— Дрянь у меня собака, — сказал я, злобно смотря на Дика. — Тыфу, собака... Повешу я собаку, прогоню, продам собаку!

В ответ раздался протяжный вой...

— Да что же такое? — в недоумении проговорил заезжий богач, — он все понимает... Я двести за него дам. Идет?

— А если он с вас шляпу снимет, дадите триста?

— Пятьсот дам... Не может быть, не достанет...

— Эй, Дик!

И я едва сделал условный знак. Дик прыгнул и снял шляпу с очень высокого барина, который долго не хотел понять, как это нищий студент может не продать собаку за бешенные деньги.

А нам с Диком, что нам деньги? Мы лучше спляшем... Мало ли нас еще ждет этаких каких-нибудь необыкновенных случаев в жизни!

К тому времени, как молодые утки начинали летать, мы переселялись из городишка в деревню, в крошечную избушку. У нас обоих постелями служили матрасы из одного и того же холста, набитые одной соломой. Лазая за утками, мы оба одинаково пачкались — до ушей. Когда мы приходили домой, я умывался, а Дик вылизывался, — тут замечалась некоторая разница. Затем мы ложились спать, и, едва потушив свечку, я чувствовал, как около меня, чуть шурша, осторожно становились лапы...

— Ты здесь зачем?

Свечка вспыхивает, но около меня никого нет, на маленьком же матрасике лежит очень умная собака и чуть-чуть похлопывает кончиком хвоста.

— Грязная псина, — говорю я, сдерживая смех, — не смей сюда лезть... Ведь у тебя такой же матрас.

Я тушу свечку, и в тот же миг около меня осторожное шуршанье — псина опять здесь. Я не могу рассердиться и приказать серьезно... Негодяя это чувствует... Сколько раз я ни зажигал бы свечку, дело кончается всегда одинаково: мне надоедает эта гоньба, я засыпаю, и негодяя всю ночь спит около меня. Утром он бел и чист без всякого умывания, но моя простыня вся в болотных узорах.

— Смотри, свинья, — говорю я с досадой, — видишь, что сделал? Право, свинья.

Свинья виновато болтает хвостом. Не драться же за такие проказы.

В городском доме Дик, по-видимому, в голову даже не приходило забраться на не принадлежащую ему постель.

Дик меня любил, когда был комнатной собачкой и балаганным псом. Но после того, как мы с ним прошли по озерам, лесам и болотам, детская любовь Дика перешла в ничем непоколебимое обожание. Спал ли я или только притворялся, что сплю, вход в мою комнату был воспрещен всем, кроме моей матери. Остальным показывались зубы, — великолепные сверкающие зубы. Огромный пес лежал у порога смиренно, даже не рычал, он только показывал зубы — желание переступить порог пропадало у всех.

Вся дичь везде, по убеждению Дика, принадлежала мне. Поэтому, с кем бы я ни охотился, Дик немедленно отнимал птицу, убитую из-под другой собаки, задавая ей еще иногда при этом трепку, и приносил дичь мне. Я пробова

он отказался повиноваться. В остальном моя воля была для него высший закон. Не требовалось ни криков, ни угроз, ни пронзительных свистков... Он шалил, повесничал, в особенности когда мы только что выходили из дома. Когда мне надоедала эта беготня или на потеху зрителям, я срывал тоненький пруттик и показывал его Дик:

— Видишь? Вот я тебя, повеса, ты у меня пошляйся!

Он шел тогда точно привязанный к моему сапогам до тех пор, пока не падал пруттик, прицепленный к моему поясу. Ах, негодяй, ах, шут гороховый! Он в жизни своей не получил ни одного удара и с прутиком просто паясничал. Или тысячи лет побоев его предкам бессознательной мукой отозвались в его памяти, сковывали его волю при виде руки, берущей оружие истязания?

Мучился он недолго: как только я ронял или бросал страшный пруттик, Дик опять беззаботно бежал повесничать... Впрочем, воспоминания чело

века о том, что было тысячи лет назад, также легки, мимолетны, почти неуловимы.

На охоте даже чужой крик меня раздражал, я всегда говорил тихо, иногда шептал, показывал пальцем, — Дик шел и исполнял приказание. Он покорно и неустранимо обыскивал самые глухие, непролазные тущобы, он без колебания погружался в ледяную грязь. Я не сомневаюсь, что, если бы потребовалось, Дик по одному моему слову прыгнул бы в огненную бездну. За что такая любовь, такая преданность? Не за кусок же хлеба и не за то, что я его не бил, я стал солнцем его жизни. Ведь не мог же он знать, что я его ни за что не продам?

В Петербурге, где я проводил большую часть зимы, я Дика держать не мог никак и оставил его в провинции у матери. За два-три дня до отъезда моего оттуда, при появлении первого чемодана, Дик начинал ходить за мной неотступно, не спуская с меня глаз, и вздыхал.

— На вас смотреть мука, — жаловалась мама, — взгляды, стоны... Уезжай скорей!

Он носил за мной мои вещи, если я брал от него одну, он немедленно приносил другую, слюнявя их немилосердно; потом ему уже давали платок или полотенце, он так и ходил с тряпкой во рту весь день.

Тайну моего исчезновения он, конечно, понять не мог, несколько дней после моего отъезда вздыхал и пищал, затем вдруг чрезмерно успокаивался, чтобы не сказать — опускался. Все время моего отсутствия он скучал, все спал, мало ел, штуки показывал вяло и не все. Однажды мама пошутливо, всунув ему в рот известное письмо ко мне... Он носил, носил его, видимо, усиливаясь понять, что ему делать, и горестно заснул на своем матрасе с бумажкой во рту... Больше этой шутки не повторяли; так он был жалок.

Разлука была тяжела, но встречи наши восхитительны... При моем появлении весь дом наполнялся громовым радостным лаем. Меня Дик слюнявил с ног до головы, против этого напрасно было спорить, и я не без удовольствия покорялся.

— Ну, становись драться, собака, — говорил я, раздеваясь до рубашки, — иди, жри своего хозяина, доказывая, что ты зверь!

Он кидался на меня с восторженным оглушительным лаем, зверски рычал, хватал меня за что попало сверкающими челюстями, не причиняя никакого признака боли. Я толкал его, колотил изо всей силы кулаками по спине и бокам, что, видимо, доставляло ему большое удовольствие... В самый разгар возни я кричал:

— Ложись зайцем! — Он мгновенно укладывался русачьей лежкой, т. е. подогнув под себя лапы и держа высоко голову.

— Совсем ложись! — Он валился на бок.

— Совсем, совсем ложись... Телятиной валяйся! — Он раскидывал в стороны лапы, клал голову ухом на пол и, хлопая хвостом, весело поглядывал на меня: больше он при всем желании никак не мог лечь.

— В цирк, в цирк обоих! — кричала мама, смеясь до слез. — Странствующие артисты какие-то, клоуны... Уходите, сил больше нет!

Я в изнеможении шел умываться, а Дик — на свой матрас, не очень довольный: он в эту игру мог играть сколько и когда угодно.

Представлений мы давали много, но на охоте не шутили и плясали редко, лишь в чрезвычайных случаях. С возрастом Дик не утратил ни добродушия, ни веселости, только загриков у него стал как у откормленного теленка. На десятом году жизни Дика я получил известие, что его укусила случайно забравшая собачонка, и ввиду несомненных признаков бешенства Дика пришлось усыпить. Я не стыжусь признаться, что плакал над этим письмом...

Прощай, мой милый верный друг! Твой облик безукоризненно чист в моей памяти, на нем нет ни малейшей черной точки неблагодарности, ни мимолетной тени подлости, предательства, обмана. Про многих ли из людей можно это сказать?

Прощай, Дик. Твой ум в каких-то темных извилинах мозга, в каких-то тайниках жизни, по-видимому, граничил с умом человека, но верность и преданность твои были несомненно собачьи: в этом их высшая похвала.

Дик исчез. А жизнь шла и, кидая меня туда и сюда, продолжала манить от серой быденщины в тот странный яркий мир, где чувства человека слабы, где без помощи собаки он справиться не может. На смену Дика, не заменив его, явились другие собаки. Их было много, все хуже его: не стоит о них и говорить.

Рисунки Б. Игнатьева

ПОЛТОРА ВЕКА ОХОТНИЧЬЕЙ ПЕРИОДИКИ

М. БУЛГАКОВ

«ОХОТНИЧЬИ ЗАПИСКИ»
(1876)

«ОХОТНИК»
(1887—1888)

«ПРИРОДА И ОХОТА» (1878—1912)

Этот московский журнал можно было бы назвать курьезным, ведь вышел только один, первый и единственный его номер. Однако его содержание вполне серьезное: статьи, рассказы и очерки. Хранящийся в Российской Государственной библиотеке экземпляр представляет собой книжку в восьмую долю печатного листа. Объем — 66 страниц, иллюстраций почти нет. В букинистической торговле «Охотничьи записки» практически ненаходимы.

Надо сказать, что журнал не являлся самостоятельным изданием, он вышел в качестве приложения к «Журналу для всех», издателем которого был выходец из саратовских дворян Д. Д. Кишенский. Не вызывает сомнений, что редактор хорошо знал охоту (печатался в сабанеевском «Журнале охоты»). Кроме того, Д. Д. Кишенский в 70-е годы прошлого века получил известность как прозаик и драматург, сохранились свидетельства его личного знакомства с Ф. М. Достоевским и А. Ф. Писемским.

Любопытно, что среди авторов «Охотничьих записок» можно встретить знаменитого специалиста-гончатника из Тверской губернии Н. П. Кишенского, дальнего родственника издателя.

Есть основания полагать, что «Охотничьи записки» были попросту «прикрыты» Главным управлением по делам печати, так как Д. Д. Кишенский имел разрешение на публикацию только специальных статей, а не беллетристики. Сам редактор, по некоторым сведениям, из-за житейских и литературных неурядиц спился и в начале 80-х годов покончил жизнь самоубийством.

Во второй половине прошлого века в России издавалось до десяти «толстых» литературных журналов. А охотничий — «Природа и охота» — долгое время оставался единственным. Очевидно, лавры Л. П. Сабанеева не давали покоя алчным издателям, и со второй половины 1887 года богатый владелец московской типографии Мориц Нейбюргер приступил к изданию журнала «Охотник».

Журнал выходил каждую неделю и освещал не только охоту, но и все виды (тогда говорили — отрасли) спорта. По размеру «Охотник» более напоминал газету на 16 полосах, но «иллюстрированным» его можно назвать с натяжкой. Рисунки, по большей части технические, помещались лишь в разделах «Спорт на воде» и «Лошадиный спорт».

Нейбюргер хорошо знал издательское дело (в полиграфическом смысле «Охотник» выглядел вполне респектабельно), но, увы, с делами охотничьими его ничто не связывало. Не спасли журнал ни публикация фундаментального труда А. Н. Савельева «Ружейная охота в болоте», ни очерки-воспоминания блистательного А. А. Черкасова и Н. П. Кишенского. Издатель так и не удалось привлечь к сотрудничеству достаточное количество авторов-профессионалов. В результате дефицит материала восполнялся бесконечными переводами из иностранных журналов и руководствами «по всем отраслям спорта» (боксы, борьба и т. п.).

«Охотник» просуществовал всего полтора года и мирно почил, — обычная судьба изданий и прочих охотничьих предприятий, за которые берутся не охотники.

Журнал издавался в Петербурге и Москве ежемесячными иллюстрированными книгами объемом до 240 (! — М. Б.) страниц. Лишь в 1896 году вместо 12 вышло 6 номеров, а в 1912 году появился единственный номер, на котором издание прекратилось.

Создатель «Природы и охоты» Л. П. Сабанеев спустя почти сто лет после своей смерти обрел в России заслуженную славу, и не только среди охотников. В краткой заметке невозможно перечислить все его деяния на поприще русской охотничьей культуры. Неполным будет и рассказ о главном детище Л. П. Сабанеева — «Природе и охоте». Уместнее привести высказывание современника легендарного редактора. Вот что писал в начале века знаток и популяризатор охотничьей литературы Н. Ю. Анофриев: «Этот журнал в деле нашей охоты... сыграл историческую роль; он был звеном единения всех охотников... он положительно воспитал целое поколение их, он вызвал из среды охотников новые литературные силы и дал поле для их развития».

К этим словам можно добавить, что под охотниками Н. Ю. Анофриев подразумевал и лучших российских зоологов, кинологов, оружейников, и людей неведомой дотоле профессии — охотоведов.

После смерти Л. П. Сабанеева в 1898 году «Природу и охоту» редактировал Н. В. Туркин, но журнал, увы, постепенно тускнел и жил как бы по инерции. Возможно, одной из причин его «смерти» стало противоречие, в которое вошла издательская философия, заложенная в «Природу и охоту» ее основателем, и новые исторические условия, — наступал XX век.

После душного, знойного дня наступил вечер. Природа, как бы заснувшая до того в томительной лени и неге, стала оживать. Птицы начали свои концерты в поле и кустах. Стада домашнего скота, забившиеся от жары в глубь леса, вышли наружу, и смешанные звуки бляення, мычания и ржания огласили большой зеленый луг. Заяц выбежал кормиться на молодые всходы яровых.

Озаренное красными лучами заходящего солнца озеро было покойно. На гладкой поверхности его белыми точками, там и сям торчали гагары со своими белоснежными грудками; спавшие на середине стаи уток потянули в

чик, увидав в воде, повернувшуюся кверху брюхом, большую мертвую рыбу.

— Щука, должно быть! — равнодушно отвечала баба, продолжая колотить вальком свернутое в кучу белье.

— Язь, тетка! какая же это щука? что парня зря обманывать! — проговорил подошедший к мостику мужичок с ружьем, до сих пор молча любовавшийся на детей.

Баба вздрогнула.

— Ах; это ты, дядя Григорий! — сказала она, повернув к нему полное, потное лицо, — нешто я знаю, какая это рыба-то! Это ты вот дотошный такой, что до этой рыбы, что до птицы всякой... Супротив тебя где уж кому! Ты, кажись, что там в воде-то делается, знаешь, а не то что... Ан и вза-

што ль? али уж так ему нужны мои деньги?... ён знает, что мне негде взять, а притесняет... а за што? Птица тварь Божья и рыба тоже... творенья вольные Творца небесного, и всем их показано есть...

— Ну, вот, поди ж ты! Делай с ним што хошь, а ён свое: «воды, говорит, даром не дам, а не то что рыбы там, али...» — сказала баба, укладывая на коромысло вымытое белье. — Не ходи ты лучше, право!

— Да я так вот постою, посмотрю хоть на воду-то...

— То-то! Ну, давай тебе Бог! — заключила баба и, кликнув ребятишек, отправилась в село.

А дядя Григорий остался на берегу и, понуря голову, что-то шептал про себя. Худое, корявое лицо его, обрам-

«Браконьер»

обширные прибрежные заводы, покрытые большими водяными лопухами и окруженные высоким тростником. Огромные ястреба, называемые здесь подорликами, плавно носились над озером. Мириады стрекоз, комаров и разных мошек толклись над самой поверхностью воды, из которой, ловя их, выскакивала рыбешка. В поле на горке было еще тепло и сухо, но на берегу уже распространялась прохлада и острый запах тлеющих болотных трав щекотал обоняние. Сотни соловьев, гнездящихся в береговом тальнике, смородиннике и ольшняка, зацелкали, засвистали, переливаясь друг друга. Дикий барашек где-то, в недоступном пространстве сгущающегося воздуха, издавал свои дрожавшие отрывистые ноты. Ухала выпь в неприступной крепи озера. Многочисленные белые чайки то летали высоко над озером, то садились на воду и грациозно плавали. Гармонично жалобное куиканье чибисов доносилось из соседнего болота... Все дышало полною, цельною жизнью.

По тропинке, пробитой в высокой траве и ведущей из села Сенежа, живописно раскинутого вблизи озера, к берегу пробирался мужичок, в коротком рваном армячишке, в большой шапке и порыжелых длинных охотничьих сапогах. В руках он держал ружье. Тропинка вела к большому ольховому кусту, возле которого был устроен мостик для полоскания белья. Свежая, румяная баба, высоко подоткнувши подол платья, так что до колен были видны ее мускулистые, загорелые ноги, полоскала мужские пестрядевые рубахи. Возле нее два престелных ребенка, мальчик и девочка, возились в береговом песке, отыскивая раковины.

— Мамка, а мамка! мотри, какая это такая рыбина-то? — закричал маль-

правду не щука, — заметила она, разглядывая огромного язя, которого те-ребили дети.

— Бросьте его, окаянные! бросьте его, пострелята! Экую вонь напустили, — закричала вдруг баба. — Ну, что, дядя! — обратилась она, успокоившись, к мужику, — ты опять за охотой, никак? О-о-ох! попадешься! В-во-те задасть! он намеднись на рынке при всех говорил: «Дай, — говорит, — мне добратсь до этого Гришки Волчонка, уж я его засажу в острог, будет у меня ему рыбу да дичь всякую воровать!...» Право! Вот-те Христос, при всех говорил.

Баба перекрестилась.

— Знаю, — уныло проговорил мужичишка, — знаю, тетка, знаю... Да уж охота-то больно одолела... ни сна, ни покою из-за ее никакого не имею. Хотел было, это, совсем бросить, да нет, неумогуто, что хошь... Авось не зверь — человек ён?

— И какой злющий-то, злющий-то! страсть! Как купил ён, стало быть, это озеро, так просто вой воем. Намеднись у тетки Авдотьи платок сорвал с головы. Та корье пошла было на остров драть, а ён тут как тут... Что ты будешь с ним делать?... Одолеет, идол...

Мужичок вынул из-за пазухи кисет с табаком, набил трубку и, покуривая тютюн, молча смотрел на озеро. Большая щука болтыхнулась близко в тростнике, и мелкие волны, мало-помалу сглаживаясь, побежали от берега.

— Ишь ты, рыбы-то што играет! — заметила баба. — Ты, дядя Григорий, как Бог даст, принесешь нам щучку-то? а?... право...

— И зачем это, — проговорил как бы про себя дядя Григорий, не отвечая бабе, — и зачем это ён гоняется за мной, как за зверем каким? Хочет лишить меня моей утехы... завидно ему,

ленное небольшой русой бородкой, дышало глубокою грустью. Да и вся тщедушная фигурка его, и кожаная самодельная сумочка для патронов, висевшая через плечо на ремешке, и длинная, ржавая одностволка с веревочкой, за которую поднимался курок, — все это было очень жалко... Постояв на берегу, он хотел было повернуть на тропинку домой, как над самой его головой, со свистом и обдава свежей струей воздуха, пронеслось огромное стадо чирят и опустилось в близкую заводину. Тогда он стал заряжать свое ружьишко, аккуратно, не спеша, как истый хладнокровный охотник, и, приготовившись как следует, тихо побрел по берегу.

Солнце совсем закатилось, но огненная полоса запада еще освещала окрестность. Стало свежее. Над согретою дневными лучами поверхностью воды поднимался легкий пар. На сельской колокольне ударили часы и звуки колокола на разные тоны разлились и далеко понеслись по озеру. Из села доносились хороводные песни и крики детей... Было чудно хорошо кругом!

Григорий осторожно вышел к заводине, на которую опустились утки. Он раздвинул руками у самой воды тростник, и перед его глазами открылось небольшое и почти сплошь заросшее водорослью пространство воды, на котором копошились чирята... Выждав минуту, когда утки сплылись в более тесную кучу, дядя Григорий выстрелил. Штук шесть чирят и одна кряква остались на месте: которые ткнулись в воду головой и так неподвижно остались; которые перевернулись кверху хлупью, а которые бились и прыгали по воде самым отчаянным образом. Остальные утки, покругившись немного над убитыми, потянули на другой конец озера.

Не успел еще рассеяться пороховой дым, не успела еще выясниться из него фигура стрелка, как сзади и спереди его послышались поспешные удары весел и скрип лодок. Мужик побледнел и дрожащими руками поспешно опустил ружье в воду около берега, на котором сделал какой-то значок; потом на коленях пополз в гущину тростника...

Берег, на котором спрятался охотник, вдавался в озеро длинным, к концу суживающимся мысом. К обеим сторонам этого мыса подъезжали: с одной стороны, с открытого пространства, маленький красивый ялик, а с другой, из заводины, огромная, длинная, неуклюжая лодка. В ялике сидел сутуловатый гигант-старик, с бритым красным лицом, на котором оставлены были возле ушей небольшие седые баки. Одет он был в порожелое драповое пальто, картуз гражданского ведомства с кокардочкой и прекарные, до пояса, болотные сапоги. Одной рукой он держал великолепную английской работы двустволку, а другой — за ошейник большого белого пойнтера. Собака рвалась из лодки к берегу, но старик остановившая ее, говоря: «Тубо, тубо, Танкред!» Греб мальчик лет пятнадцати, в красной рубашке, без картуза; он был весь в поту, но бодро продолжал подымать весла своими тонкими, загорелыми руками. В другой лодке находилось человек пять дюжих рыбаков; они толкались шестами, так как водяные растения мешали взять на весла. Обе лодки почти в одно время пристали к мысу.

Куда мощная фигура старика стала на берег, то он заколыхался под ним, как перина. «Ишь, куда шельма забрался! тут только птице и ходить... — пробормотал старик. — Вы, ребята, — обратился он к рыбакам, — расположитесь так: трое станут вот здесь, чтобы отступления не было, а вы двое ступайте со мной... Теперь Гришка от нас не уйдет! Я видел, как он на самом конце стрелял уток.

— Невозможно никак уйти! — ответил один парень, — потому и плыть нельзя: с одной стороны чистое место, а с другой, стало быть, топь... тут не то что человеку — и зверю не пробраться; глубины сажени две...

— Не такой он, друг, человек, чтобы боялся чего!.. Он за полштоф все озеро переплывает взад и вперед, а то што ему... — возразил другой мужик, почесывая бороду.

— Ничего, не уйдет... Поймаем, поймаем его, каналью! Ну, пойдемте! — как-то радостно проговорил старик, и все, разойдясь, чтобы занять всю ширину полуострова, пошли к тому месту, где спрятался стрелок.

Тот сидел в густом кусте ивняка, весь согнувшись и прижавшись к мокрой земле. «Авось не найдут!» — шептал он, дрожа всем телом. Действительно, искавшие люди прошли было мимо спрятавшегося, не заметив его по густоте тростника, но чуткий пес,

бежавший впереди хозяина, потянул, ворча, прямо к дяде Григорию.

— Ага, попался, шельма! — заревел старик, спеша за собакой. — Попался, негодяй!.. теперь не уйдешь, теперь в острог тебя, вора!..

Возле притаившегося на льве браконьера было небольшое окошко, сверху слегка задернутое тинной. И вот мужичок перекрестился, подполз к этому окошку и, свесив в него ноги, стал опускаться. Жидкая грязь быстро засосала его до самой шеи; тогда он с силою ухватился за твердый корень кустарника. По мере приближения собаки, он опускался все ниже и ниже, не выпуская из рук опоры, и, когда пес ткнулся мордой в самое окошко, голова мужика скрылась под водою.

Пойнтер побежал дальше, а за ним поспешно шагал старик. Только что собака сделала прыжок вперед, покрытая тинной голова Григория опять оказалась наверху. Он тяжело дышал и стряхивал с лица грязь.

— Черт, чистый черт, а не человек! — говорил запыхавшийся, бесившийся старик, напрасно стараясь поймать браконьера. — Ведь вот на глазах, просто на глазах пропал, дьявол!

Мужики-рыбаки только разводили руками. Между тем стало темно, и старик, собрав своих помощников, отправился с ними к селу Никольскому, расположенному на противоположном берегу.

Когда лодки скрылись из глаз, осмотревшись тщательнее кругом, дядя Григорий выкарабкался из воды. Он был синий, оочевевший и дрожал как в лихорадке. Не найдя засунутые куда-то впопыхах шапку и сумку, он с открытой головой, выжимая на ходу армячишко, с которого лила вода, спотыкаясь и уходя местами по пояс в грязь, стал пробираться домой.

Темная, тихая ночь уже царил вокруг, когда мокрая, грязная фигура охотника остановилась перед ветхой, вросшей в землю избушкой на краю села. Он стукнул в окно.

— Это ты, Гриша? — проговорила высунувшая голову старушка. — Чтой-то ты, это, Господи Боже мой! никак, опять утоп?

— Ничего, маменька, отворите калитку поскорее, озяб больно! — не своим голосом прошептал Григорий, щелкая зубами.

Мать впустила его в избу, и он забрался на печку, где, скинув с себя мокрую одежду, укутался тулупом и крепко уснул.

На другой день, в то время, как старушка укладывала в корзинку уток, чтобы снести продать на барский двор, сын ее чистил свою ржавую одностволку, которая какими-то судьбами опять была в его руках...

Материал подготовлен
М. БУЛГАКОВЫМ

Владимир СЕМЕНОВ

* * *

Опять про охоту, про осень пишу — я этим болею, я этим дышу, за это страдаю, за это борюсь, за это люблю бесприданницу-Русь... И если все это отнять у меня, жизнь станет костром без тепла и огня.

* * *

В раннем детстве

курочку болотную

Мы ловили в зарослях пруда. Заболел, наверно, я охотой. Именно тогда.

Мы поймали птаху длинноногую С бляшкой желтоватой на лбу. Я не знал, что я руками трогаю Личную охотничью судьбу.

* * *

Опять весна... И на охоту снова Я собираюсь в псковские края, Чтоб там соткать узор стиха и слова, Где ждут меня, где очень счастлив я. Я стану там недосыпать и мокнуть, Потеть, и замерзать, и уставать, И падать на соломы прелой колны, Как в самую роскошную кровать. Мои ми будят лес, поля и реки; Там станут явью виденные сны, В ушах звучать бесценная векови Мелодия звенящей тишины.

Охотничья судьба

Как бусинки, на ниточку следов
Нанизаны поля и перелески.
Я раздвигаю веток занавески.
Пугаю припозднанных дроздов.
Распутываю дивную кудель,
Жую калину, битую морозом.
Назло зимы-проказницы угрозам,
Ложусь в снегов пушистую постель.
Ползу к лисе, мышкующей вдали,
Жене подарок — вот он в сотне
метров, —
Но от меня к зверьку пахнуло ветром...
О, мне все время не везло на лис!
Я утираю шарфом пот со лба, —
Какая нынче теплая погода!..
Вокруг чиста и девственна природа...
Счастливая охотничья судьба.

* * *

Переполнилась речка водою,
В деревнях все мостки залило.
Чуть пахнуло зимой молодой,
Чернотропное время пришло.
С гончаком выхожу на рассвете
В березняк и осинник густой.
Серый день, мир прекрасен и светел,
Я, как пес мой, совсем молодой.
Я от радости прыгаю свечкой
И от страсти скачу, как шальной,
Будто кто-то бурливого речкой
Разливает азарт надо мной.
Забываю другие заботы,
Понимаю: ноябрь не апрель...
Впереди две недели охоты —
Звучный гон, легкий дождь, пылкий
хмель.

Счастливая охотничья судьба

Охотниками рождаются. И совсем не важно, где родился человек — в большом городе или глухой деревушке, — тяга к природе у него появляется с раннего детства и на всю жизнь.

Я родился в маленькой деревушке Соймоново в Южном Подмоскowie. В детстве, как и все мальчишки, мечтал о путешествиях, приключениях, связанных с географией и природой, и, конечно же, делал рогатки. После первого разбитого окна в соседском доме получил взбучку, после второго — охотничье ружье. Муж соседки погиб на войне, и она за ненадобностью отдала мне его одностволку ИЖ-5. Из ружья по окнам палить не будешь, рассуждала она, а в лесу делай что хочешь... Так в нашей деревне появился двенадцатилетний охотник. Еще одно ружье было только у лесника дяди Феди, но то было казенное, и два патрона лесник так и не расстрелял за всю жизнь. Первой моей дичью стала пара молодых рябчиков, сбитых в липнике за речкой Еленкой, в двухстах метрах от нашего огорода.

И вот уже более четырех десятков лет прошло с той поры. Много разных ружей побывало в моих руках, много моими ногами пройдено дорог, тропок и всяческого бездорожья, много рюкзачных лямок стерлось на моих плечах. Но чувство радости и восторга, чувство восхищения удивленным и услышанным на природе волнует меня, как в то далекое время. Охота научила меня строить, изобретать, быть верным дружбе, интересоваться литературой, мыслить...

Стихи, которые я писал много лет, наконец стали поэтическими сборниками. В Санкт-Петербурге вышли мои книги «Охотничья судьба» (1996) и «Отзвуки охотничьей души» (1998).

Мне кажется, что у каждого настоящего охотника в душе много планов, много проектов и желаний. Лишь бы было здоровье, время, хороший товарищ, четвероногий помощник да избушка в самом-самом любимом месте.

Ни пуха вам, ни пера! — собратья по страсти, мои читатели.

* * *

Весенняя охота — вспышка света — зима прошла, вот-вот наступит лето. Внезапная любовь недолговечна, но памятна для сердца бесконечно. Охоты-то — лишь два десятка зорь — закат на тяге и рассвет в засидке. Но лягут в душу золотые слитки, как в банк швейцарский. И моя гастроль, все сущее желая и любя, похожа на уход от самого себя. Послушать вальдшнепа, увидеть косача — как будто выпить стопку первача и захмелеть от прелых листьев, талых вод на целый год, на очень долгий год.

* * *

Понятия о родине у каждого свои... Мои — чтоб утки кричали да пели соловьи, чтобы цвела черемуха с рябиной по весне, чтоб голубая белка сидела на сосне, чтоб гуси прилетали кормиться на поля, чтоб мог уснуть на сене я под мерный гул шмеля, чтоб окуни ловились в реке на червяка, чтоб животворно чистой была сама река,

чтоб токовали в поле весной тетерева, чтоб на деревьях пенилась зеленая листва, чтоб мог весной на тяге спокойно постоять, чтоб зайца лопухого мог с гончей погонять. Чтоб снегу было много морозною зимой, чтоб мог я возвратиться всегда к себе домой...

На глухаринном току

Жертвуй тягой, на подслух в болото иду одиноко по тропке лесной. Разве охота быть может охотой без глухаринного тока весной?! Пусть не добыть, так хотя бы послушать песню глухого певца. Любо потешить охотничью душу, дыма глотнуть с костерца. Не под будильник, под крик журавлиный миру глаза распахнуть и неторопкой походкой звериной в сумрак рассветный шагнуть. Будет и знобко, и жарко, и жутко, будет отчаянье, гордость, восторг... В будущем каждая эта минутка станет как воздуха чистого вдох.

* * *

Земля от дождей многодневных остыла. На станции Вязье безлюдно, уныло. На станции Вязье идут поезда, но я не хочу уезжать никуда. И эти дожди, и осенняя серость мне, будто картошка, еще не приелась, и я наслаждаюсь охотой в капель. В ягдташ попадают — бекас, коростель, и вальдшнеп, заплывший жирком до макушки, и тетерев, свечкой взлетевший с опушки... Тут славно мечтается, пишется, спится! — Охоты моей в этот год здесь столица.

* * *

Ушел без выстрела крякаш, взлетевший первым из осоки... Пришел сентябрь — охоты сроки — красивый щедрый месяц наш. Крякаш летит, крылами машет, озера видит с высоты. Еще пути скрестятся наши, мы будем с птицею на «ты». Заря осенняя утонет в тумане белом у реки. Взорвутся стайкою чирки, и эхо выстрелов застонет. Прогорклый дым, как рюмку водки, вдохну, пьянея из стволов, и запоет душа без слов, и счастья ком застрянет в глотке!

Спутниковые навигаторы (GPS)

ООО ПКФ «МАКОН»

(095) 287-11-12; 216-68-14; 216-57-49

Ориентирование в незнакомой местности - в тайге, тундре, на воде, в темноте - всегда представляет для человека сложную задачу. Помочь путешественнику в этом могут только компас, солнце, да многолетний опыт. Ошибки же в определении своего местоположения стоят подчас очень дорого.

GPS - глобальная система позиционирования - позволяет решать проблемы навигации любому человеку, кто работает или отдыхает на природе. Сегодня GPS - приемник, или спутниковый навигатор, используют люди самых разных профессий: от охотника до профессионала-спасателя.

Навигатор, принимая сигналы от нескольких десятков спутников, определяет и высвечивает на дисплее Ваши координаты в любой точке планеты с точностью 30-60 м. Память навигатора хранит координаты до 500 точек с присвоенными им названиями: «брод», «просека», «ток» и т.д.

Прибор стрелкой покажет направление на нужную Вам точку, а также азимут и расстояние до нее. Вы всегда знаете направление и расстояние до дома, лагеря или места, где оставлена Ваша добыча или провиант.

GPS определит Вашу скорость и рассчитает время прибытия в заданную точку. Навигатор «поправит» Вас стрелкой на дисплее, если Вы сбились с пути. Если Вам надо пройти заранее известный маршрут, прибор последовательно «поведет» Вас от точки к точке. Экран покажет карту, составленную из точек, хранящихся в памяти.

GPS водонепроницаем, компактен, вес около 250 г, неприхотлив и надежен в работе. Четырех батареек хватает на 24 часа непрерывной работы.

В России популярны навигаторы американской фирмы Garmin.

Спутниковый навигатор GPS незаменим для охотников, егерей, лесников и любителей путешествий.

С ним Вы не заблудитесь уже никогда.

ЕВРАЗИЯ ТУР СЕРВИС
Путешествие в мир охоты.

Организация охотничьих туров по всему миру.

Польша, Болгария, ЮАР, Намибия, Аргентина, Пакистан, Австралия, Новая Зеландия, Россия и страны СНГ.

Компания предоставляет пакет услуг, включающий:

- оформление виз и разрешения на вывоз охотничьего оружия;
- обеспечение права на охоту;
- лицензии на отстрел животных;
- оформление ветеринарных документов на ввоз охотничьих трофеев в Россию;
- сопровождающие представители-переводчики.

Наш опыт - Ваш успех!

Евразия Тур Сервис
103473, Москва, 1-й Волковский пр. д.15
Тел.: (095) 729-54-49; факс: (095) 729-54-43

 МЕХОВАЯ РАДУГА

Покупает различное пушно-меховое сырье по высоким ценам

Наличный и безналичный расчет

Заключает договора с охотхозяйственными предприятиями, предпринимателями, частными лицами

610020, г. Киров, ул. К. Либкнехта, 66
тел/факс (8332) 62-33-56, конт. тел. 62-82-05

КУПИМ ШКУРКИ СОБОЛЯ, БОБРА, КУНИЦЫ, БЕЛКИ, КОЛОНКА, ОНДАТРЫ

Цены договорные

610000, Киров,
ул. Энгельса, 79, «Вятка-мех»
тел/факс (8332) 62-57-23

ЗАО ПРЕДПРИЯТИЕ «ОБОРОНТЕХ»

Предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области
оптовые и мелкооптовые партии товаров для охотников, рыболовов и туристов

- дымные и бездымные охотничьи пороха: Сокол, Сунар, Салют, ДОП
- капсули-воспламенители КВ-21, «Жевело», «Центробой»
- гильзы металлические, бумажные полиэтиленовые 12, 16, 20 калибров
- патроны охотничьи
- газовое, сигнальное и пневматическое оружие
- ножи охотничьи
- индивидуальные средства защиты
- литература для охотников и рыболовов

Отгрузка пороха и патронов осуществляется при наличии лицензии или разрешений на право хранения и ношения оружия

Тел. (095) 527-70-31, (095) 522-38-11, внутренние тел. 87-92, 89-15
Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д. 28
НИТИ для ЗАО Предприятие «Оборонтех»

Для организаций обеспечиваем доставку порохов, патронов и капсулей специальной связью в любой регион России

МЕЖОБЛАСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ БАЗА ОХОТНИЧЬИХ И РЫБОЛОВНЫХ ТОВАРОВ «СОКОЛ»

Предлагает со склада в г. Железнодорожном Московской области

- оптические прицелы различных модификаций
- бинокли в ассортименте
- патронташи, погоны ружейные
- чехлы для карабинов и ружей
- одежду камуфлированную летнюю и зимнюю, суконную и трикотажную
- пыжи войлочные, ДВП, п/э
- рюкзаки охотничьи, туристические
- палатки, спальные мешки
- лыжи охотничьи
- товары для собаководов (ошейники, поводки, намордники и т.д.)
- дробь, картечь, пули свинцовые
- устройства для снаряжения патронов
- рыболовные снасти (удилища, леска, сети, крючки и т.д.)
- маскхалаты, противознцевалитные костюмы, обувь, головные уборы
- масло ружейное, щелочной состав
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- наборы для чистки охотничьего и пневматического оружия
- лодочные моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (лодки, сапоги, чучела птиц)

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиатранспорт, ж/д контейнер

Т/ф (095) 785-05-57, тел. (095) 527-81-38; внутренние тел. 81-38, 80-46
Адрес: 143980, Московская обл., г. Железнодорожный, ул. Дачная, д.28, НИТИ
для промбазы «Сокол»

ПРЕДПРИЯТИЕ УДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖИСТИ

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет
шкурки и хвосты беличьи, колонковые

610004, г. Киров, ул. Р.Люксембург, 23. Тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
e-майл: chief@brush.kirov.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ

ЭСТОНСКАЯ ГОНЧАЯ — КТО ТАКАЯ?

В ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ОХОТНИКА

К вам обращаются члены общества охотников и рыболовов Кропоткинского межрайонного общества по поводу беспредела, который хочет нам навязать, вернее, узаконить главохота Краснодарского края в лице председателя Г. П. Радуля. В своем распоряжении он ставит охотников перед фактом «быть или не быть» охотником.

Приехал охотовед А. И. Михайлов и ознакомил нас с положением, где «каждый охотник, независимо от стажа и возраста, обязан сдать экзамен по охотминимуму, прежде чем в обществе ему выдадут охотничий билет».

Считаем, что подобная деятельность идет вразрез с уставом и правами охотников и граждан. Те, кто впервые вступает в общество, должны заплатить полтора оклада за охотминимум, а те, которые имеют стаж уже по 10 и более лет, должны платить по одному минимальному окладу и сдать экзамен по охотминимуму.

Возложили всю эту процедуру на охотоведа, который проживает и работает в другом городе, принимать экзамены собираются в первую пятницу каждого месяца.

Многие охотники, видимо, сойдут с охотничьей тропы, увеличив число браконьеров. Может, именно этого хочет добиться Радуль Г. П.? А еще породить хаос и полный развал охотничьего хозяйства.

Наше хозяйство имеет 108,6 тыс. гектаров, силами охотников проводятся все биотехнические и охранные мероприятия. Проводится подкормка зверей и птиц в зимний, снежный период года. В хозяйство был закуплен и выпущен фазан. Уход за ним дал хорошие результаты. Была открыта охота на фазана-самца.

Главохота должна была приветствовать такую деятельность, но Радуль выбрал другое. Он вмешивается не в свои дела, подталкивая тем самым на развал охотхозяйства.

Мы, охотники общества, протестуем против такой деятель-

ности. Наше предложение: охотминимум должны проводить и отмечать в обществе охотников и без оплаты — как это велось много лет.

Просим вас вынести этот вопрос на страницы нашего издания, на общее обсуждение охотников и их отзывы. Пишите нам, друзья-охотники, неужели же мы не правы?

С уважением Почетный член ООИР Краснодарского края, зам. председателя Кропоткинского ООИР

А. А. КОСИНОВ
и еще 25 подписей
г. Кропоткин,
Краснодарского края

Уважаемая редакция! Опять обращается к вам доктор Христо Трифонов из Болгарии города Пловдив. После того как вы опубликовали мой адрес в вашем прекрасном журнале, я познакомился через письма с большим числом товарищей — охотников из России, с которыми начал переписываться и обмениваться журналами и книгами.

После известного времени с одним из них Сечка Григорием Ивановичем (г. Мегион Тюменской обл.) потерял связь. Я написал ему несколько писем, пробовав связаться по телефону. Сделал справку о его телефонном номере в Тюменской области, мне дали другой номер. Я звонил в различное время суток, но все безрезультатно.

Очень вас прошу поместить мое письмо в журнале. Может быть, он или его знакомые прочтут и откликнутся.

ХР. ТРИФОНОВ
г. Пловдив

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Проживаю я в Забайкалье, Читинской области, в городе Балее, затухающем городке золотодобытчиков. Экономические катаклизмы буквально потрясли Забайкалье, в частности нашу Читинскую область. Несмотря на то, что край наш во много раз богаче Урала по запасам полезных ископаемых, а также имеет несметное количество других богатств, вся наша горнодобывающая отрасль по сути обескровлена. Рабочие лишены средств существования. Не работает главный комбинат «Балейзолото», умирает и город, который возник благодаря комбинату. 74 % населения города — безработные, да и те, что работают, не получают зарплату вообще или с задержками по 7–8 месяцев.

Вы спросите: какое все это имеет отношение к охотничьему

хозяйству? Да самое прямое. Людям надо жить, а чтобы жить — надо есть, чтобы есть — нужна пища или деньги. Где это взять? В лесу! И кинулись все в лес. Пилят и продают деревья, в том числе и те, которые охраняются. Вооружившись незарегистрированными ружьями, а то и самодельными карабинами, идут в браконьеры — многие, чтобы не умереть с голоду. Тем не менее дают кабаргу, зайцев, рысей и косуль петлями, стреляют во все подряд. Борьба с браконьерством держится только на личном энтузиазме охотинспектора Сачкова Валерия Федоровича.

В то же время у нас в сотни, а то и тысячи раз упали цены (примемные) на пушнину. Местное общество охотников находится в неприязненных отношениях с областным, а страдают от этого рядовые охотники. Например, работники областного общества делают объявление в местной газете, что прием пушнины будет производиться в районном обществе с такого-то времени, такого-то числа, здесь же можно будет приобрести за наличный расчет патроны, лыжи, гильзы и др. К указанному времени собирается большая толпа людей, надеющихся сдать добытую пушнину. Простояв час и более на морозе, охотники узнают, что работники областного общества не приехали и сдача отлагается на неопределенный срок. Некоторые сдают шкурки китайцам, которые дают твердые цены независимо от качества.

Чтобы ценнейшее сырье, часто выбрасываемое охотниками, в лесу не гнило, а было пущено в

дело, необходим закон или хотя бы постановление о том, чтобы шкура обязательно сдавалась после закрытия лицензии.

Одна из серьезных причин деградации нашего охотничьего хозяйства — это злоупотребление некоторыми лиц своим служебным положением. А тем, кто действительно стремится к развитию охотхозяйства, ставят палки в колеса.

В. УШАКОВ
Читинская обл.

Уважаемая редакция журнала! Пишет вам эксперт по охотничьему собаководству Вечернина Виолетта Анатольевна. Мы с мужем выпускаем ваш журнал более 10 лет и очень радуемся каждому новому номеру. Мужа больше интересует рыбалка и охота, а меня, кроме этого, еще и собаки. Спасибо вам за журнал, очень много нового из него можно почерпнуть!

В прошлом году мы ходили в байдарочный поход по реке Териберке, что на Кольском полуострове. Была и рыбалка, была и охота. Но мне захотелось послать вам фото с нашими собаками: уж больно красиво они сидели на камушке, пока мы с мужем загружали байдарку.

Если вас заинтересует этот снимок, будем рады увидеть его на страницах журнала. Русско-европейской лайке 7 лет, английскому коккеру — 6, и они везде и всегда с нами.

В. ВЕЧЕРНИНА
г. Москва

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Прохоренко В. М. устанавливает капкан на волка

Иланский район расположен в центре Красноярского края. Охотугодыя общества охотников и рыболовов составляют 117,6 тыс. га. В основном это светлохвойные сосновые леса. Из копытных в угодьях обитают лось и косуля, в меньшей численности — марал. За последние пять лет в районе остро встал проблема волка. На такие методы борьбы, как авиация, в наше время рассчитывать не приходится. И волков добывают у нас при случайных встречах. В охотничий сезон 1997/98 года было добыто четыре хищника.

В селе Кучердаевка Иланского района проживает охотник Прохоренко Виктор Максимович. Это единственный человек на всю округу, который мастерски ловит волков в капканы. На его счету более 50 уничтоженных серых разбойников. Вот и в прошедшем сезоне умелый охотник добыл пять волков.

ГАЛИНА ИВАНКЕВИЧ,
биолог-охотовед,
председатель правления ООиР,
Почетный член Красноярского
КООиР

Благодаря приглашению господина Полушко Ю. В. мне удалось побывать в городе на Волге — Ярославле, на 1 Всероссийской выставке русско-европейских лаек, которая состоялась одновременно с 75-й выставкой охотничьих собак Ярославской области.

Ринги были очень удачно расположены в зеленой зоне Ярославля. По данным, которые удалось получить от главного эксперта господина В. Трофимова, в выставке участвовало 162 русско-европейские лайки из 17 областей России в 15 полных и двух неполных командах. Мне удалось

побывать на всех рингах, и хочется отметить очень сильный и ровный ринг — отличного племенного материала. Сами за себя говорят высокие экстерьерные оценки: 95 — отлично, 63 — очень хорошо и только 4 — хорошо. Это учитывая, что на выставке участвовало 24 собаки младшей группы. Великолепный показатель труда областных кинологов России!

Четыре победы на рингах говорят об уровне разведения русско-европейских лаек в Ярославской области и характеризуют работу кинолога, известного специалиста по русско-европейским лайкам Вячеслава Трофимова, а также отношение к собаководству председателя областного общества охотников А. Н. Дурандина.

Победители рингов: Самба (мл. гр. кобели) — владелец Попров, Ярославль; Мартэ (ср. гр. суки) — владелец Мельников, Ярославль; Веста (ср. гр. суки) — вл. Ситов, Ярославль; Веста (ср. гр. суки) — вл. Чистяков, Ярославль.

Ярославль упустил только две победы на рингах. Во II группе кобелей победил Плут — вл. Степаненко из Смоленской обл. (клуб «Охота»), а в старшей группе кобелей первым на ринге был кобель Дымок — вл. Поздеев из Коми (республиканское общество).

Очень хочется отметить победителя средней группы кобелей Плута (вл. Степаненко). На мой взгляд, это яркий представитель русско-европейской породы, очень удачное сочетание кобеля Икара (вл. Сударкевич) и суки Тумы (вл. Гуленков). И добавлю пару слов (мое личное мнение) о победителе старшей группы

сука — Весте (вл. Чистяков). Мне показалось, что сука Парма (вл. В. Л. Кузиванов из Сыктывкара), оставшись на втором месте на экстерьерном ринге, превосходила по всем показателям породности Весту. Но в своем деле, наверно, даже и стены помогают.

Впервые я ближе познакомился с русско-европейскими лайками из Коми и был очень приятно удивлен. Очень хорошее поголовье собак!

На фоне Ярославских, Смоленских, Коми и Кировских собак совсем незаметными остались Московские и Санкт-Петербургские русско-европейские лайки.

На выставку не приехали собаки из Конакова Тверской области, и Тверская областная команда осталась на 14-м месте (25 очков). Это был полный шок для меня! Хотелось бы спросить господина Голибева Анатолия Васильевича: где же ваши славные тверские русско-европейские лайки, которых с любовью вспоминают латвийские любители русско-европейских лаек? То, что мы когда-то видели в Твери, не забывается!

В командном зачете победили: клуб «Охота» из Смоленска — 41 очко; Коми республик. ООиР — 39 очков; Ярославское областное ООиР — 39 очков.

Еще раз хочу поблагодарить за приглашение на выставку, за встречу со старыми и знакомство с новыми специалистами по русско-европейским лайкам, за встречу со всеми друзьями, живущими в России.

М. КАЛНЫНЬШ,
гл. кинолог ООиР Латвии,
эксперт Национальной
категории Латвии, эксперт FSI

Моя сестра ходит со мной тропить зайцев. Фото С. Фоменко

Здравствуйте, уважаемая редакция! Охотой я занимаюсь с весны 1997 года. В основном охочусь на уток на перелетах и занимаюсь троплением русаков.

Поместите, пожалуйста, в вашем журнале фотографию моей сестры. Она часто ходит со мной на охоту, помогает тропить зайцев.

Недавно я приобрел щенка эстонской гончей. Очень мало литературы, где бы упоминалась эта порода. Прошу вас, опубликуйте в журнале статью об этой собаке. Знаю, что эта порода была утверждена в СССР.

И еще, было бы очень интересно услышать отзывы охотников, которые охотятся с эстонской гончей.

С. ФОМЕНКО
Пензенская обл.

Господа охотники!

**Вы хотите надолго сохранить память о Вашей охоте?
Художественно-таксидермическая студия
«Бронзовый медведь» поможет Вам!**

СТУДИЯ ПРЕДЛАГАЕТ

- изготовление чучел животных, экологических композиций и биорам
- обработка и изготовление охотничьих трофеев, сувениров из кости, копыт и рогов диких животных
- оформление охотничьих домов, залов ресторанов, кафе и баров в охотничьем стиле
- проведение и обслуживание охотничьих и рыболовных туров
- продажа таксидермических изделий

**Москва, Головинское шоссе, 1 «А»
«Дом охотника и рыбака»
тел. (095) 459-09-35**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ОПАСНЫЙ РИКОШЕТ

В то памятное сентябрьское утро мы с приятелем охотились в долине реки Тола около города Улан-Батор. Мне было пятнадцать лет, приятель был на год старше, и любимому занятию — охоте — мы предавались безудержно и с огромной страстью. Не «заболеть» ею было просто невозможно: любой дичи в то время, в середине 50-х годов, в Монголии было изобилие — «охотничий рай» в прямом смысле слова. И еще, наверное, гены добытчиков-предков тоже сыграли свою роль — и я, и приятель «заболели» охотой сразу и на всю жизнь. В это время в основном мы охотились рядом с городом на многочисленных протоках реки Тола, где весной и осенью на пролете останавливалось на отдых утиное и гусиное племя самых разных наименований и размеров. Сама долина реки, шириной в два-три километра, была слегка каменистой, ровной, как стол, и без какой-либо растительности, не считая невысокой травки. Охота была специфичной: издалека углядев стаю уток или гусей, оценивали обстановку и затем, пользуясь малейшими ложбинками и укрытиями, ползли по-пластунски «на пузе», подбираясь на расстояние ружейного выстрела — первый обычно по сидячим, второй — влет. Нам такой вид охоты очень нравился, хотя и наползаешься иногда досыта. Зато конкурентов у нас не было: взрослые тут не охотились, ездили на озера подальше от города. Наша же охота была рядом и часто с отличными результатами — принести домой десяток уток и одного-двух гусей было не редкостью. Если сидела стая уток или гусей, мы подбирались вдвоем, если одиночки, то по очереди — до выстрела.

В то утро мы хорошо поохотились и отдыхали, сидя на берегу протоки. И тут я заметил летящую стороной крякву, которая неожиданно развернулась и опустилась на длинный неглубокий плес не очень далеко от нас. Подбираться была моя очередь, и, зарядив ружье патронами с четвертым номером дроби, я, согнувшись, направился к плесу, периодически осторожно поднимая голову и оглядывая протоку, чтобы определить, где сидит утка. Увидел! Совсем близко от берега плавает и с моей стороны. Дальше — уже только ползком, уткнув нос в землю... Вроде добрался! Слегка отдышался, взвел курки своей тулки и начинаю тихонечко приподнимать голову, шаря глазами по плесу. А утки-то нету! Наверное, пока полз, она все-таки меня заметила и улетела. Обидно, но охота есть охота, тем более что мы уже не пустые. Встаю во весь рост, держа ружье наготове, и еще раз внимательно осматриваю протоку и берега. Нету, улетела! Поворачиваюсь и махаю приятелю рукой — подходи, пойдем дальше. Вижу — понял, переходит протоку и топает по другой стороне ко мне. Я же тихонечко иду вдоль плеса, переживая неудачу. Прохожу совсем немного. Приятель идет по другому берегу, метрах в пятнадцати от воды и чуть впереди... Внезапно и совсем рядом из-под кучки каких-то бурых водорослей бесшумно срывается кряква и совсем низко над водой летит вдоль протоки. Отпускаю немного, чтобы не разбить. Толчок в плечо — и снап дроби хлещет по утке и по воде... И тут же слышу громкий крик приятеля. Судорожно поворачиваю голову и вижу, что он прижимает руку к животу, складывается пополам и опускается на землю. Ничего не понимаю, бегу, плюхая по воде, через протоку, а в голове только одна мысль: «Подстрелил, в живот попал! Но каким образом, ведь приятель был совсем в стороне?» Подбегаю, опускаюсь рядом на колени, а в глазах немой вопрос. Женя, так звали друга, протягивает левую руку и показывает наружную сторону ладони — в трех местах кожа просечена дробью.

— После твоего выстрела почувствовал удар в ладонь и боль, как от ожога, вот и закричал, — говорит он.

— А почему за живот схватился? — спрашиваю я.
— Просто больно было — вот руку и прижал к животу. Вдыхаю с облегчением: ранки на руке небольшие, даже крови почти нет.

— Но как же дробь-то в тебя, вернее, в руку попала, ведь совсем в стороне был? — спрашиваю Женю.

Он недоуменно пожимает плечами.

Идем на роковое место, я лезу и достаю утку (благо глубина до колен), осматриваем — попал хорошо, а еще и приятеля зацепил.

— Значит, был какой-то дурной рикошет от воды, вопреки всем законам физики. Часть дроби пошла под прямым углом от линии выстрела — почему, объяснить не могу, но факт у тебя на руке. Кроме, как от воды, рикошетить дроби больше было неотчего. Не от утки же? Будем считать, что легко отделались, — заключаю я.

Приятель согласился, так как такой удивительный «ядовитый» рикошет мог быть только от воды, а вот почему — объяснить и понять не могли.

Случай этот запомнился на всю жизнь, и я решил рассказать о нем, чтобы охотники знали, какие неожиданные «финты» может выкинуть дробь при ударе о воду и чем это может обернуться, тем более при большом скоплении охотников, особенно на открытии охоты.

Ю. ШЕВЯКОВ

МОРСКОЕ ЧУДО

Когда миллионы лет назад сухопутная черепаха окунулась в море и осталась там жить, она была вынуждена приспособиться к существованию в морской стихии. Но панцирь ограничивал телесные изменения, и практически морские черепахи получили лишь преобразование ног в ласты, не считая размеров тела. Уж тут-то эволюция не поскупилась: если сухопутная черепаха размером с тарелку, то морская — с обеденный стол. Что касается размножения, то оно остается прежним. Морские черепахи, как и сухопутные, откладывают яйца в песок.

Из нескольких видов морских черепах наиболее известна зеленая, или, как ее еще называют, суповая черепаха. Живет она в тропических и субтропических водах западного побережья Центральной и Южной Америки, питается водорослью талассией. Откормившись на талассиевых пастбищах и достигнув зрелого возраста, черепахи отправляются откладывать яйца на песчаные пляжи Карибского моря и побережья Центральной Америки. Когда самка роет яму для яиц и откладывает их, инстинкт размножения заглушает все другие инстинкты. Черепаха будет откладывать яйца, несмотря на то, что их тут же пожирают шакалы и собаки или собирает в свою корзину человек. Здесь-то, на гнездовом пляже, и происходило основное истребление черепах. Помимо сбора яиц люди добывали и самок.

Зеленая черепаха — первое чудо Нового Света, которое увидели моряки Колумба. В Карибском море ее бесчисленные стада преграждали путь каравеллам, через них с трудом приходилось пробиваться. Былого изобилия давно уж нет. От бесчисленных стад уцелели крохи. Страны, в акваториях которых обитают морские черепахи, запретили бесконтрольное добывание этих животных и сбор их яиц, объявили заповедными места кладки яиц. Особое внимание придается охране в период размножения. Важно оберегать не только кладку, но и саму черепаху, ибо она выползет для откладывания яиц второй и третий раз. Чрезвычайно нуждаются в охране только что вылупившиеся черепахи: в течение нескольких минут, пока они добираются до воды, они совершенно беззащитны перед наземными и пернатыми хищниками.

Н. ЧЕСНОКОВ

ДЕТИ И СОБАКИ

В ветреную погоду пятилетний мальчик просится гулять. Его не пускают:

- Хороший хозяин даже собаку не выгонит на улицу.
- Так я пойду один, без нашего Марсика, — говорит ребенок.

- Мама, а у собаки лицо или морда?
- Морда.
- А если собака хорошая?

Увидев черного пуделя, малыш закричал:

- Смотри, собачка вязаная!
- Ты что, — возразил его друг, — она каракулевая...

Пятилетний Димка поглаживает рукой стенку аквариума:

- Ты у меня вместо собачки...

- У вашей собаки знатная родословная?
- У нее? Да, если бы она умела говорить, то не стала бы разговаривать ни с вами, ни со мной!

Контролер спрашивает у юного пассажира:

- Вы платили за собаку?
- Нет, мне ее подарили.

— Папа, а почему у собак нет крыльев?
Пока отец думал, что сказать, сын ответил на вопрос сам:

- Если бы у собак были крылья, то они бы тогда всех птиц переловили.

Увидел маленькую собачку с бантиком, привязанным к ошейнику, и воскликнул: «Смотрите, какая девчоночная собачка!»

- Папа, у дяди Васи есть хвост?
- Какой хвост? У дядей хвостов не бывает.
- А мама говорила тете Вале, что, как дядя Вася к нам приходит, так виляет хвостом.

- Собаки нужны охотнику, чтобы на него зайцы не напали?

- Кто кормит собаку?
- Мама.
- Гуляет кто?
- Папа.
- Ну а ты?
- А я ее люблю.

Из коллекции Анатолия САФОНОВА

СОБАЧЬЯ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

Меня не раз удивляла сообразительность собак, и примеров тому можно привести множество. Причем решение той или иной задачи псы проводили сами, без чьей-либо помощи, без какого-либо предварительного обучения.

Охотиться я начал с гончей, которую воспитал сам с месячного возраста. Рекса, так звали собаку, еще щенком как-то здорово исцарапала кошка, после чего он до конца жизни сохранил ненависть к представителям этого коварного племени. Ни одна кошка не могла устоять против его натиска и спасалась, если только успевала, на дерево. Но собака и здесь проявляла свои недюжинные способности. Загнав кошку на дерево, она некоторое время облаивала ее, а затем, отбежав в сторону, затаивалась. Кошка, не видя своего злейшего врага, обычно спускалась на землю и давала деру. А собаке только это и нужно было. Она бросалась в погоню по горячему следу и скоро настигала свою жертву. Никто Рекса такому приему не обучал.

То, что собаки могут открывать дверь, нажимая на ручку, я знал давно. Но вот открыть дверь с тугой пружиной... тут уж нужно настоящее мастерство! И свидетелем такого случая я был сам. Довольно крупная дворняга, чтобы выйти из помещения, с разбега бросилась на дверь, уперлась в нее передними лапами, — под тяжестью тела она отворилась. Собака в мгновение ока выскользнула наружу, и лишь кончик хвоста (вернее, волосы кисточки) оказался прихлопнутым дверью. Я оторопел. По всему было видно, что собака пользовалась этим приемом неоднократно.

Соболь, нашу экспедиционную лайку, никто не учил охранять имущество и добычу. Да и самой собаке было всего лишь семь месяцев. Дошел пес до всего сам, а вот каким образом — непонятно. Если в лагере появлялся кто-либо посторонний, Соболь ложился поблизости и не сводил с гостя глаз. Стоило тому только сделать попытку пошевелиться, как Соболь мгновенно оказывался возле посетителя и тихонько пощелкивал зубами. Он даже не рычал, хотя весь его вид говорил о серьезности намерений. Однажды Соболь по своей инициативе остался у добытой нами косули и охранял ее столь усердно, что не подпустил знакомого лесника не только к трофею, но даже и с лошади слезть не позволил.

Т. ПЛЕШАК
г. Архангельск

ДАНИЛКИН А., ОСТАНИН В., СТРЕКАЛОВСКИХ В. Подкормка козули: нужны коренные изменения	1
БЛЮМ М. «Вепрь 308 супер»	3
ФУРМАН М. Роковой выстрел	4
ТУМАНОВ В., ДОРМИДОНТОВ Р. В самой густонаселенной области (интервью)	6
СЕВАСТЬЯНОВ А. Быль и сказка о медведе	8
МАТВЕЕВ А. Копытные Челябинской области	10
ГАЛИШНИКОВ В. На волка загоном	12
АЗАРОВ А. На лисиц из засидки	14
БОРЕЙКО В. Неуслышанная правда	17
ДОРМИДОНТОВ Р. Все о лайках	18
МАРКОВ Б. С гончими в феврале	20
АЗАРОВ А. Привыкание к ружью	22
КОЗУЛИН А. ИЖ-27 без осечек	23
САВЧЕНКО А. Таежная цивилизация	24
КУДРЯШЕВ К. Нарезное оружие для России	26
БЛЮМ М. Лазерные прицелы на охоте	28
АЛЁХИН И. Буду ли я одинок	30
ЛЕСНИК. Мои собаки	34
БУЛГАКОВ М. Полтора века охотничьей периодики	38
СЫСОВ В. «Браконьер»	39
СЕМЕНОВ В. Стихи	40
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	42, 43, 45
ШИШКИН В. Крачки	48

Вниманию наших читателей!

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; год рождения, серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом), просим вас присылать их нам вместе с материалами, предлагаемыми для публикации.

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Держин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышов, Ю. П. Язан**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **Э. С. Корчагина**

Сдано в набор 10.11.98 г. Подписано к печати 10.01.99 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 32470 экз. Заказ 4896. Цена 8 р.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел. 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета
Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

Чеграва намного крупнее всех остальных крачек. По своей величине она приближается к сизой и даже серебристой чайкам. У нее ярко-красный (иногда с мазком черного у конца), массивный, длинный (до 7 см) клюв, размах крыльев до 1,4 м. Вес чегравы может превышать 700 г. На голове широкая черная шапочка с небольшим хохлом на затылке. Мантия и кроющие крыла светло-серые, брюшная сторона, хвост (слабо вильчатый) белые. Лапы черные. У летящей птицы концы крыльев (с внутренней стороны) выглядят темными. Зимой лоб белее, на шапочке появляются белые пестрины.

Чегравы у нас, как и в других частях ареала — Европе, Африке, Азии, Сев. Америке, — распространены спорадично от Балтики (с 1993 г. на Ладоге) до Забайкалья (возможно, и восточнее, до оз. Ханка). Селятся по песчаным, с редкой растительностью, намыванным островным косам, часто совместно с другими видами чайковых. Колонии от десятков до нескольких сотен пар. Чегравы шумны, крикливы, часто возникают ссоры с соседями (дистанция между гнездами может быть менее 1 м). В кладке 2—3 яйца со светло-охристой, крапчатой скорлупой. Яйца лежат в небольшой ямке на песке, вокруг которой птица выкладывает часто валик из ракушек, камешков, ветоши. Насиживают оба партнера 25 дней. Окраска пуховиков изменчива: от светлой до буроватой с пятнами. Чегравы активно охраняют кладки и птенцов от опасности. Для успешного гнездования необходимо наличие поблизости рыбного водоема. Размер потребляемой рыбы (основной корм) от 5 до 25 см.

Заметно меньше чегравы, но несколько крупнее речной и полярной (см. № 1 журнала) **чайконосая и пестроносая крачки**. Оба эти вида также имеют черную шапочку (у пестроносой заметен хохол на затылке). У них черный клюв (у пестроносой клюв длиннее и тоньше, с желтым кончиком) и черные ноги (у чайконосой ноги относительно длиннее, посадка выше). Мантия у пестроносой выглядит светлее, белый хвост вырезан сильнее (у чайконосой хвост с серым налетом), темный цвет на концах крыльев развит слабее, испод крыла светлее, чем у чайконосой. Отличаются и наряды молодых этих видов: у чайконосых темных пестрин на голове и спине меньше, чем у пестроносых, шапочка почти не выражена. Различается и кормовой рацион этих двух видов. Чайконосая крачка предпочитает добывать корм на земле (насекомые, мелкие грызуны, ящерицы и т. п.), пестроносая же преимущественно рыбацкая. В кладке чайконосых обычно 2—3 яйца, у пестроносых в основном 2. Колонии пестроносой более плотные и крупные, чем чайконосой. Сроки инкубации (около 23 дней) у двух видов сходны. Совпадает и время подъема на крыло (около 30 дней). Голос чайконосой крачки лишен скрежещущих и каркающих звуков, характерных для других крупных крачек. У нас пестроносая крачка селится в трех отстоящих друг от друга регионах: балтийском, черноморском и каспийском; чайконосая гнездится в восточнее (до Забайкалья), но пока отсутствует на наших балтийских берегах. Во время кочевок и миграций встречаются во многих других регионах. Птенцы и гнезда гибнут от хищников, затопления, отрицательно сказывается фактор беспокорства. Основная часть мировой популяции чегравы, чайконосой и пестроносой крачек на гнездование прилетает на территорию в границах СССР. Специально охраняются эти виды в ряде заповедников и заказников России, Украины, Казахстана, Прибалтики и других сопредельных стран. Как спорадично гнездящиеся виды, эти крачки включены в некоторые республиканские и региональные Красные книги.

В. ШИШКИН

Индексы: 70673 — на полгода, 72376 — на год. Цена 8 рублей

ISSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. № 2. 1999. 1—48